

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗУЧЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА
В СВЕТЕ ИДЕЙ М. Д. ШАРЫГИНА**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ИЗУЧЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА
В СВЕТЕ ИДЕЙ М. Д. ШАРЫГИНА**

МОНОГРАФИЯ

Под редакцией Т. А. Балиной

Пермь 2024

УДК 911.3: 316

ББК 65.04

ИЗ95

ИЗУЧЕНИЕ территориальной организации общества в свете ИЗ95 идей М. Д. Шарыгина [Электронный ресурс] : монография / под ред. Т. А. Балиной ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2024. – 4,69 Мб ; 188 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/SHarygina-Izuchenie-territorialnoj-organizacii-obshchestva-v-svete-idej.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-4097-3

Монография приурочена к 85-летию со дня рождения доктора географических наук, Заслуженного профессора Пермского государственного университета, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, основателя Пермской географической школы Михаила Дмитриевича Шарыгина.

Коллективная монография охватывает широкий круг вопросов географического изучения территориальной организации общества, которые были заложены в многочисленных трудах М.Д. Шарыгина и получили развитие в современных исследованиях. Первый раздел объединил воспоминания друзей, коллег и учеников об ученом, его вкладе в географическую науку и образование; второй раздел освещает теоретические, концептуальные, методологические и конструктивные аспекты исследований общественного развития.

Монография предназначена для специалистов в области социально-экономической географии, истории географии, региональной экономики, для научных работников, преподавателей и учащихся вузов.

УДК 911.3: 316

ББК 65.04

*Издается по решению кафедры социально-экономической географии
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Рецензенты: профессор кафедры экономической и социальной географии России МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р геогр. наук **В. Л. Бабурин**;

главный научный сотрудник, руководитель лаборатории Территориально-хозяйственных структур Тихоокеанского института географии ДВО РАН, д-р геогр. наук **А. В. Мошков**

ISBN 978-5-7944-4097-3

© ПГНИУ, 2024

© Коллектив авторов, 2024

МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ ШАРЫГИН

Заслуженный профессор Пермского государственного университета

Заслуженный деятель науки России

Доктор географической наук

Профессор

Академик МАНВШ, РАЕН, МАНЭБ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Авторский коллектив	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
Раздел 1. МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ ШАРЫГИН: ЭТАПЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	10
1.1. Профессор М.Д. Шарыгин: масштаб личности, фундаментальность и актуальность научного наследия	10
1.2. Мой коллега, друг, соавтор из Перми	22
1.3. В одной упряжке с профессором М.Д. Шарыгиным в научной работе	28
1.4. Научные интересы и достижения М.Д. Шарыгина на этапе становления как ученого	30
1.5. Опыт двух бесед и соприкосновение с эпохой	38
1.6. «Диссертационный совет М.Д. Шарыгина» и его вклад в развитие географии и подготовку научных кадров	41
1.7. Памяти М.Д. Шарыгина: преемственность поколений	53
1.8. Полвека рядом с замечательным человеком	58
Раздел 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	66
2.1. Географическое пространство-время и его свойства	66
2.2. Гений места – Екатеринбург	82
2.3. Территориальные общественные системы в свете пространственной парадигмы	89
2.4. В развитие идеи социально-экономического микрорайонирования ..	101
2.5. Концепция географических функций	111
2.6. Концепция цикла производств как метод территориальной организации	119
2.7. Пространственное развитие Пермского края (на основе идей профессора М.Д. Шарыгина)	133
2.8. Теоретико-методологическое наследие М.Д. Шарыгина в изучении трансформации городов Прикамья	153
2.9. Недвижимые объекты культурного наследия	167
Библиографический список	175

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Анимица Евгений Георгиевич – доктор географических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, главный советник при ректоре Уральского государственного экономического университета, заслуженный деятель науки РФ (Екатеринбург) *(п. 1.3; 2.2)*

Балина Татьяна Анатольевна – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь) *(п. 1.6; п. 2.8 в соавторстве с Чекменевой Л.Ю. и Осоргиным К.С.)*

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, Президент Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва) *(п. 1.1.)*

Зырянов Александр Иванович – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь) *(п. 1.4)*

Коньшев Евгений Валерьевич – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь) *(п. 2.7. совместно с А.С. Лучниковым, Р.С. Николаевым)*

Лучников Андрей Сергеевич – старший преподаватель кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь) *(п. 2.7. совместно с Е.В. Коньшевым, Р.С. Николаевым)*

Николаев Роман Сергеевич – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, начальник отдела государственной статистики в городе Пермь Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермь) *(п. 2.7 совместно с Коньшевым Е.В. и Лучниковым А.С.)*

Новиков Александр Николаевич – доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии, безопасности жизнедеятельности и технологий Забайкальского государственного университета (Чита) *(п. 1.5)*

Осоргин Константин Сергеевич – старший преподаватель кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь) *(п. 2.8. совместно с Т.А. Балиной и Л.Ю. Чекменевой)*

Паздникова Наталия Павловна – доктор экономических наук, заведующая кафедрой государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь) *(п. 2.9)*

Плюснина Ольга Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и внешнеэкономической деятельности Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург) *(п. 1.7)*

Пономарева Зинаида Васильевна – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры географии и туризма Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж) *(п. 2.4.)*

Столбов Вячеслав Алексеевич – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета *(п. 1.8; 2.1.)*

Субботина Татьяна Васильевна – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь) *(п. 2.3. совместно с Л.Б. Чупиной)*

Чекменева Лариса Юрьевна – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь) *(п. 2.8. совместно с Т.А. Балиной и К.С. Осоргиным)*

Чистобаев Анатолий Иванович – доктор географических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле СПбГУ (Санкт-Петербург) *(п. 1.2.)*

Чупина Лариса Борисовна – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь) *(п. 2.3. совместно с Т.В. Субботиной)*

Шерин Егор Александрович – кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН. (Иркутск) *(п. 2.6.)*

Яковлева Светлана Ивановна – доктор экономических наук, доцент, профессор факультета географии и геоэкологии, Тверской государственной университет (Тверь) *(п. 2.5.)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ноябре 2023 года исполняется 85 лет со дня рождения доктора географических наук, Заслуженного профессора Пермского государственного университета, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Михаила Дмитриевича Шарыгина. Без малого полвека он был не только заведующим кафедрой, но и создателем Пермской географической школы, основоположником ряда научных направлений общественной географии.

Для каждого научного направления и его профессионального сообщества важно сохранять знание о тех выдающихся людях, которые стояли у истоков формирования системы знаний, чтить их роль в создании теоретических и методологических основ науки, помнить о блестящих примерах их реализации этих знаний на практике. Профессор М.Д. Шарыгин занимает видное место в плеяде отцов-основателей отечественной географии. С его именем неразрывно связана эпоха трансформации экономической географии в социально-экономическую и далее – в общественную, что нашло отражение в его многочисленных трудах. Отдавая дань Человеку с большой буквы, известному ученому, мудрому руководителю, великолепному преподавателю, необходимо сохранить память о нем как о личности с широчайшим кругозором и интересами, незаурядными способностями и удивительной скромностью.

В силу ограниченности объема коллективная монография охватывает далеко не весь обширный круг вопросов географического изучения территориальной организации общества, которые были заложены в многочисленных трудах М.Д. Шарыгина и получили развитие в работах его друзей, коллег, учеников. Эта задача еще ждет своих исследователей. Авторы постарались отразить наиболее яркие, запоминающие черты ученого, подчеркнуть самые значимые, выдающиеся научные результаты.

Монография включает два раздела: первый объединил воспоминания друзей, коллег и учеников об ученом, педагоге, руководителе: этапах его становления, научных интересах и общественной деятельности; вкладе в отечественную науку; развитие высшей школы и географическое образование.

Второй раздел – это творческое осмысление и авторская интерпретация идей профессора М.Д. Шарыгина; он содержит подборку статей по теоретическим, концептуальным, методологическим и конструктивным аспектам общественного развития, которые по тематике и инструментарию освещают все стороны жизнедеятельности населения. Круг научных интересов М.Д. Шарыгина чрезвычайно широк, вбирает практически все аспекты социально-экономической географии, что и определило общее название монографии. Данный раздел выстроен по принципу «от общего к частному» и включает, во-первых, блок теоретических статей, которые отражают трансформацию предметной сущности географии, углубление ее теоретических и методологических основ. Во-вторых, ряд статей посвящены исследованиям территориальной организации производительных сил, развитию идей ЭПЦ и ТПК на примере старопромышленных регионов. В заключительном блоке представлены статьи о демографических, социальных и историко-культурных аспектах развития регионов в контексте концепции Территориальных общественных систем.

Материалы монографии печатаются с минимальной редакторской корректировкой. Они будут полезны для научных и практических работников, аспирантов и магистрантов, занимающихся проблемами общественной географии и территориального управления.

РАЗДЕЛ 1. МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ ШАРЫГИН: ЭТАПЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1.1. Профессор М.Д. Шарыгин: масштаб личности, фундаментальность и актуальность научного наследия

Творческая «звезда» выдающегося коллеги, профессора Михаила Дмитриевича Шарыгина ярко засияла в самом начале 1980-х годов. Это был период масштабных структурных и предметно-содержательных изменений в нашей науке, «социологизирующейся», «гуманизирующейся»¹ и, в этой связи, неумолимо трансформирующейся из бывлой экономической – в социально-экономическую и, далее, общественную географию². Благодаря своим профессиональным и личностным качествам профессор Шарыгин стал одним из драйверов этого процесса, его значимым организатором, методологом, теоретиком.

Неизменной остаётся и искренняя признательность Михаилу Дмитриевичу за то, что он в мае 2010 года в числе других лидеров нашей науки однозначно поддержал идею создания Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), стал одним из её сооснователей, всячески способствовал её становлению (рис. 1.1), многое сделав в том числе и для успешного проведения VIII Ежегодной Ассамблеи АРГО в сентябре 2017 г. в Перми.

О докторе географических наук, профессоре Шарыгине как о настоящему крупном и высокопродуктивном отечественном учёном, проживающем и работающем в Перми, я узнал ещё в студенческие годы (1979-1984) от моей мамы, Светланы Сергеевны Дружининой, активном и всеми уважаемом члене нашей советской экономико-географической корпорации, многие десятилетия, до самого конца, поддерживавшей с Михаилом

---

¹ Лавров С.Б. Интеграционные тенденции в географии // Советская география. Л.: Наука. Ленинградское отделение. 1984. С. 28–41; Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Экономическая и социальная география: новый этап. Л. 1990. 317 с.

² Трешников А.Ф., Жекулин В.С., Лавров С.Б. Советская география: некоторые итоги и перспективы // Известия Всесоюзного географического общества. 1982. № 6. С. 465–474; Дружинин А.Г. Развитие российской общественной географии: тренды, проблемные ситуации, приоритеты // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С.127–140

Дмитриевичем тёплые дружеские отношения. Искренне горжусь и уже в скором времени состоявшимся личным знакомством с профессором Шарыгиным, нашими сложившимися далее и неизменно воспроизводимыми в самых разных форматах профессиональными и человеческими контактами (рис. 1.2).

Рис. 1.1. Профессор М.Д. Шарыгин среди коллег на I (Учредительной) Ассамблее Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), Ростов-на-Дону, май 2010 г.

(справа-налево: акад. П.Я. Бакланов, проф. Ю.В. Поросенков, проф. М.Д. Шарыгин, доц. С.С. Дружинина, проф. А.И. Чистобаев, проф. А.Г. Топчиев)

Рис. 1.2. Проф. М.Д. Шарыгин и проф. А.Г. Дружинин на ростовской набережной (май 2010 г., Ростов-на-Дону)

Моя ростовская домашняя библиотека наполнена в разные годы подаренными Михаилом Дмитриевичем книгами с его авторством, сборниками, выпусками журналов с его статьями. Память же бережно и с пиететом сохраняет образ этого замечательного Человека, его манеру общаться, говорить, во всём и всегда проявляющуюся подлинную заинтересованность в нашей профессии, деле, которому о себя посвятил, созданному им коллективу, партнёрству с коллегами.

Михаил Дмитриевич Шарыгин оставил нам, российским географам-обществоведам своё обширное и очень ценное (не только для понимания

былой эпохи, но и с позиций сегодняшнего дня, с ориентиром на перспективу) научное наследие. Последующий текст – попытка вычленить, тезисно высветить и уже с позиций реалий и вызовов третьего десятилетия XXI столетия акцентировать его ключевые, как представляется автору, наиболее существенные моменты.

Теоретико-методологический инструментарий дробного экономического районирования

М.Д. Шарыгин утверждался в профессии в эпоху, когда советские экономико-географы продолжали концентрироваться именно на проблематике «наилучшей территориальной организации хозяйства» (с. 405)¹, ограниченной лишь размещением промышленности, сельского хозяйства и транспорта². Доминировало в науке (став инструментальным мейнстримом в исследованиях) и учение о территориально-производственном комплексе (ТПК). Михаил Дмитриевич сполна опирался на него (до сих пор, кстати, не исчерпавшего ни теоретический, ни прикладной потенциал) в своей кандидатской диссертации «Формирование и развитие локальных территориально-производственных комплексов северо-востока Кировской области» (успешно защищена в 1970 г.³), особо ценной, как видится, именно детализированным анализом факторов и особенностей территориально-производственного комплексобразования на местном (субрегиональном уровне).

Локальный территориально-производственный комплекс (ЛПТК) понимался Михаилом Дмитриевичем как основа соответствующего микрорайона, в свою очередь рассматриваемая в качестве низшей экономической единицы интегрального районирования. ЛПТК являет собой, при этом, «такое взаимосвязанное и взаимобусловленное сочетание предприятий и производств на небольшой территории, которое опирается на общие системы инфраструктуры и сервиса, рационально использует местные природные, материальные и трудовые ресурсы и даёт определённый народнохозяйственный эффект» (с. 45)⁴. Данный методологический подход представляется значимым чётко просматриваемым в нём сочетанием сложившейся в

---

¹ Константинов О.В. Экономическая география в СССР. К 50-й годовщине Советской власти // Известия Всесоюзного географического общества. 1967. № 5. С. 403–409

² Буяновский М.С. К вопросу о методологических основах экономической географии // Известия Всесоюзного географического общества. 1954. № 6. С. 526–531

³ К Юбилею профессора Михаила Дмитриевича Шарыгина // Географический вестник. 2008. № 2. С. 278–284.

⁴ Шарыгин М.Д. Дробное районирование и локальные территориально-производственные комплексы. Курс лекций. Пермь. 1975. 139 с.

1930-1960-е гг. отечественной традиции (акцент на производстве, энергопроизводственных циклах, территориальном комплексобразовании) и элементов зарождающегося нового, лишь вовлекаемого в тот период в экономико-географический анализ (инфраструктура, сервис, трудовые ресурсы). Это открывало широкую перспективу для столь необходимого (подчеркну, не только в 1970-е годы, но и в наши дни!) «совместного изучения производства и расселения на конкретной территории» (с. 71)¹.

Сполна овладев сверхценным для географа (как постулировал Н.Н. Баранский²) приёмом «игры масштабами», М.Д. Шарыгин в дальнейшем в своей исследовательской работе регулярно обращался к «низовому» уровню пространственной организации общества, ориентируя на это же своих учеников и коллег.

В последующие годы в сфере приоритетных научных интересов М.Д. Шарыгина пребывает уже весь Уральский экономический район, что позволило Михаилу Дмитриевичу в 1980 году успешно защитить (в МГУ имени М.В. Ломоносова³ докторскую диссертацию на тему «Проблемы дробного экономического районирования и развития локальных территориально-производственных комплексов (на примере Уральского экономического района)». Существенное место в этом по ряду аспектов пионерном исследовании (с «выходом» на оценку эффективности функционирования ЛТПК, а также на проблематику их моделирования и прогнозирования) заняли вопросы методологии. Их разработка велась в условиях, когда отечественная экономическая география всё ощутимее «поворачивалась» к тематике населения, расселения (включая динамично развивающуюся географию городов), сферы услуг, к изучению обстоятельств развития человеческого общества в целом⁴. М.Д. Шарыгин не только осознавал, осмысливал

---

¹ Шарыгин М.Д. Дробное районирование и локальные территориально-производственные комплексы. Курс лекций. Пермь. 1975. 139 с.

² Баранский Н.Н. Страноведение и география физическая и экономическая // Известия Всесоюзного географического общества. 1946. № 1. С.9–24

³ Балина Т.А., Еропкина Н.Д., Лучников А.С., Меркушев С.А., Столбов В.А., Субботина Т.В., Бакланов П.Я., Мошков А.В. Памяти Михаила Дмитриевича Шарыгина, доктора географических наук, профессора Пермского государственного национального исследовательского университета, заслуженного деятеля науки Российской Федерации // Тихоокеанская география. 2020. № 3 (3). С. 74–78.

⁴ Константинов О.А. Новое направление географических исследований // Известия Всесоюзного географического общества. 1979. № 4. С. 293–298; Агафонов Н.Т., Алаев Э.Б., Воробьев В.В., Ковалёв С.А., Паламарчук М.М., Хорев Б.С. Пути развития социально-экономической географии СССР (по итогам работы VII Съезда Географического общества СССР) // Известия Всесоюзного географического общества. 1981. № 2. С. 97–104.

эти изменения, но и уже в качестве доктора географических наук, профессора, признанного теоретика экономической географии, прочерчивал их концептуальный контур, соучаствовал в формировании исследовательской повестки, что воплотилось в многочисленных статьях и книгах, посвящённых магистральным тенденциям нашей науки, а также новым, активно утверждающимся в её языке понятиям: «территориальная социально-экономическая система», «территориальная общественная система» и др.

Весомый вклад в теорию территориальной организации общества

Начиная с 1980-х годов, благодаря своей стремительной дифференциации, советская экономическая география всё в возрастающей мере трансформировалась в науку, главным объектом которой стала (как это первым чётко высветил Б.С. Хорев) территориальная организация общества (ТОО). Профессор Шарыгин (в том числе совместно с ближайшими коллегами – А.И. Чистобаевым, А.М. Трофимовым, В.В. Ворониным, В.А. Столбовым, Т.В. Субботиной и др.) также всячески инициировал, анализировал и популяризировал этот процесс, последовательно формируя соответствующий понятийно-категориальный аппарат. В многочисленных фундаментальных работах¹ в качестве первичного элемента ТОО он логично рассматривал «территориальную социально-экономическую систему» (ТСЭС), понимаемую как «пространственно-временное сочетание социально-экономических элементов жизнедеятельности людей, включенное в процессы общественного воспроизводства, развивающееся как звено географического разделения и интеграции труда, услуг, информации» (с. 6)². Формирование и развитие ТСЭС, подчёркивал Михаил Дмитриевич, «процесс объективный и закономерный. Он проходит под влиянием законов концентрации, комплексирования, иерархизации общества, достижений научно-технической революции, урбанизации, социологизации и экологизации всех общественных систем и структур»³.

---

¹ Трофимов А.М., Шарыгин М.Д. Общая география (вопросы теории и методологии). Пермь: Пермский госуниверситет. 2007. 494 с.; Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Экономическая и социальная география: новый этап. Л.: Наука. 1990. 320 с. Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Региональный капитал. Пермь: Пермский университет. 2016. 530 с.

² Шарыгин М.Д. Современные задачи социально-экономической географии // Известия Всесоюзного географического общества. 1984. Вып. 2. С. 97–104.

³ Шарыгин М.Д. Современные задачи социально-экономической географии // Известия Всесоюзного географического общества. 1984. Вып. 2. С. 97–104.

Согласно профессору Шарыгину предметным свойствам формирующейся общественной географии наиболее полно отвечает «территориальная общественная система» (ТОС), относящаяся к классу сложноорганизованных пространственно-временных систем, поскольку «в их состав входят все элементы материальной и духовной сфер жизнедеятельности населения» (с.8)¹. Под ТОС, которые «можно квалифицировать как конкретную, исторически обусловленную пространственно-временную форму организации общества» (с. 17², подчёркивал Михаил Дмитриевич, «понимается социально и экономически эффективное, экологически безопасное пространственно-временное сочетание всех сфер жизнедеятельности людей, рационально использующее территориальный потенциал для повышения благосостояния населения» (с. 27)³.

Осмысливая первичные «ячейки» территориальной организации общества, М.Д. Шарыгин (и это весьма существенно!) видел их сопряжённость, временную логическую последовательность. Он показывал, как ТСЭС базируются на ТПК, генерализируются в предельно интегрированном объектно-содержательном контуре ТОС, а последние, в свою очередь, в русле актуализируемых экологических детерминант пространственного развития трансформируются в «территориальные общественно-экологические системы» (ТОЭС), представляющие собой (как полагал Михаил Дмитриевич) пространственную форму активности людей, в которой «появится возможность достижения более высокого уровня жизнедеятельности населения и творческого развития личности, проживающего в комфортной окружающей среде» (с. 23)⁴.

В этой структуре внешне замысловатых и в чём-то способных показаться абстрактными понятийно-категориальных конструкций ценным видится не только задаваемый М.Д. Шарыгиным вектор позитивных изменений в ТОО (всё больший учёт множества сторон и граней бытия Человека,

---

¹ Шарыгин М.Д. Эволюция учения о территориальных общественных системах // Географический вестник. 2006. № 1 (3). С. 4–13

² Трофимов А.М., Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Теория организации пространства. Сообщение III. Пространственно-временная организация общества. Известия Русского географического общества. 1993. Вып. 5. С.11–21

³ Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Теоретико-методологические аспекты поиска законов и закономерностей в общественной географии // Географический вестник. 2020. № 1 (52). С. 22–32

⁴ Шарыгин М.Д. Общественная география: контуры будущей науки // Географический вестник. 2014. № 1 (28). С. 20–28.

его интересов, включая и вопросы экологии), но и фактически предлагаемая им методология обеспечения преемственности идей и подходов в отечественной экономической (общественной) географии, когда современный предмет общественно-географического анализа (ТОС, ТСЭС) рассматривается в единстве со своим «предшественником» (ТПК, экономический район), а социальные, культурные, духовные и иные аспекты пространственной динамики учитываются в единстве с экономическими факторами и процессами.

Будучи высоким профессионалом, М.Д. Шарыгин в целом очень чётко и корректно понимал (и в своих работах всячески высвечивал) сложность предметно-объектной сферы общественной географии и её неизменный динамизм, подчас предвидя грядущие ситуации и процессы. Так ещё в 2014 г. он полагал, что «информационно-коммуникационные системы станут важным фактором хозяйственной деятельности, расширения domestikации труда, перемещения рабочих мест в жилые помещения» (с. 24)¹. Обращал внимание он и на многослойность социально-экономических пространств, наиболее явным проявлением чего выступают формирующиеся «своеобразные локационные социально-географические поля с концентрацией разнородных компонентов и элементов» (с. 20)². Глубокое осмысление факторов и особенностей пространственной динамики общества позволило Михаилу Дмитриевичу выйти на предельно высокий уровень концептуальных обобщений по целому ряду направлений.

Во-первых, это относится к **разработке** (совместно с соавторами) **элементов некой «пространственно-временной парадигмы в географии»**. Как полагал Михаил Дмитриевич, теоретическим стержнем общественной географии может стать «сквозная» теория географического пространства-времени (понимаемого как сочетание географических объектов и совокупности связей и отношений между ними), и пространственно-временной организации общества. Опорными компонентами – дискретизация континуального пространства-времени и теория географического поля, социально-

---

¹ Шарыгин М.Д. Общественная география: контуры будущей науки // Географический вестник. 2014. № 1 (28). С. 20–28.

² Шарыгин М.Д. Общественная география в России: тернистый путь развития // Географический вестник. 2017. № 2 (41). С. 17–25.

эколого-экономического районирования, учение о территориальных общественно-экологических системах (с. 22)¹.

Необходимость исследования различных процессов и событий макро-, мезо-, микроуровней в органической взаимосвязи пространственной и временной компонент согласно профессору Шарыгину должна быть реализована в рамках особого взгляда на мир – пространственно-временной парадигмы. В её русле пространство (географические пространства), полагал М.Д. Шарыгин, приобретает временное изменение только тогда, когда оно превращается в поле взаимодействия различных движущих сил и компонентов природы и общества, когда возникают и развиваются населенные пункты, коммуникации и тем самым формируется пространство (среда) жизнедеятельности человека (с. 13)². Данный подход увязан с обращением географической науки к циклично-волновой методологии, к принципам нелинейности, к теории синергетики, самоорганизации. Активно задействовал М.Д. Шарыгин в своих текстах и такие особым образом актуализированные ныне категории как «качество жизни населения», «нравственный императив», «экологический императив»³ Пристальное внимание М.Д. Шарыгин уделял и осмыслению более широкого, по сути общенаучного феномена «территориальность»⁴. Разрабатывалась им и стержневая для нашей науки проблематика географического мышления⁵.

Во-вторых, в трудах М.Д. Шарыгина заметен интерес к такой «тонкой» (и достаточно дискуссионной) тематике как **законы и закономерности в общественной географии**. Формируя на основе учёта позиций коллег собственное видение ситуации, Михаил Дмитриевич фокусировал внимание, в частности, на «законе усложнения географической материи», «за-

---

¹ Шарыгин М.Д. Общественная география: контуры будущей науки // Географический вестник. 2014. № 1 (28). С. 20–28.

² Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Пространственно-временная парадигма в географии // Географический вестник. 2005. № 1–2. С. 11–14.

³ Шарыгин М.Д. Социально-экономическая география: традиции и современные тенденции развития // Географический вестник. 2011. № 1 (16). С. 17–25

⁴ Трофимов А.М., Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Общегеографические категории. 1. Территориальность // Известия Русского географического общества. 1995. № 6. С. 1–9

⁵ Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Географическое мышление: новые грани проявления // Известия Всесоюзного географического общества. 1991. № 3. С. 239–

коне трансформации территориального потенциала в региональный капитал», а также «законе сочетания континуальности и дискретности географического пространства»¹.

В-третьих, существенные наработки предложены проф. М.Д. Шарыгиным в области **обоснования достижений (равно как и проблемных ситуаций) собственно самой социально-экономической (общественной) географии**. Так, в частности, он подмечал, что в прошлом столетии первая его половина была ознаменована «расцветом» экономической географии, а вторая – «погоней» за ускользающим предметом познания в быстро меняющейся стране и мире². Характеризуя современные ему реалии, фокусировал внимание на низком уровне фундаментализации социально-экономической географии и снижение интереса к теоретическим изысканиям (с. 20)³.

В ряду многочисленных его науковедческих работ особое (ключевое) место, вне сомнения, занимает монография «Экономическая и социальная география: новый этап»⁴, подготовленная совместно с проф. А.И. Чистобаевым), являющая попытку «оценить современный уровень экономической и социальной географии, вычленив главные её концептуальные положения и наметить пути развития...» (с. 7)⁵. Книга эта, кстати, обрела не только всесоюзную известность, но была по достоинству оценена зарубежными коллегами. Именно её, кстати, подчёркивая свой пиетет к идеям и наработкам советских (российских) коллег, особым образом показал мне (май 2015 года, Гавана) в своей домашней библиотеке Президент Географического общества Кубы, доктор географических наук, профессор, академик Хосе Мануэль Матео Родригес.

В-четвёртых, неизменное внимание в своих трудах М.Д. Шарыгин уделял **разработке концептуальных подходов в области территориального управления и самоуправления**. Подчёркивая, «если у исследований нет выхода в сферу управления, значит они не завершены или абстрактны»

---

¹ Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Теоретико-методологические аспекты поиска законов и закономерностей в общественной географии // Географический вестник. 2020. № 1. С. 22–32

² Шарыгин М.Д. Социально-экономическая география: традиции и современные тенденции развития // Географический вестник. 2011. № 1 (16). С. 17–25

³ Шарыгин М.Д. Общественная география: контуры будущей науки // Географический вестник. 2014. № 1 (28). С. 20–28

⁴ Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Экономическая и социальная география: новый этап. Л.: Наука. 1990. 320 с.

⁵ Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Экономическая и социальная география: новый этап. Л.: Наука. 1990. 320 с.

(с. 90),¹ он одновременно полагал, что необходимая нашей науке тенденция расширения прикладных исследований может получить дальнейшее развитие лишь в сочетании с тенденциями её фундаментализации².

В этом плане особо значимой (и теоретически, и практически) видится предложенный им (совместно с В.А. Столбовым) концепт так называемого «регионального капитала», знаменующий собой перенос центра тяжести проблемы капитализации страны (возникшей в связи с рыночными трансформациями и хозяйственной глобализацией) непосредственно на уровень регионов (с. 471)³. Капитализация рассматривалась при этом как непрерывный целенаправленный процесс, обеспечивающий расширенное воспроизводство не только социума, но и разнообразных форм его жизнедеятельности, как «наращивание весомости всех компонентов богатства территории (с. 511)⁴.

М.Д. Шарыгин полагал, что с помощью инструментария «регионального капитала» удастся гармонизировать взаимоотношения центра и периферии, оптимизировать межрегиональные взаимодействия, создать действенную систему местного самоуправления, то есть практически постараться решить многие весьма актуализированные в постсоветский период общественно-географические научно-практические задачи. В их числе М.Д. Шарыгин особым образом выделял вопросы модернизации экономики подобных Пермскому краю традиционно-индустриальных регионов⁵, призывая обратить наиболее пристальное внимание на модернизацию территорий с высоким удельным весом предприятий военно-промышленного комплекса.

Неизменный интерес к регионалистике, к страноведению, к эколого-экономической тематике (включая и вопросы соответствующего районирования⁶) вели М.Д. Шарыгина **к обоснованию необходимости и в целом**

---

¹ Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Объектно-предметная и функциональная сущность общественной географии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. 2007. № 1. С. 88–92

² Шарыгин М.Д. Социально-экономическая география: традиции и современные тенденции развития // Географический вестник. 2011. № 1 (16). С. 17–25

³ Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Региональный капитал. Пермь: Пермский университет. 2016. 530 с.

⁴ Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Региональный капитал. Пермь: Пермский университет. 2016. 530 с.

⁵ Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Территориальные аспекты модернизации традиционно-индустриальных районов России // Региональные исследования. 2006. № 3 (9). С. 3–10

⁶ Шарыгин М.Д., Фоминых С.Б. Морфология и границы эколого-экономических районов // Известия Всесоюзного географического общества. 1987. № 4. С. 324–330

общегеографического синтеза, к разработке методологии и теории так называемой «общей» (интегральной) географии¹.

Труды Михаила Дмитриевича Шарыгина, сгенерированные им научные идеи – это, вне сомнения, «золотой фонд» российской (советской) общественной географии, её неотъемлемая составляющая и, одновременно, беспристрастное, фиксирующее тематические и концептуальные изменения «зеркало».

Все годы нахождения в профессии много и продуктивно работая, М.Д. Шарыгин неизменно являлся активным творцом и новатором, но, при этом, никогда, ни на одном из переломных этапов нашей отечественной истории – не выступал «ниспровергателем», придерживаясь в позитивном смысле традиционалистской, уважительной к опыту и наработкам прошлого позиции. Став признанным методологом и теоретиком, в своих подходах и концептах он последовательно опирался на географическую конкретику, на тщательно осмысливаемый регионоведческий материал, уделяя первостепенное внимание вопросам практического применения общественно-географического знания, в том числе в процессе взаимодействия с органами государственной власти.

Своими многогранными усилиями Михаил Дмитриевич сформировал Пермскую школу социально-экономической (общественной) географии – оригинальную, узнаваемую и уважаемую в нашем сообществе, демонстрирующую резистентность и способность к последующему саморазвитию. Спасибо коллегам-пермякам, не только продолжающим дело Михаила Дмитриевича, но и сохраняющим память о об этом замечательном Учёном и прекрасном Человеке!

---

¹ Трофимов А.М., Шарыгин М.Д. Общая география (вопросы теории и методологии). Пермь: Пермский госуниверситет. 2007. 494 с.

1.2. Мой коллега, друг, соавтор из Перми

В 1965-м году в столице Республики Коми г. Сыктывкаре Обкомом КПСС, Советом Министров Коми АССР, Коми филиалом АН СССР была созвана Республиканская научно-практическая конференция «Развитие и размещение производительных сил Коми АССР». Бурное развитие экономики республики в тот период (освоение ресурсов нефти и природного газа, титановых руд, бокситов, строительство новых угольных шахт, крупнейшего в Европе лесопромышленного комплекса, энергетических объектов, транспортной инфраструктуры и т.д. и т.п.) привлекло внимание к конференции представителей министерств и ведомств СССР и РСФСР, научно-исследовательских и проектно-изыскательских организаций.

Оргкомитетом конференции мне, молодому специалисту, распределенному в 1963-м году после окончания Ленинградского государственного университета в Отдел экономики Коми филиала АН СССР, было поручено курировать организацию приглашения и размещения ученых. Среди таких оказался Михаил Николаевич Степанов, кандидат географических наук, заведующий кафедрой экономической географии Пермского государственного университета, с которым я познакомился год назад во время командировки в Пермь для совместной подготовки докладной записки «О целесообразности строительства железной дороги Сосногорск – Соликамск». Пермский гость познакомил меня со своим коллегой по кафедре Михаилом Дмитриевичем Шарыгиным, стройным, застенчивым, как мне тогда показалось, молодым человеком, не проронившим ни слова при первой нашей встрече; он как бы извинялся, что приехал на конференцию без приглашения. Прошло с того момента какое-то время, как неожиданно я получил от нового знакомого из Перми открытку с поздравлением советским праздником, я ответил, и таким образом между нами завязалась переписка, переросшая после следующей встречи в Москве в дружбу, продолжавшуюся более полувека.

Михаил Дмитриевич старше меня на два года, два месяца и двадцать дней. Разница в возрасте определила очередность защит наших диссертаций: сначала он, потом я. Обладая уже соответствующей ученой степенью, он писал отзывы на авторефераты моих диссертаций. Они не были формальными, наводили на размышления, при очередной встрече на конференциях в разных городах и весях мы возвращались к ним, нередко спорили.

Приобретя «научный вес», авторитет у начальства М.Д. Шарыгин много раз приглашал меня на свою кафедру социально-экономической географии для прочтения лекций и проведения семинаров. То же самое предпринимал и другой мой иногородний друг, доктор географических наук, профессор Анатолий Михайлович Трофимов, который заведовал кафедрой математических методов в экономической географии в Казанском государственном университете (рис. 1.3).

Рис. 1.3. На научной конференции в Москве, 1980-е гг.
(М.Д. Шарыгин, А.И. Чистобаев, А.М. Трофимов)

Установившиеся между нами творческие общения способствовали формированию у нас единых взглядов на исследование и разрешение научных проблем, в результате чего стали появляться совместные публикации «на троих» – Трофимов, Чистобаев, Шарыгин.

Три статьи опубликованы в «Известиях Географического общества» в составе цикла «Теория организации пространства»:

1) Географическое пространство–время и структура геообразований. 1993. Вып. 2. С. 9 – 17;

2) Социально-географическое пространство и территория. 1993. Вып. 3. С. 9 – 17;

3) Пространственно-временная организация общества. 1993. Вып. 5. С. 11 – 21.

Еще две статьи вышли в «Вестнике СПбГУ. Серия 7» в составе цикла «Теория поля и границ в географии»:

1) Концепция географического поля. 1993. Вып.3. С. 94 – 101;

2) Границы географических образований. Вып. 4. С. 48 – 55.

В то время пространственная проблематика в нашей стране еще только-только пробивала себе дорогу, поэтому наши публикации были на виду у специалистов, широко использовались сначала коллегами по нашей науке, а потом перекинулись и в региональную экономику, переросшую со временем в пространственную экономику.

Рис. 1.4. На конференции в Пермском государственном университете, 1995 г.
(Слева – направо: А.И. Чистобаев, М.Д. Шарыгин, С.Б. Лавров, Ю.П. Селиверстов,
А.И. Зырянов, С.Р. Ердаветов)

Содержание названных выше статей по теории организации пространства, географического поля и границ в географии – это дальнейшее развитие теоретико-методологических положений, изложенных в нашей книге¹ «Экономическая и социальная география: новый этап».

Но это произошло уже позже, а в отечественной экономической и социальной географии мы первыми заговорили об организации не территории, а пространства. Впоследствии наибольшее развитие наши концептуальные положения получили в трудах П.Я. Бакланова, с которым мы также дружили и сотрудничали; оба – Шарыгин и я – были официальными оппонентами по его докторской диссертации (ещё один оппонент – Г.А. Приваловская) (рис. 1.5).

Рис. 1.5. П.Я. Бакланов и М.Д. Шарыгин, 1990-е гг.

Приведу связанный с выходом в свет этой книги один забавный эпизод. Еще до поступления её в продажу я презентовал экземпляр коллеге Борису Сергеевичу Хореву. Нужно было видеть его неожиданную для меня реакцию: степень его раздражения трудно передать словами. Хорошо, что произошло это в ресторане, и благодаря серии произнесенных мною комплементарных тостов в адрес московского гостя удалось «замириться».

---

¹ Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Экономическая и социальная география: новый этап. Л.: «Наука». Ленингр. отделение, 1990. 318 с.

Причина недовольства Б.С. Хорева состояла в иной трактовке нами предмета исследования экономической и социальной географии: не «территориальная организация общества», как у Хорева, а «организация территориальных (пространственных) общественных систем – ТОС», как у нас (с. 16). И далее у нас следовало такое заключение: «Территориальные социально-экономические системы (ТСЭС) – это форма пространственной организации социально-экономических сторон жизни общества, а территориальные общественные системы (ТОС) – это ведущая форма пространственной организации всей жизни общества. ТСЭС – составная часть ТОС, включающая помимо экономической, социальной и политической сфер еще и духовную сферу. ТСЭС объединяет материалистическую сторону жизнедеятельности общества и формирует социально-экономическую основу ТОС (с. 17). Борис Сергеевич, прочитав при возвращении в Москву книгу и, по-видимому, поразмыслив, позвонил мне и сказал, что был не прав, что мы пошли дальше, развив его постулаты.

После публикации Я.Г. Машбицем рецензии на нашу книгу в «Известиях АН СССР. Серия географическая»¹ парадигма «пространственная организация» получила признание у широкого круга географов, а потом – и экономистов. Помимо этой книги и упомянутых выше статей по теории организации пространства, нами был написан и опубликован ряд других совместных работ. Среди них – статьи, раскрывающие структуру экономической и социальной географии на новом этапе, объектно-предметную и функциональную сущность современной общественной географии и др.

Михаил Дмитриевич любил не только много работать, но и весело отдыхать. Каждый мой приезд в Пермь сопровождался экскурсионной поездкой в другой, новый для меня, город, посещением театра (этот вид отдыха нередко поручался кому-нибудь из сотрудников, сам он заядлым театралом, по-моему, не был), посещением ресторана и, непременно, омовением в бане. Там, в бане, все равны – профессора и доценты, преподаватели и ассистенты; велись откровенные диспуты на разные темы, рассказывались анекдоты и веселые случаи из жизни. Профессор Шарыгин был великолепным рассказчиком, при этом достоверностью воспоминаний особенно не заморачивался, в результате чего его байки приобретали особый колорит,

---

¹ Машбиц Я.Г. Рецензия на книгу Чистобаева А.И., Шарыгина М.Д. «Экономическая и социальная география: новый этап» // Известия АН СССР. Сер. географическая». 1992. Вып. 1.

поднимали настроение. На отпускаемые в его адрес шутки, доходящие до колкостей, не обижался. И в этом проявлялась широта его натуры, а со стороны молодых коллег – неподдельное уважение именитого шефа.

Мы не только писали научные труды, но и выступали с совместными докладами и даже лекциями для студентов. Отчетливо сохранился в памяти прочитанный нами в Воронежском педагогическом университете по приглашению нашего дорогого друга, ректора этого университета В.В. Подколзина курс лекций по проблемам теории и методологии экономической и социальной географии. Мы читали этот курс не последовательно, не поочередно, а одновременно, то есть вместе заходили в аудиторию и говорили об актуальных вопросах размещения и развития производительных сил, формирования политранспортных магистралей (прообраз современных транспортных коридоров), городских агломераций, систем расселения. Поначалу, такой характер работы был настороженно воспринят преподавателями кафедры: поймут ли студенты дискуссии профессоров по сложным проблемам науки и практики. Но эффект таких лекций оказался высоким: студенты слушали наши дебаты, затаив дыхание.

О своей неизлечимой болезни Михаил Дмитриевич был осведомлен, но никогда не концентрировал на этом внимание. И только при последнем нашем разговоре по телефону он признался, что по причине болезни больше не в состоянии писать статьи, читать лекции, сожалел о том, что блок наших статей по пространственной парадигме не сведен в брошюру или, что было бы ещё более значимо, в книгу. Я ответил, что это желание вряд ли осуществимо, но сожалеть об этом не стоит, поскольку более молодой по сравнению с нами коллега, академик Бакланов непременно напишет и издаст фундаментальный труд по итогам развития общественно-географической науки в наше время, в котором будет освещен и этот аспект.

Увы, к огромному огорчению я завершаю этот очерк сообщением о кончине Петра Яковлевича Бакланова, которого именно сегодня – 7-го ноября (в день Октябрьской революции) – провожают во Владивостоке в последний путь. И минуло уже 13-ть лет, как ушел из жизни Анатолий Михайлович Трофимов. Эта тройца творцов новых идей в общественной географии сформировала в своих университетах и академическом институте научные школы, подготовила многочисленных учеников, продолжающих их дело.

Мир праху моим дорогим друзьям, совместно с которыми я шел по жизни в науке!

1.3. В одной упряжке с профессором М.Д. Шарыгиным в научной работе

Пятидесятилетие яркого, высокопрофессионального сотрудничества с профессором М.Д. Шарыгиным берет свое начало в 1973 г., когда в Уфе проходило восьмое Всеуральское совещание по вопросам географии, охраны природы и природопользования в контексте экономической географии. На этом совещании М.Д. Шарыгин выступил с докладом «Структурные и территориальные особенности энергопроизводственных циклов (на примере циклов Урала), а я заявился с докладом «Актуальные вопросы развития ресурсных городских поселений Уральского экономического района».

У нас с Михаилом Дмитриевичем возникли первые дискуссионные моменты, которые мы стали «раскручивать» на полях конференции. В частности, если какой-то конкретный город попал в какой-то энергопроизводственный цикл, то сможет ли город со временем выйти из этого цикла и каким образом. Далее, практически каждый город обладает теми или иными ресурсами (например, земельными или человеческими ресурсами), поэтому все города – ресурсные! В этой дискуссии принимал активное участие известный башкирский географ М.Д. Маслов. Итогом этой дискуссии стала наша совместная статья с Известиях Всесоюзного географического общества¹.

Всего за время нашего сотрудничества было написано и опубликовано по различным проблемам экономической географии и региональной экономики 25 научных статей в общесоюзных, общероссийских и региональных изданиях. Наиболее известные из них – «Противоречия на современном этапе регионального социально-экономического развития»²; «Становление новой региональной политики в России»³; «Пространственно-временная парадигма в географии»⁴; «Эволюция факторов территориаль-

---

¹ Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Об основных направлениях исследований региональных систем расселения (на примере Уральской системы) // Известия Всесоюзного географического общества. 1985. № 3. С. 274.

² Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Противоречия на современном этапе регионального социально-экономического развития // Известия Всесоюзного географического общества. 1991. Т. 123, вып. 1.

³ Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Становление новой региональной политики в России // Экономико-географический вестник Ростовского государственного университета. 2004. № 1.

⁴ Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Пространственно-временная парадигма в географии // Географический вестник. 2005. № 1–2. С. 11–14.

ной организации и трансформации региональной экономики в социоэкономике»¹, «Трансформация научных подходов и методов изучения региональной социоэкономики»² (к нам присоединилась Т.А. Балина), «Феномен территориальной границы»³ и ряд других.

**Рис. 1.6. Е.Г. Анимица и М.Д. Шарыгин
у памятника В.Г. де Генину и В. Татищеву**

¹ Анимица Е.Г., Балина Т.А., Шарыгин М.Д. Эволюция факторов территориальной организации и трансформации региональной экономики в социоэкономике // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2017. № 6. С. 12–24.

² Анимица Е.Г., Балина Т.А., Шарыгин М.Д. Трансформация научных подходов и методов изучения региональной социоэкономики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 209–218.

³ Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Феномен территориальной границы // Географический вестник. 2007. № 1–2 (5–6). С. 5–10.

За это время было опубликовано четыре монографии, при этом особо выделим «Уральский регион: социально-экономическое развитие (географический аспект)», написанная в соавторстве с Н.М. Ратнер¹, «Региональная социально-экономическая география: теория, методология, практика»². К этим публикациям можно присовокупить еще 11 тезисов докладов на различных по уровню научных конференциях, а также два учебно-методических пособия для студентов-географов, в том числе, по социэкономике³.

Мне пришлось около 20 лет возглавлять, по просьбе М.Д. Шарыгина, государственную экзаменационную комиссию (ГЭК) по географии в Пермском государственном университете.

С Михаилом Дмитриевичем мы не раз обсуждали «плюсы» и «минусы» экономико-географического и геополитического положения Перми и Екатеринбурга, с пониманием относились к «обиде» пермяков на екатеринбуржцев по поводу лидерства Екатеринбурга в Уральском макрорегионе. По сути Пермь – губернский город – уступил первенство уездному Екатеринбургу! Сожалели, что Пермский край, с которого начинался сам Уральский регион, оказался по воле чиновников в составе Приволжского округа, а не родного Уральского. Со временем тесная профессиональная связь с профессором М.Д. Шарыгиным обогатилась и расширилась дружескими, семейными, и во многом, неформальными отношениями.

1.4. Научные интересы и достижения М.Д. Шарыгина на этапе становления как ученого

Среди крупнейших отечественных экономико-географов особое место занимает Михаил Дмитриевич Шарыгин – доктор географических наук, Заслуженный деятель науки, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования, в течение 45 лет возглавлявший кафедру социально-экономической географии Пермского государственного университета. На нашем факультете он больше, чем кто-либо написал книг, опубликовал статей, подготовил географов с учеными степенями.

---

¹ Анимица Е.Г., Ратнер Н.М., Шарыгин М.Д. Уральский регион: социально-экономическое развитие (географический аспект). Свердловск, УрО АН СССР, 1992, 121 с.

² Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Региональная социально-экономическая география: теория, методология, практика» . Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1994. 179 с.

³ Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д., Баина Т.А. Региональная и муниципальная социэкономика. Учеб. пособие. Перм. нац. исслед ун-т, Пермь, 2017. 219 с.

В течение полувековой работы на факультете Михаил Дмитриевич выделялся активной научной работой, заботой о развитии отечественной географической науки и университетского образования. Его путь в науку может быть очень поучителен для тех, кто по нему только отправляется. Рассматривая круг его научных интересов, выделим те аспекты, которые особенно интересовали ученого. Не будем стараться в этой статье привести большой список его публикаций, отметим лишь некоторые, характерные, на наш взгляд, для того времени. Вспомним его человеческие качества как учителя, шефа и старшего друга.

Михаил Дмитриевич – человек с широкими интересами в географии, которая сама по себе очень разноплановая. Его тематические увлечения, судя по публикациям и общению с ним, постоянно обновлялись, а с возрастом эта тенденция сохранялась и укреплялась. В этой статье хотелось бы обратиться к интересам и достижениям только на раннем этапе научно-преподавательской деятельности, во время становления как известного ученого, условно до 1985 года, до того времени, когда профессор Шарыгин стал широко известен среди географов страны.

Михаил Дмитриевич родился в 1938 г. в деревне Малое Шарыгино Яранского района Кировской области в крестьянской семье. Отец погиб на фронте Великой Отечественной войны, и его воспитывала мама. После окончания школы Михаил Дмитриевич учился в Кировском педагогическом институте, где получил профессию учителя биологии и географии. После службы в армии он работал преподавателем родного института, но решил продолжить обучение и в 1966 поступил в аспирантуру Пермского университета.

Его первая книга «Дробное районирование и локальные территориально-производственные комплексы», вышедшая в необычном для учебных пособий формате, в красивом оформлении, показывает интересующее его направление в эти годы¹. Учения ТПК (основная, принятая для практического применения экономико-географическая концепция) и ЭПЦ интересовали многих корифеев науки того времени. И далее по жизни ученый брался, как правило, за центральные экономико-географические темы. Ми-

---

¹ Шарыгин М.Д. Дробное районирование и локальные территориально-производственные комплексы. Курс лекций. Пермь, 1975. 140 с.

хаил Дмитриевич ставил целью найти первоосновы ТПК и ЭПЦ на местном, «геоклеточном» уровне. Он не искал простые темы, пытался внедриться в основы основ. Понятие и раскрытие содержания локального территориально-производственного комплекса (ЛТПК) – его заслуга¹. Более глубоко и всесторонне эти вопросы были раскрыты ученым на примере конкретных отраслей экономики Урала. Так, была создана модель реального и идеального лесопромышленного и других ЭПЦ². Изучить эти вопросы, продвинуть теорию ТПК можно было именно на Урале с его богатым природно-ресурсным потенциалом, разнообразием видов деятельности и производственных комплексов. Урал – район, где производственная география сложна, формируются россыпи промышленных пунктов, центров, узлов, и ученый нашел закономерности в связях, выделил ЛТПК, обосновал районирование.

Михаил Дмитриевич рассматривал ЛТПК как фактор формирования районов, важный принцип дробного районирования, но в его первой книге концепции районирования еще не было разработано. Автор постепенно выходил за рамки производственной географии в географию социальную, и был занят разработкой теории территориальных социально-экономических систем.

«Территориальные социально-экономические системы Урала» – так назывались в 1980-е гг. ежегодно издававшиеся кафедрой сборники научных трудов. Может задача дробного районирования и стимулировала его обратиться к этой теме, поскольку районирование потребовало более широкого взгляда. В это время ученый достаточно глубоко вошел в эту новую для него тему. В дальнейшем увлечение новыми географическими направлениями и аспектами отличали всю его научную деятельность.

Михаил Дмитриевич много размышлял о социально-экономической географии как науке, ее задачах, актуальных проблемах, в это время он проявил себя как опытный и умелый географ-регионалист, специалист по Уралу. Самые разные новые темы начинают появляться в его поле зрения, например, проблемы социально-экономического развития сельской мест-

---

¹ Шарыгин М.Д. О стадиях развития территориально-производственных комплексов. Уч. зап. Пермского ун-та. № 211, 1970.

² Шарыгин М.Д. О системе энерго-производственных циклов. Уч. зап. Пермского ун-та № 242, 1970.

ности. В то время меня удивляла его способность при решении задач опираться на разные, как сейчас принято говорить, исследовательские платформы, фактически создавать их.

М.Д. Шарыгин не стеснялся методологическими рамками своих учеников, не навязывал задачу или линию исследования, благодаря этому аспиранты брались за очень разные темы и успешно работали. Среди его первых аспирантов – М.Д. Гагарский, С.Б. Фоминых, В.А. Столбов, М.М. Кибардин, М.Ю. Королев, П.М. Морозов, П.И. Блусь, П.С. Ширинкин, Т.В. Субботина, Т.В. Букина и автор данной статьи. Каждый из его аспирантов шел своим теоретическим путем, хотя в основе их подходов глубинно была «парадигма Шарыгина».

Работая в направлении классической экономической географии, в частности, географии промышленности и ее территориальной организации, М.Д. Шарыгин выходил на уровни максимальной географической абстракции, на пространственный анализ и синтез. Поэтому его интерес к теоретической географии, к категориям геопространства, геополя, геоциклов был закономерен, и работы в этом научном русле появились в начале 1980-х гг.^{1, 2}.

Шефа отличало не только желание разобраться в новых научных направлениях, внимание к новым знаниям, прекрасная ориентировка в публикациях всего географического сообщества, но и желание полнее реализовать потенциал членов кафедры, объединить факультет общими научными темами. Михаил Дмитриевич инициировал и проводил факультетский методологический семинар, собиравший несколько раз в год на интересные обсуждения почти весь преподавательский состав факультета. В это время к нам на кафедру довольно часто приезжали ученые других университетов, которые также выступали с докладами и сообщениями на семинаре. Запомнились приезды его друзей – Мая Васильевича Гончарова (Воронеж), Владимира Константиновича Ковылова (Воронеж), Олега Дмитриевича Чувилкина (Москва). Не раз с докладами и лекциями выступал Анатолий Иванович Чистобаев (Ленинград), а председательствовал в Государственной

---

¹ Шарыгин М.Д., Зырянов А.И. Морфологический уровень географического поля // Природные и социально-экономические системы Тюменского Приобья. Тюмень, Тюменский ун-т, 1981, с. 30–47.

² Шарыгин М.Д., Зырянов А.И. Введение в теоретическую географию. Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, Перм. ун-т, 1984, 84 с.

экзаменационной комиссии по кафедре многие годы Евгений Георгиевич Анимица (Свердловск).

По прошествии лет, когда я сам стал руководить аспирантами, Шеф как-то сказал мне по поводу разбросанности в предлагаемых аспирантами подходах: «Ты не ограничивай их». Сам он нас не ограничивал. Помню, как преподаватели кафедры не могли понять, какой темой я занимаюсь, ждали моего выступления на конференции, а Михаил Дмитриевич только улыбался. Также и все другие аспиранты Шефа шли, казалось, в своих направлениях самостоятельно, но он умел их понимать изначально и направлять энергию в правильное русло.

Коллектив кафедры под руководством М.Д. Шарыгина внедрил много нового в разных научных направлениях, поэтому заведующий настраивал всех преподавателей издавать учебные пособия по оригинальным курсам, в подготовке которых сам принимал полноценное авторское участие. В эти годы выходят пионерные для отечественной географии учебные пособия различным по курсам, подготовленные Михаилом Дмитриевичем в соавторстве с А.М. Свистковой, А.П. Бурьян, Н.Д. Еропкиной, Г.Г. Макаровой, В.С. Григорьевым, Н.В. Ивановой, автором статьи, а также с преподавателями из других университетов. Студенты своевременно и достаточно полно обеспечивались новыми учебными пособиями, а разрабатываемые исследовательские методики становились достоянием быстро развивающейся географии.

В 1970 году открылась Школа юных географов при ПГУ. Для нас, школьников 9-10 классов, по воскресеньям проводили занятия все именитые преподаватели факультета. Михаил Дмитриевич запомнился не только теоретическими лекциями с интересными жизненными примерами, но и возможностью с ним общаться после лекции, когда он долго курил в коридоре, никуда не торопился и с удовольствием разговаривал с нами. Своими занятиями он показывал, как экономическая география нужна развивающемуся хозяйству страны, насколько она сложна, многогранна и востребована для практики.

Впечатления, полученные на первых курсах обучения на географическом факультете, дополнили школьные: Михаил Дмитриевич был самым доступным для студентов, курил в коридоре в промежутках между парами, и всегда можно было с ним поговорить на любые темы. Это черта характера сопровождала его всю жизнь. Он никогда не жалел время на общение со

студентами, аспирантами, молодыми коллегами с других кафедр, разговаривал как на высоконуаучные, так и жизненные, даже житейские темы. Именно внимательность к ученикам, способность к анализу и готовность к обсуждению глобальных и локальных вопросов (природных, социальных, экономических, экологических, политических) собирали людей вокруг Михаила Дмитриевича.

Еще одной его важной чертой характера Шефа являлась особенная способность видеть рациональное зерно в научных исследованиях. Он обращал внимание не на недостатки, а на достоинства работы, тонко чувствовал идею. Лучше него никто не мог осветить достоинства представленной научной работы. Это основывалось на прекрасной ориентировке в многочисленных публикациях: Михаил Дмитриевич следил за всеми географическими журналами, книгами, учебными пособиями, много читал и хорошо знал авторов по их публикациям. Ему не трудно было понять в чем достижение той или иной работы.

Его кандидатская диссертация была о лесопромышленном комплексе Северо-востока Кировской области. Интересен сам выбор территории. Это довольно изолированный северо-восточный выступ Кировской области, близкий к Уралу, где преобладает лесопромышленная и добывающая специализация¹. Возможно, выбор объекта изучения связан с тем, что территория конфигурационно и транспортно отдельная, узко специализированная, но с многообразными производственными связями. Михаил Дмитриевич рассказывал, как он ездил по этим удаленным местам, «зэковским» лесозаготовительным поселкам на паровозах и мотовозах по узкоколейкам, куда и сейчас мало кто заезжает.

Трудно найти в близком окружении Пермского края такую же территорию, как Верхнекамский и Нагорский районы Кировской области, столь обособленную, малопосещаемую и «неизвестную» в век современного вездесущего туриста. Кандидатская вывела ученого на тему локальных территориальных производственных комплексов (ЛТПК), позволила разработать их цельную концепцию. Далее он занимается этими вопросами уже на материалах Уральского экономического района, выходит на проблематику дробного районирования.

---

¹ Шарыгин М.Д. Взаимные связи разных стадий лесопромышленного цикла (на примере Северо-Востока Кировской области) // Вестник Московского ун-та. Сер. геогр. 1968. № 2.

Вспоминая пионерность многих удачных экономико-географических разработок и концепций того романтического времени, которые по прошествии полувека кажутся простыми, само собой разумеющимися, он сказал: «Знаешь, тогда ведь ничего этого не было». Действительно, тогда создавалась экономико-географическая теория, на которой воспитывались нынешние географы.

Понимая, что мы любим географию и интересуемся научными вопросами, он с удовольствием быстро находил нам применение. Когда в 1975 г. подошло время производственной практики на третьем курсе, он отправил нас в Екатеринбург и Кизел, в начале четвертого курса – на студенческую конференцию в МГУ, где удалось познакомиться со студентами – нынешними моими коллегами и друзьями – Николаем Казанцевым, Владимиром Каганским, Сергеем Тарховым, Владимиром Шуваловым, Юрием Голубчиковым, а в 1976 г., в начале пятого курса отправиться на производственную практику к Петру Яковлевичу Бакланову во Владивосток в Тихоокеанский институт географии!

Рис. 1.7. Рабочая обстановка на кафедре СЭГ ПГУ, 1994 г.

Михаил Дмитриевич был географом от карты, т.е. самым классическим, хотя нам тогда казалось – он полностью теоретик. Я заметил это, когда мы ехали по Кабардино-Балкарии в Иткол в 1983 г. на Школу молодых

географов, которую проводил Николай Георгиевич Родзянко. Шеф был приглашен как лектор, а я как слушатель. В автобусе я часто открывал карту и смотрел на нее, а он, только взглянув сбоку, быстро определялся с местом и обстановкой. Он рассказывал, что в армии ему поставили задачу отвечать за выдачу карт на полевые занятия и учения. До него на этом этапе скапливались очереди офицеров, поскольку определиться быстро с нужным листом топографической карты не просто. Он же выдавал карты моментально.

В то время сообщество экономико-географов часто встречалось на ФПК (факультете повышения квалификации) в Москве и Ленинграде, на всесоюзных конференциях и особенно на УМО (учебно-методическом объединении) в городах разных союзных республик. Связи кафедры были очень широки. У Михаила Дмитриевича появилось много друзей и близких коллег с географически факультетов разных университетов по всему СССР.

Михаила Дмитриевича везде ждали и принимали с большим удовольствием, приглашали читать лекции в университеты разных городов. Несколько лет он приезжал председателем ГЭК в Тюмень. Он видел достоинства работ, аргументировал высокую оценку, создавал торжественность и люди получали действительное удовлетворение от защиты, от проделанной работы. Его хорошо знали и ценили в разных республиках Союза, и это отношение распространялось на его учеников. Когда автору надо было защищать кандидатскую диссертацию в Ленинградском университете, а ведущей организацией был выбран Тартуский университет, какого-то настороженного отношения со стороны эстонских географов я не почувствовал, а мэтр эстонской географии – профессор С.Я. Ныммик принимала меня в своей квартире за чаем. Так же гостеприимно встретили на защиту кандидатской диссертации Михаила Дмитриевича Гагарского в Баку, где совет работал под руководством профессора Гаджи-Заде.

Михаил Дмитриевич Шарыгин – и дитя, и создатель «золотого века» отечественной географии. Он один из тех, кто вобрал в себя все возможности этого периода для своего развития как ученого, но и в это динамичное для науки время продвинул вперед экономическую географию и навсегда встал в ряд самых видных ее представителей.

1.5. Опыт двух бесед и соприкосновение с эпохой

В жизни каждого человека есть встречи, которые запоминаются на долгие годы, а собеседники оказывают огромное влияние, несмотря на краткость времени очного общения. С научным творчеством Михаила Дмитриевича Шарыгина я познакомился, будучи студентом педагогического университета (г. Чита), когда пользовался его учебными пособиями. В них меня больше всего привлекали теоретические конструкции: схемы, модели, таблицы.

В аспирантуре при Читинском институте природных ресурсов СО РАН состоялось знакомство с выпускником Пермского университета, доктором географических наук Анатолием Михайловичем Котельником (1938–2003 гг.), который возглавлял лабораторию биоресурсов и был знаком с М.Д. Шарыгиным, находясь с ним в активной переписке. Котельников охотно делился книгами, в том числе и принадлежавшим перу Михаила Дмитриевича.

Таким образом, первое знакомство было заочным. В 2003 году, перед защитой кандидатской диссертации мне очень хотелось узнать мнение о ней мэтра – Шарыгина. Набравшись смелости (а может быть, дерзости), я позвонил на кафедру социально-экономической географии Пермского государственного университета. К моему счастливому случаю трубку поднял именно Михаил Дмитриевич. Конечно, я сказал заученный и отрепетированный до автоматизма текст. Михаил Дмитриевич ответил, что после ухода из жизни А.М. Котельникова кафедра не потеряет связь с Читой, и пообещал посмотреть автореферат (среди многочисленной корреспонденции). Профессор сдержал обещание и прислал отзыв, а я взял за правило, как это делал Котельников, высылать книги, атласы и учебники, которые у нас выходят на кафедру, в Пермь.

В 2011 году моя супруга, завершив диссертационное исследование, которое в аспирантуре (2000–2003) выполнялось под руководством А.М. Котельникова, отправила автореферат в Пермь с надеждой получить отзыв. Фамилия Котельникова на тот момент была помещена в рамку. Я в очередной раз позвонил Михаилу Дмитриевичу и в очередной раз попросил поддержки. Однако к началу защиты отзыв не пришёл. Мы уже было рас-

строились, но тут прямо на защиту из приёмной ректора принесли факс отзыва. Причём секретарь совета преподнёс это очень эффектно! Настроение у нас поднялось. Отзыв был положительный, а на вопросы соискатель сумел ответить, что называется «с колёс».

В 2013 году, когда моя аспирантка Е.Е. Ермоленко завершила диссертационное исследование, я позвонил Михаилу Дмитриевичу, чтобы узнать о возможности представления работы в Диссертационном совете при Пермском университете, который он возглавлял. Профессор Шарыгин сказал: «Присылайте работу по почте – прочтём и решим».

Первая очная встреча состоялась в ноябре 2013 года. Во время нашей первой беседы в кабинет к Шарыгину вошла расстроенная студентка, мы прервали разговор и выслушали девушку. Она посетовала, что написала курсовую работу по проблемам экономико-географического положения (ЭГП) городов Урала, а вот выпускную квалификационную работу бакалавра не хотела бы писать в продолжение темы, так как чувствует, что повторяется и её это очень беспокоит. Михаил Дмитриевич хорошо знал, что тема моей кандидатской диссертации и последующие статьи были посвящены вопросам ЭГП. Он промолчал и, улыбнувшись, посмотрел на меня. Сегодня все помнят его обаятельную улыбку. Я понял его без слов. Обратившись к студентке, я сказал: «У Вас великолепная тема, я прошу Вас, не отказывайтесь от неё». Беседа перешла на мою любимую тематику. Девушка получила мой адрес электронной почты. Позже я отправил ей множество статей на эту тему. По электронной почте мы обсудили ряд вопросов. Самое интересное, что в ту поездку у меня состоялось две беседы с Михаилом Дмитриевичем, но ни на одной из бесед мы не обсуждали работу моей подопечной. В те годы я активно писал докторскую диссертацию, поэтому некоторые её теоретические вопросы мне хотелось «проверить на прочность». Основная проблема была в том, что вся советская и постсоветская география развивалась на основе бинарного (двойного) взгляда материалистической диалектики, я же писал про трёхсторонние трансграничные регионы, выбрав иную парадигму – тринитарного взгляда. Если честно, то я готовился к разгрому... Однако, выслушав мои мысли, Михаил Дмитриевич повернул беседу в неожиданное для меня русло. Он спросил, видел ли я на стене преподавательской кафедры три портрета – научный триумвират «Баранский – Колосовский–Саушкин»? Следующий вопрос

был: «А почему, по моему мнению, для защиты докторской привлекают трёх, а не двух оппонентов?» Тут я понял, что профессор не хочет «замыкаться» на географии, а мыслит очень широко. Конечно, когда мы перешли на «географическую платформу», я продемонстрировал несколько рисунков, которые заранее распечатал, так как готовился к беседе основательно. Ранее был отрицательный опыт общения с несколькими докторами наук, которые разглядывали схемы, хмурили брови и принципиально не хотели воспринимать мои конструкции. Но не в этот раз! Михаил Дмитриевич выслушал комментарии по первым двум рисункам, а вот на третьем он меня остановил. Удивило – как мягко и тактично он это сделал. Последующие рисунки он комментировал сам. Эти рисунки он видел впервые, но складывалось впечатление, что лучше его никто не разбирается в тринитарной географии. Думаю, что для любого учёного большим счастьем является признание его идей. Михаил Дмитриевич вселил в меня уверенность в правильности выбранного пути. За что я ему очень признателен.

На одной из двух бесед обсуждался вопрос географического образования в университете. В 2013 году из-за обеспокоенности проблемой объединения педагогического и классического университетов в Чите мной была выпущена статья в журнале «Высшее образование в России» на эту тему. М.Д. Шарыгин выслушал мои опасения и доводы по проблеме сохранения специфики педагогического географического образования в объединённом вузе. А после, как выпускник педагогического института и преподаватель классического университета, он высказал своё мнение по этой проблеме. Наши взгляды совпали по целому ряду вопросов.

За последние годы я выпустил серию работ в рецензируемых научных журналах по педагогике высшей школы, и каждая из них рождалась под влиянием общения с Михаилом Дмитриевичем. Берёшься за новую статью по педагогике – и «в памяти всплывают» какие-то его замечания или пожелания.

Всего две беседы и время со счёту, но какие они были насыщенные!

А какая тёплая погода преобладала на кафедре социально-экономической географии! Когда я впервые вошёл в кабинет М.Д. Шарыгина, первое, что бросилось в глаза, – полицейская дубинка, которая лежала на полке у книг. Не мудрено было насторожиться. К счастью, опасения оказались напрасными. Это оказалось шуткой.

Михаил Дмитриевич обладал хорошим чувством юмора. Например, перед кандидатским экзаменом Е.Е. Ермоленко он вошёл в аудиторию с современным планшетом в руках. Сейчас мы уже привыкли к обладанию этими гаджетами, а в 2013 году это была новинка. Один доцент спросил у него с улыбкой, указав на планшет: «Осваиваете?» Михаил Дмитриевич нахмурил брови и вымолвил: «Ты ещё поостри мне!». Мы насторожились, так как ухудшение настроения председателя комиссии нам было ни к чему. Однако по характеру дальнейших замечаний и по нарочито-сердитой интонации мы поняли, что и это шутка. Тут Михаил Дмитриевич вышел на минутку, его кто-то отвлек, а мы не сговариваясь дружно рассмеялись. Так разрядилась ситуация перед экзаменом, прошедшим в хорошей академической атмосфере уважения и внимательного отношения.

Отмечу, что по завершении экзамена я как руководитель собирался вместе с экзаменуемой покинуть аудиторию, чтобы дать возможность комиссии обсудить ответы, на что Михаил Дмитриевич сказал: «А руководитель может остаться». Ещё один знак доверия, симпатии профессора к коллегам.

Через общение с Михаилом Дмитриевичем воспринимался образ эпохи классиков отечественной географии с её размахом и глубиной мышления. Наше поколение может назвать себя счастливым, так как нам выпала возможность соприкоснуться с эпохой.

1.6. «Диссертационный совет М.Д. Шарыгина» и его вклад в развитие географии и подготовку научных кадров

За семьдесят лет работы кафедры социально-экономической географии Пермского государственного университета накопила огромный научный и методический потенциал, став «кузницей» научно-педагогических кадров для образовательных учреждений, специалистов самого высокого уровня квалификации для многих сфер экономики.

Авторитет Пермской географической школы, организованной В.А. Танаевским, был развит и многократно преумножен доктором географических наук, профессором М.Д. Шарыгиным. Благодаря активной научной и общественной деятельности Михаила Дмитриевича, географический

факультет в целом и руководимая им кафедра из разряда региональных центров вышли на общероссийский уровень, получив широкую известность и уважение в среде научных работников, преподавателей, общественных деятелей и управленцев.

Михаил Дмитриевич создал коллектив единомышленников, которые, впитав лучшие достижения классической экономической географии, развивают различные направления в науке, среди которых:

- углубление теоретических основ общественной географии, среди которых особенно выделяются исследования категорий пространства и времени, геопространства, территории, социума и др.;

- фундаментальные исследования в сфере экономической географии и территориальной организации производительных сил на мировом, национальном и региональном уровнях;

- развитие учений о Территориальных социально-экономических системах (ТСЭС) и Территориальных общественных системах (ТОС) как концептуальных моделях изучения общественного развития;

- разработка теоретико-методологических и методических вопросов социально-экономического микрорайонирования;

- изучение и прогнозирование социально-демографических процессов, проблем воспроизводства трудового и интеллектуального потенциала, миграций, занятости населения;

- диагностика региональной социальной ситуации, исследования социальной напряженности, уровня, качества и образа жизни населения;

- исследования в сфере культурной, поведенческой и гуманитарной географии, в том числе экологии человека, физического и социального здоровья.

Опираясь на теоретико-методологический фундамент, заложенный М.Д. Шарыгиным, научные изыскания сотрудников кафедры СЭГ направлены на исследования регионального капитала и социэкономике, реновации старопромышленных регионов и геоурбанистики, трансформации отраслевой и территориальной структуры экономики, о чем свидетельствуют многочисленные публикации. Пермская географическая школа сегодня –

это известный и почитаемый в нашей стране и в странах ближнего зарубежья коллектив, имеющий ярких лидеров, генераторов идей, свой научно-исследовательский стиль и потенциал, авторские методики исследования социально-экономических явлений и процессов. Обладая богатым научным наследием, пермские географы бережно сохраняют и развивают традиции, формируют актуальные направления исследований, реализуют теоретико-методологические наработки на практике.

Получив признание в научных и образовательных кругах и поддержку со стороны управленческих структур, кафедра под руководством профессора М.Д. Шарыгина стала школой для подготовки специалистов самой высокой квалификации. Благодаря усилиям и авторитету Михаила Дмитриевича среди географов столичных вузов и членов ВАК, приказом от 16 января 1996 года приказом ВАК РФ под № 22-в. был создан совет по защите кандидатских диссертаций, который просуществовал в таком статусе почти 10 лет и дал возможность многим выпускникам аспирантуры Пермского, Башкирского, Казанского, Удмуртского и других университетов стать кандидатами географических наук. Михаил Дмитриевич имел большое количество аспирантов очной и заочной форм обучения. К нему шли в аспирантуру не только выпускники Пермского университета, но и приезжали из Кирова, Ижевска, Воронежа. Поэтому вопрос о месте защиты и выборе совета был очень актуален.

Создание собственного совета стало очень важным и действительно долгожданным событием для молодых географов Прикамья, а также и других регионов Урала, Поволжья, Западной Сибири. «Старейший на Урале», объединив ученых разных направлений, получил полномочия готовить собственных специалистов и по достоинству оценивать диссертантов из разных регионов страны. «Командный состав» совета образовали такие уважаемые доктора наук, профессора, как градовед Е.Г. Анимица, гидролог Ю.М. Матарзин, ландшафтовед Б.А. Чазов, лесовед М.Н. Прокопьев, экономисты Л.А. Романова и Р.А. Коренченко. В совет также практически в полном составе вошли доценты кафедры социально-экономической географии ПГУ (рис. 1.8).

Рис. 1.8. Первое заседание Диссертационного совета

(слева направо М.Д. Шарыгин, Е.Г. Анимица, Т.В. Субботина, Л.А. Романова, Ю.М. Матарзин, А.М. Трофимов, Р.А. Коренченко, А.П. Бурьян, Б.А. Казаков, М.Н. Прокопьев, С.В. Красных, В.А. Столбов)

После долгой и кропотливой предварительной работы 5 апреля 1996 года состоялось первое заседание диссертационного совета, и не без гордости хочется отметить, что мне посчастливилось быть первой, кто защитился в нашем совете (рис. 1.9).

Рис. 1.9. Защита диссертации Т.А. Балиной

Ученым секретарем стала Татьяна Васильевна Субботина, на которую легла основная организационная работа. Поскольку Михаил Дмитриевич как мой научный руководитель не мог вести защиту, председателем заседания был Евгений Георгиевич Анимица, Сергей Александрович Меркушев записывал стенограмму (рис. 1.9, 1.10).

Тематика диссертационного исследования «Диагностика региональной социальной ситуации» вызвала большой интерес новизной объекта исследования, сочетанием социологических исследований и пространственным анализом социальной активности населения, а также использованием ментального картографирования в качестве визуализации особенностей качества жизни населения Прикамья. Подчеркну, что на автореферат диссертации поступило 24 отзыва, что было довольно редким случаем для «рядовой» кандидатской защиты, а в нашем совете это количество так и осталось рекордным.

Рис. 1.10. Е.Г. Анимица открывает заседание, апрель 1996 г.

Процедура защиты также была не только интересной, но и продолжительной по времени. Она шла немногим менее четырех часов, в зале заседаний Ученого совета ПГУ присутствовало более 50 человек. Положительное решение было вынесено единогласно (рис. 1.11).

Официальными оппонентами выступили доктор географических наук, профессор Анатолий Михайлович Трофимов (Казанский государственный университет) и доктор социологических наук, декан гуманитарного факультета Пермского политехнического университета Василий Николаевич Стегний, которые присутствовали на защите. Авторитетные ученые не только положительно отзывались о работе, но главное – обозначили основные направления развития социальной географии и ее обогащения новыми методами и подходами, в частности, способами ментального картографирования.

Рис. 1.11. Подсчет голосов при процедуре тайного голосования
(слева направо: Б.А. Казаков, Ю.М. Матарзин, В.А. Столбов)

В последующие годы произошло значительное углубление социальной тематики в диссертациях, выполненных под руководством М.Д. Шарыгина. Вопросы изучения и повышения качества жизни населения стали традиционными для пермских географов и нашли отражение в диссертациях Меркушева С.А., Ивановой М.Б., Чеботковой А.Д. и др.

Особое место в работах М.Д. Шарыгина занимают вопросы дробного социально-экономического районирования, в этом русле была выполнена диссертация его аспирантки из Воронежа З.В. Пономаревой. Эти исследования получили дальнейшее развитие в многочисленных совместных публикациях.

В целом, на первом этапе своего существования в период с 1996 по 2000 год в диссертационном совете **К 063.59.10** при Пермском государственном университете было защищено почти двадцать кандидатских диссертаций по социально-экономической географии, и более половины из соискателей были аспирантами М.Д. Шарыгина.

С 2002 г. начался новый этап деятельности совета в новом составе и с новыми полномочиями. Реновация привнесла как количественные, так и качественные перемены, но в научных кругах он так и остался под названием «Пермский совет М.Д. Шарыгина». Совет **Д212.189.10** был открыт по трем специальностям для защиты докторских и кандидатских диссертаций: 25.00.23 – Физическая география, география почв и геохимия ландшафтов, 25.00.24 – Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география, 25.00.30 – Метеорология, климатология, агрометеорология. Главным достижением этой трансформации стало объединение специалистов с разных кафедр, факультетов, вузов и даже регионов. В состав совета вошли 25 докторов наук: экономико- и физико-географы, экологи, геологи, биологи, почвоведы, математики, физики, экономисты и социологи стали единым профессиональным сообществом, эффективным коллективом под председательством Михаила Дмитриевича и при активном участии Зампредседателя Николая Александровича Калинина и автора данной статьи в качестве ученого секретаря (рис. 1.12).

Рис. 1.12. На защите диссертации Чупиной Л.Б., 2002 г.

Плодотворная работа аспирантуры у профессоров Бузмакова С.А., Зырянова А.И., Калинина Н.А., Назарова Н.Н. обеспечила бесперебойную работу диссовета по всем трем специальностям. Но почти 2/3 всех диссертаций проходило по специальности 25.00.24, поэтому огромные усилия сотрудников кафедры СЭГ были приложены к процессу их обсуждения, допуска и приема к защите. В среднем за год на нашей кафедре проходило по 5–6 обсуждений диссертаций, мы тщательно вычитывали и рецензировали их «на общественных началах», а после выступали официальными оппонентами на защитах.

«Первая скрипка» в этой работе конечно же была у Михаила Дмитриевича. Сложнейшая работа Председателя была как на поверхности, так и скрыта в глубине этого процесса. Ведь он просматривал не только диссертации, представленные к защите, но и многие другие, не дошедшие до своего логического завершения, какие-то отсеивал по разным и всегда весомым причинам. С диссертациями, принятыми к рассмотрению, он внимательно работал, общался с руководителями, подбирал оппонентов, связывался с ведущими организациями.

Можно смело утверждать, что кафедра СЭГ стала одним из ведущих центров географической науки, поскольку в «Совет М.Д. Шарыгина» диссертационные работы приходили из разных городов страны: Астрахани, Владивостока, Воронежа, Грозного, Екатеринбурга, Ижевска, Иркутска, Казани, Кургана, Курска, Москвы, Пензы, Самары, Твери, Тюмени, Читы.

В этом совете Пермского университета защищались соискатели не только из разных регионов России, но и из ближнего (Казахстан), и дальнего (Иран, Сирия) зарубежья. Все они внесли определенный вклад в развитие высшей школы и географического образования своих регионов и стран.

Не все защиты проходили гладко. Зачастую острая дискуссия ставила соискателя в затруднительное положение, но заключительное слово Председателя снимало все сомнения. Михаил Дмитриевич обладал волшебным качеством: он подчеркивал достоинства так, что работа раскрывалась новыми гранями, а недостатки оказывались менее значимыми и устранимыми в перспективе.

Деятельность диссертационного совета как зеркало отражает традиционные и новые направления географической науки. Стремительно расширив объект и предмет познания, общественная география вышла на качественно новый уровень своего развития, включив в круг изучаемых вопросов традиционные и новые аспекты территориальной организации жизнедеятельности населения, формирования комфортной среды, геокультурного пространства и др.¹.

Среди традиционных для социально-экономической географии остается изучение демографических процессов во всем их многообразии: оценка и прогнозирование демографических процессов (Чекменева Л.Ю., Габдрахманов Н.К., Биктимиров Н.М, Кочеткова Л.Ю. и др.), исследование систем расселения (Григорович М.А., Сорокина А.В. и др.), оптимизация территориальной организации различных сфер экономики (Николаев Р.С., Кротов И.И. и др.).

Михаил Дмитриевич неоднократно подчеркивал, что трансформация социально-экономической географии в общественную значительно расширяет круг изучаемых вопросов, обогащает предмет науки, позволяет выходить на междисциплинарный уровень анализа различных аспектов жизнедеятельности человека. Так, среди приоритетных направлений он считал географические исследования образа жизни социума, в том числе менталитета, культуры, традиций населения. Это отразилось в успешно защищенных диссертациях, которыми он непосредственно руководил или поддержал (Чупина Л.Б., Лядова А.А., Фирсова А.В., Владимирова В.В., Щепеткова И.О. и др.). Широкий диапазон научных интересов профессора

---

¹ Балина Т.А. Диссертационный совет: подводим итоги и строим планы // Географический вестник. 2015. Вып. 4 (35). С. 65–67.

М.Д. Шарыгина позволил выполнять его соискателям работы по географии катастроф (Михайленко А.Н.) и экологической тематике (Толчин В.С.).

На волне возрастания интереса к туристской тематике в нашем диссовете немало работ было защищено по изучению туристского потенциала различных регионов. Многие из этих диссертаций были выполнены под руководством М.Д. Шарыгина. Так, целая группа молодых «вятичей» прибыла из родного для Михаила Дмитриевича, Кирова (Казенина Т.В., Алапкина И.Н., Чернышев К.А., Конышев Е.В., Ситников С.А.). Пройдя обучение в аспирантуре, они успешно защитили диссертации, реализовали себя в разных научных, преподавательских и управленческих сферах.

За двадцать лет работы в «совете М.Д. Шарыгина» прошли становление не только молодые ученые, но и состоялись, получив признание, весьма опытные исследователи, представившие докторские диссертации (рис. 1.13) по социально-экономической географии. Сегодня многие из них возглавляют научные школы в разных городах страны, ведут активную научную и просветительскую деятельность: Завьялова О.Г. (Курган), Рубцов В.А. (Казань), Зырянов А.И. (Пермь), Горбанев В.А. (Москва), Сидоркина З.И. (Владивосток), Томских А.А. (Чита). По физической географии докторские диссертации успешно защитили В.А. Чернов (Москва) и О.И. Кадебская (Пермь), которые также пополнили ряды членов нашего совета.

Рис. 1.13. Защита докторской диссертации В.А. Рубцова, 2003 г.

Диссертационный совет Д212.189.10 проработал с 2002 по 2022 год, из которых непосредственно под председательством М.Д. Шарыгина он

действовал вплоть до 2019 года. Уже будучи тяжело больным, Михаил Дмитриевич мужественно исполнял обязанности Председателя совета, проводил заседания. Но когда вести защиты стало уже невозможно, то на смену пришел профессор Н.А. Калинин, который имел огромный опыт как эксперт ВАК и Заместитель Председателя. Именно Николай Александрович взял на себя обязанности председателя нашего совета и умело им руководил два года до приостановления работы по причине перепрофилирования.

Пермский совет был одним из самых работоспособных и плодотворных в стране. Подводя итог двадцатилетней работы подчеркнем, что в нашем совете было защищено **119 кандидатских** и **9 докторских диссертаций**, из которых по специальности «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география» – 74 и 6 соответственно. Такая высокая востребованность, активность и результативность позволяли «обслуживать» огромное научно-образовательное пространство от Центральной России до Дальнего Востока, при этом поддерживая и высокую планку требований к качеству работ.

Характеризуя современное состояние социально-экономической географии в России, доктор географических наук А.Г. Дружинин подчеркнул, что оно «...являет собой череду сопровождаемых перманентным кризисом её структурных, кадровых и методологических метаморфоз»¹. Оценивая сообщество российских географов-обществоведов немногим более 1000 человек, профессор делает акцент на проблеме подготовки научных кадров, проводит анализ их численности, квалификации, а также специализации. Период, который рассматривался А.Г. Дружининым – 2001-2019 годы – практически совпадает с деятельностью нашего совета. По его подсчетам, за этот период число авторефератов по специальности 25.00.24 (сейчас – 1.6.13), размещённых в электронной базе Российской государственной библиотеки, составляло 840 кандидатских и 79 докторских диссертаций. Самым «урожайным» был период с 2003 по 2007 гг., когда было представлено

---

¹ Дружинин А.Г. Современная российская общественная география: потенциал и приоритеты развития в меняющемся мире // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования. материалы Международной научной конференции (XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО). Тюмень, 2022. С. 42–49.

310 кандидатских и 35 докторских работ. Именно на этот период приходился и пик активности нашего совета. За эти годы у нас прошли защиту 35 кандидатских и 3 докторских диссертации по социально-экономической географии.

Наш коллега (ученый секретарь диссертационного совета в МГУ им. М.В. Ломоносова) Александр Агирречу провел интересный анализ деятельности российских диссертационных советов по нашей специальности за период с 2001 по 2013 г. Подсчитав «интенсивность» проведения защит кандидатских диссертаций по советам, он выявил, что среднее число защит за год в МГУ составляло 11,2, в Краснодаре – 5,8. Пермь занимала почетное третье место: здесь проводилось почти 5 защит в год (4,8), четвертое и пятое места занимали СПбГУ (3,0) и Воронеж (4,2). Среднее число кандидатских диссертаций, защищаемых в нашей стране по специальности 25.00.24 в этот период составляло около 50 в год. Наш совет выполнял очень важную миссию: из 645 диссертаций 52 защиты пришлось на Пермский университет¹.

Выполняя очень ответственную и важную работу, наш совет сохранял творческую и дружелюбную атмосферу, а участие в его работе воспринималась как почетная и полезная обязанность. Защищать в «Шарыгинском совете» диссертацию, выступать в качестве официального оппонента или давать отзыв ведущей организации стало особой мерой научной квалификации, давало особый «знак качества» как молодому соискателю, так и маститому ученому.

Я очень благодарна Михаилу Дмитриевичу за уникальную возможность работать с ним в качестве ученого секретаря эти 20 лет, которые стали школой профессионализма, целеустремленности и самоотдачи. Заглядывая в будущее, хочется надеяться на то, что «Шарыгинский совет» переживет реинкарнацию и возродится благодаря усилиям учеников и последователей Михаила Дмитриевича. Пожелаем ему состояться в новых условиях, но с тем же знаком качества, преданным старым и добрым традициям!

---

¹ Агирречу А.А. Структура и динамика защит диссертаций по социально-экономической географии в России в 2000-е годы // Региональные исследования. 2014. № 1 (43). С. 145–153.

1.7. Памяти М.Д. Шарыгина: преемственность поколений

Мои воспоминания о Михаиле Дмитриевиче Шарыгине многообразны и многослойны. Я была студенткой географического факультета ПГУ с 1969 по 1974 гг. В этот период произошло изменение руководителя кафедрой экономической географии: в самом начале моего обучения заведовал кафедрой мой отец – кандидат географических наук, доцент Михаил Николаевич Степанов, который возглавлял кафедру с 1961 г. А заканчивала обучение я при новом заведующем, ведь в 1971 г. заведующим кафедрой был избран М.Д. Шарыгин. В этом году отцу предложили стать заведующим Лабораторией экономических исследований Пермского центра Уральского научного центра Института экономики АН СССР. Ему было непросто принять это решение. Я помню, как он взвешивал все «за» и «против». Ведь он вложил большой труд, чтобы пригласить и сформировать прекрасный коллектив преподавателей и сотрудников кафедры, когда он стал заведующим десять лет назад. Он продолжил дело таких уважаемых и больших профессионалов в области экономико-географической науки, как Тиунов В.Ф., Старцев В.С., Сандлер И.С., которые стали основателями географического факультета и кафедры экономической географии.

Отец всегда был смелым и креативным человеком и решился взяться за новое направление в своей работе, то есть возглавил Лабораторию. Он активно стал заниматься разработкой структуры, обоснованием круга научных интересов и исследований Лаборатории, подбором кадров. В состав Лаборатории вошли Лыкова Л.Н., (которая в настоящее время является доктором исторических наук, главным специалистом РГАСПИ), Сотникова Я.Б., Волин В.Я. и др. В частности, одним из важных направлений в тот период были вопросы развития Березниковско-Соликамского ТПК. Все сотрудники с энтузиазмом взялись за исследования намеченных научных направлений, в результате – многие защитили кандидатские диссертации.

Научным руководителем кандидатской диссертации М.Д. Шарыгина являлся заслуженный деятель наук Таджикской ССР профессор, В.А. Танавский. Мне повезло, поскольку, благодаря моему отцу, я видела и слушала Валентина Алексеевича. Он был удивительным человеком. Несмотря на его

сложную судьбу, он не только обладал огромными профессиональными знаниями и опытом, но и великолепным чувством юмора. И это сближало молодого М.Д. Шарыгина со своим научным руководителем не только в научном плане, но и в жизни. Михаил Дмитриевич некоторое время испытывал бытовые проблемы и вынужден был жить в общежитии. Несмотря на трудности, он упорно занимался научными исследованиями, подготовкой к лекциям и практическим занятиям со студентами.

Когда в 1970 году в Москве М.Д. Шарыгин блестяще защитил кандидатскую диссертацию в совете МГУ им. М.В. Ломоносова на тему «Проблемы дробного экономического районирования и развития локальных территориально-производственных комплексов (на примере Уральского экономического района)», то, он хотел поделиться радостью с теми, кто был причастен к этому важному событию. И мне опять повезло. После защиты он позвонил нам. Так получилось, что трубку подняла я, услышала радостный голос Михаила Дмитриевича и новость об успешной защите диссертации. Мне было очень приятно одной из первых узнать эту новость. Вечером отец, узнав об этом, был очень взволнован и рад тому, что на кафедре появился молодой, перспективный кандидат наук. Кандидатская диссертация М.Д. Шарыгина была высоко оценена сотрудниками кафедры. П.Н. Чепкасов писал, что «диссертация молодого исследователя представляет собой экономико-географическую модель территориально-производственного комплекса района верховья Камы и Вятки и имеет большое практическое значение для комплексного планирования перспективного развития хозяйства Предуралья»¹.

М.Д. Шарыгин научно-методологической базой в своих исследованиях выбрал работы Н.Н. Колосовского, поэтому в сфере его научных интересов на первый план вышли дробное экономическое районирование и локальные территориально-производственные комплексы, по ним были подготовлены и опубликованы многочисленные работы и разработаны курсы.

---

¹ Чепкасов П.Н. Диссертация и диплом о Предуралье / Вечерняя Пермь, 1970, 4 апреля, с.2.

Официальными оппонентами на защите докторской диссертации М.Д. Щарыгина выступили Юлиан Глебович Саушкин (Московский государственный университет), Сальме Яновна Ныммик (Тартуский университет) и Кирилл Петрович Космачев (Институт географии Сибири и Дальнего Востока). Мне довелось лично общаться с этими крупными учеными, а с К.П. Космачевым отец учился в МГУ на географическом факультете.

М.Д. Шарыгин возглавил кафедру с прекрасным сложившимся научно-преподавательским коллективом. Я с удовольствием вспоминаю замечательные лекции преподавателей кафедры: П.Н. Чепкасова, В.П. Оспищева, В.С. Григорьева, Н.Д. Еропкиной, Н.В. Ивановой, А.М. Свистковой, А.П. Бурьян.

Павел Николаевич был прекрасным преподавателем, с очень тонким чувством юмора. На фронте он был тяжело ранен, почти потерял зрение. Павел Николаевич был ярким лектором, обладал прекрасными образной речью и научной терминологией, занятия проводил в позитивном настроении, они слушались на одном дыхании. На его лекции по картографическому моделированию студенты ходили с большим желанием, так как они были очень интересными, захватывающими и информативными. Отец очень ценил Павла Николаевича и много делал для подготовки диссертации. Она была практически готова, имела высокий уровень научной новизны, но так и не была защищена.

Среди замечательных преподавателей кафедры выделяется доцент, к.г.н., А.М. Свисткова. Я помню ее деловой, собранной и доброжелательной в общении со студентами. Антонина Макаровна читала лекции на высоком профессиональном уровне, использовала примеры из реальной жизни.

Поразительно прекрасной грамотной, образной речью и красивым голосом выделялся преподаватель Владимир Петрович Оспищев. Он читал студентам лекции по промышленности СССР. Курс был информационно насыщенным и интересным. В.П. Оспищев потерял руку на фронте, но при этом он всегда выглядел стройным, подтянутым, аккуратным и оптимистичным. Так как Владимир Петрович имел педагогическое образование, то он использовал соответствующие термины. Например, от него мы

узнали о дидактике. Отец прикладывал большие усилия для того, чтобы Владимир Петрович защитил кандидатскую диссертацию. Однако, к сожалению, этого не случилось.

Владимир Сергеевич Григорьев читал нам курс по транспорту СССР. Он обладал своеобразным стилем чтения лекций, используя конкретные примеры, образные сравнения из своего жизненного опыта. Он был участником Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что были определенные трудности в подготовке исследовательской работы, Владимир Сергеевич защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Экономическая география».

Лекции по курсу социальной географии читала Н.В. Иванова. Нинель Васильевна преподавала материал в спокойном, сдержанном и, в тоже время, высокопрофессиональном стиле. Студентов привлекал также приятный внешний вид преподавателя. В 1970-е годы социальные вопросы в пространственном аспекте было не просто характеризовать, но Н.В. Иванова подготовила и защитила кандидатскую диссертацию.

Курс по математическому моделированию нам преподавала А.П. Бурьян. В то время это был инновационный курс, многие студенты с трудом воспринимали сложный материал, а компьютеров тогда не было. Александра Петровна терпеливо разъясняла сущность математических методов. В период моей учебы А.П. Бурьян подготовила и успешно защитила диссертацию.

Великолепные лекции по курсу «Экономика зарубежных стран» нам читала Нина Дмитриевна Еропкина, она блестяще подавала материал, очень эмоционально, с хорошим, добрым чувством юмора. Студенты любили и уважали Нину Дмитриевну за ее высокой профессионализм, активность, целеустремленность, оптимизм. Она была куратором нашей группы, много и доброжелательно общалась со студентами, вникала в их проблемы и помогала их решить, а летом 1972 г. организовала экспедицию в рамках учебной практики на Кольский полуостров. Имея широкий круг интересов, занимаясь общественной и научной деятельностью, Нина Дмитриевна подготовила кандидатскую диссертацию и успешно ее защитила. Я очень бла-

годарна Нине Дмитриевне за ее помощь и консультации при написании диплома. Первая моя публикация была в соавторстве с Н.Д. Еропкиной и М.Д. Шарыгиным¹.

М.Н. Степанов читал нам лекции на четвертом курсе «Учение о территориально-производственных комплексах». Когда отец в 1952 г. поступил в аспирантуру его научным руководителем был один из основоположников экономического районирования и территориальной организации производства Н.Н. Колосовский. Но, к сожалению, Николай Николаевич ушел из жизни в 1954 г. Заканчивал отец работу над диссертацией под руководством В.В. Покшишевского.

Большим другом и единомышленником М.Д. Шарыгина был профессор, д.г.н. Е.Г. Анимича, который долгое время возглавлял кафедру региональной и муниципальной экономики в Уральском государственном экономическом университете (УрГЭУ-СИНХ). Евгений Георгиевич часто приезжал в Пермь и читал лекции студентам географического факультета. Он был официальным оппонентом на защите моей кандидатской диссертации, которая была подготовлена под руководством профессора, д.э.н. Нины Михайловны Ратнер, которая, к слову, закончила географический факультет в Перми в 1959 г.

Вспоминая студенческие годы, проведенные в Пермском государственном университете, оценивая знания и опыт, переданные нам преподавателями географического факультета, я высоко ценю этот вклад в мое становление как ученого и преподавателя высшей школы. А кафедре, в создании которой ключевую роль сыграли мой отец – М.Н. Степанов и М.Д. Шарыгин, хочется пожелать успехов во всех делах и процветания!

---

¹ Природно-экономический потенциал и пути развития Коми-Пермяцкого национального округа / Н.Д. Еропкина, О.М. Степанова, М.Д. Шарыгин // Вопросы марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений: к 50-летию СССР. Пермь, 1972. С. 113–122.

1.8. Полвека рядом с замечательным человеком

Михаила Дмитриевича я впервые увидел задолго до поступления в университет. Конечно, это было не знакомство, а просто первые впечатления школьника от встречи с профессиональным ученым, одним из лидеров Пермской географической школы. Это произошло в рамках школы юных географов (ШЮГ): была на факультете такая форма непосредственного общения вузовских преподавателей со старшими школьниками – будущими абитуриентами. Шел 1972 год. Тогда страна, находясь в преддверии коммунизма, была ещё полна энтузиазма и общественные инициативы приобретали самые разные формы. Одним из таких инициативных начинаний была ШЮГ. Работала школа по воскресеньям, и преподаватели посвящали свой выходной день занятиям с учениками. Роскошь общения, думаю, была обоюдной, хотя с нашей стороны, конечно, гораздо более значимой и «корыстной».

Сейчас даже не могу сказать по чьей инициативе эта школа была создана, но изначально это была общефакультетское начинание, ею руководила Галина Гавриловна Макарова (к.г.н., доцент кафедры СЭГ). Позже бразды правления были переданы самим студентам – третьекурсникам А.И. Зырянову (ныне д.г.н., профессор, заведующий кафедрой туризма ПГНИУ) и Н.Н. Казаковой (ныне и присно супруга, а также преподаватель географии). Лекции в ШЮГе вели преподаватели всех имеющихся на то время специальностей: метеорологи, гидрологи, физико- и экономико-географы. Таким образом, абитуриенты получали полное представление не только о структуре факультета, но и знакомились с научными школами и их лидерами, посвящались в направления научных исследований, погружались в атмосферу вуза, приобщались к новейшим достижениям науки.

Цикл обучения в ШЮГе был годичный, но так получилось, что я прошел его дважды. Первый раз в 1972–73 уч. году, будучи девятиклассником, больше из любопытства, и второй – в 1973–74 годы, сознательно ориентируясь на поступление в университет.

Помню первые впечатления от встречи с М.Д.Ш. Это было в 64 аудитории пятого (бывшего географического) корпуса ПГУ. Поскольку уже тогда мне были интересны вопросы социально-экономической географии, естественно и преподаватели профильной кафедры вызывали живейший интерес. О проблемах и основных направлениях исследований социально-

экономической географии рассказывал сам заведующий кафедрой. И вот перед нами предстал смуглый молодой мужчина с усиками и в затемнённых очках (Михаилу Дмитриевичу было тогда 35 лет), таинственной, несколько латиноамериканской внешности. Не могу сказать, что всё в его рассказе мы поняли, но искренняя тональность, широкий кругозор, личная заинтересованность в решении актуальных задач науки и открывающие перспективы сделали своё дело. Через два года, когда пришло время выбора специализации, желающих отдать себя социально-экономической ветви древней науки оказалось значительно больше, нежели вакантных мест. Желающие проходили отбор.

Надо сказать, что система обучения в то время была несколько иной. Первые два года на факультете преподавались только подстилающие общенаучные и географические дисциплины: гидрология, метеорология, физическая география Пермской области, СССР, материков и океанов, топонимика, биогеография, геология, почвоведение и пр. Соответственно и курсовые работы писались по общегеографической тематике, а руководители каждый год менялись. Но уже в эти годы нас привлекали к работе в студенческом научном обществе, выполнению хоздоговорных исследований и участию в научных экспедициях. На факультете и в университете работало множество кружков и секций, в том числе туристический клуб «Эдельвейс». Туризм в те годы был настолько популярен, что юные первокурсники полевых факультетов (и не только, было много, например, математиков) практически поголовно вливались в его ряды. Туризм роднил представителей разных специальностей, разных курсов, и даже разных вузов. Так, географы часто ходили в походы не только со своими геологами, но и с будущими технологами-политеховцами.

Однажды в зимние каникулы 1975-1976 уч. года мы двинулись в лыжный поход в Октябрьские пещеры. С нами отправился и Михаил Дмитриевич. Для меня, второкурсника, мало общавшегося в то время с сотрудниками кафедры экономической географии, это было, мягко говоря, не совсем обычно. Заведующий кафедрой (он занял эту должность совсем недавно – в 1971 году), кандидат наук, маститый учёный идет в лыжный поход со студентами 2-4 курсов! Но надо было знать Михаила Дмитриевича. Он с детства увлекался спортом, лыжи пользовались его особой любовью, а склонность к физическим нагрузкам была в крови. В 37 лет М.Д.Ш. был в прекрасной форме и не упускал случая поддержать её.

Такой разномастной компанией мы прошеествовали по снежной целине от ст. Валежная до брошенной деревни Кутамыш. М.Д.Ш. периодически уходил далеко вперед и поджидал нас. Долго выбирали подходящую избу для ночевки. Деревню сселили относительно недавно (это было время реализации программы по оптимизации сельского расселения), дома были почти целы, сохранилась даже обесточенная линия электропередачи от железнодорожной станции. Всю ночь провели в разговорах – темы для общения были самые разные: от исторических экскурсов и научных дискуссий до анекдотов и смешных жизненных ситуаций. На следующий день в пещеры попасть не удалось (река Кутамыш полностью не замерзла) и часть коллектива (в том числе и М.Д.Ш.) отправились в обратный путь. Всё это время – а это 3-4 часа на лыжах и 2 часа на электричке – общение не прекращалось. Это путешествие дало нам возможность так близко познакомиться с Михаилом Дмитриевичем, узнать его как прекрасного спутника, общительного собеседника, великолепного рассказчика, кладезя жизненного опыта (а жизненный путь его даже на тот момент был далеко не прост), мудрого учёного и руководителя.

Через год начался самый продуктивный период обучения нашего курса – нас распределили по специализациям и М.Д.Ш. стал моим научным руководителем. С этого времени общение наше стало регулярным и намного более разнообразным. Следует отметить стиль руководства заведующего. В это время на факультете еще работало поколение фронтовиков: людей опытных, авторитетных, готовых отстаивать свою точку зрения в любых обстоятельствах. Они были в руководстве факультета: Юрий Александрович Власов и Виктор Васильевич Карпов, и конечно, на нашей кафедре: Павел Николаевич Чепкасов, Владимир Сергеевич Оспищев, Владимир Александрович Григорьев. Михаил Дмитриевич не только всегда прислушивался к их мнению, но и совместно вырабатывал стратегию поведения в той или иной ситуации, а это не всегда было просто. Существовала руководящая роль партии, комсомол, профсоюзные организации сотрудников и студентов, множество общественных организаций. По «явочным» дням «Шефа» (так за глаза коллектив кафедры звал М.Д.Ш. – о чем он, кстати, знал, и чему не противился) – в понедельник, среду и пятницу – его кабинет превращался в одновременно в мозговой штаб и курилку (разрешалось курить на лестничных клетках, в туалетах и кабинетах). Здесь обсуждались

важнейшие проблемы и решались стратегические вопросы развития кафедры, факультета, университета, а в некоторых аспектах и страны.

Следует напомнить, что в те годы при факультете и в тесном сотрудничестве с ним действовал целый ряд лабораторий – головных научных подразделений даже в СССР. Так, лаборатория комплексных исследований водохранилищ (КИВ), была ведущей по изучению этих водоёмов в стране, лаборатория лесоведения занималась рекультивацией отвалов золотодобывающих предприятий Дальнего Востока, лаборатория картографии – социально-экономическим картированием регионов и городских агломераций. Поэтому деятельность «мозгового центра» в кабинете М.Д.Ш. предполагала обязательное присутствие Юрия Михайловича Матарзина (заведующий кафедрой гидрологии и руководитель КИВ), Нины Дмитриевны Еропкиной (член парткома ПГУ), П.Н. Чепкасова (секретарь партбюро факультета) и других заинтересованных лиц. Именно в это время в стране обсуждалась реализация ряда масштабных по своей территориальности проектов: переброска вод северных рек в Каспий, развитие Нечернозёмной зоны РСФСР, освоение трассы БАМ, которые касались направлений научной деятельности факультета. Было что обдумать и было о чем поспорить. По инициативе М.Д.Ш. на факультете стал действовать теоретико-методологический семинар, на котором обсуждались подобные вопросы.

Важным направлением деятельности кафедры и факультета стало решение актуальных вопросов комплексного развития территории. Это предполагало тесное сотрудничество с партийными и административными органами региональной власти; академическими, отраслевыми и общественными научными подразделениями; разнообразными предприятиями и организациями Пермской области и Урала.

Преподаватели кафедры приглашались на заседания областной плановой комиссии, силами сотрудников и студентов выполнялись хоздоговорные работы для отдела по труду (руководитель Галина Гавриловна Макарова) и отдела социального мониторинга Пермского Облисполкома, помогали в выполнении хоздоговоров СИНХу. Руководитель Пермского филиала Института экономики УрО РАН Михаил Николаевич Степанов читал студентам лекции.

Благодаря своим обширным и многообразным научно-педагогическим связям Михаил Дмитриевич организовывал на факультете чтение лекций ведущими преподавателями столичных вузов, а также представителями

наиболее ярких географических школ страны. Шеф отдавал много сил воспитанию и профессиональной подготовке молодых специалистов. Подобная «обработка» подрастающих кадров приобретала самые разные формы. Порой это были длительные беседы в рабочем кабинете, когда беседа носила непринуждённый характер, совершенно неожиданно перемещаясь с одного предмета обсуждения на другой. Сюда «на огонёк» покурить заходили самые разные представители профессионального сообщества и разговор порой приобретал черты оживленной дискуссии.

Именно при М.Д.Ш. на факультете были осуществлены проекты, объединявшие лучшие научные силы факультета: рекультивация отвалов золотодобычи в Амурской области, программа социально-экономического и экологического развития Березниковско-Соликамского промышленного узла, оценка экологического состояния сельскохозяйственных угодий Пермской области, ликвидация химического оружия в г. Щучье Курганской области и др. Выполнение этих работ потребовало координации усилий метеорологов, гидрологов, биогеоценологов и конечно, географов-обществоведов. Пожалуй, более на факультете таких масштабных и комплексных проектов не было.

Отдельная эпоха в истории кафедры связана с деятельностью лаборатории «Регион», выполнявшей работы по спецтематике в интересах Минвуза РСФСР. Созданное усилиями Михаила Дмитриевича это научно-исследовательское подразделение ЕНИ курировало работу всех вузов России, осуществляло масштабные экспедиционные работы от Калининграда до Владивостока.

На всех направлениях своей работы и во всех аспектах деятельности Шеф неизменно очень аккуратно и тщательно относился ко всем делам. Список дел был четко регламентирован, систематизирован по значимости и распределён по исполнителям. Утренняя встреча с заведующим начиналась неизменной процедурой извлечения из кармана блокнота и фразой: «У меня к тебе шесть (семь, восемь, девять и т. д.) дел»... Контроль за исполнением поручений был строгим. Инициатива поощрялась, невыполнение каралось морально: сухостью тона, временным отказом в общении... Казалось, дела решались как бы сами собой, без прямого вмешательства. Даже во время отсутствия Шефа (командировки, отпуск), механизм кафедры действовал слаженно, без сбоев.

Шеф всячески стимулировал участие коллектива в конференциях, симпозиумах, съездах. Памятно, например, участие в IX съезде ГО СССР в Казани (рис.1.14). В 1990 году, на излёте советского времени, когда возможности творческих командировок ещё не ограничивались «жесткой рукой рынка», практически весь молодой состав кафедры принял участие в этом празднике географической мысли. Каким мощным багажом интересных идей, знакомств, творческих и дружеских связей мы обогатились в столице Татарстана. Именно тогда зародилась наша дружба с ровесниками – географами Казани и Удмуртии. Весь «молодняк» кафедры впервые вживую увидел географический ареопаг, классиков советской географии, ранее знакомых только по учебникам и научным трудам. Впечатления от этой поездки остались на всю жизнь.

Рис. 1.14. Делегация учеников М.Д. Шарыгина на Всесоюзном географическом съезде, Казань, 1991 г.
(слева направо: А.И. Зырянов, В.А. Столбов, А.М. Коробейников, Т.В. Субботина, М.П. Морозов, С.Б. Фоминых, Т.А. Балина, М.М. Кибардин, М.Г. Королев)

В дальнейшем мне повезло сопровождать Михаила Дмитриевича ещё на шести съездах уже РГО, где он неизменно избирался в организационные

структуры, был окружен вниманием, пользовался заслуженным авторитетом коллег.

Всегда нас поражали творческие способности шефа. Он был в курсе всех новых идей в науке, новостей в плане организации работы вузов, мировых, государственных и региональных событий. Выписывались все отраслевые журналы, покупались и получались самые интересные научные труды, неизменно прочитывались центральные и местные периодические издания. Стол в кабинете (как и дома) неизменно был завален самыми свежими географическими изданиями. Попытки взять их без спроса строго пресекались: «А ну положи на место!» Все прекрасно понимали эту нарочитую строгость, но получить книгу могли только на определенное время с низким обсуждением содержания прочитанного.

Широкая осведомленность М.Д.Ш. проявлялась в самых разных областях. Наверное, здесь сказалась специфика вузовской специализации (биология и география); природная наблюдательность и любознательность, свойственная сельской жизни; постоянная гимнастика ума. Дома у Михаила Дмитриевича около кресла громоздились пирамиды детективов, и это в период жесточайшего дефицита подобных изданий! Вот эти книги получить было намного сложнее, так как отклонение от научной «траектории» не особо приветствовалось.

Многообразие научных интересов Михаила Дмитриевича подтвердил факт, буквально поразивший меня. Заинтересовавшись историей российской географической школы, я наткнулся на сведения об институте Центрографии, который непродолжительно существовал в стране в 1920-е гг. Во то время, на заре Интернета, подобное воспринималось как настоящее открытие, сенсация. Естественно, открытием я поделился с руководителем, но он воспринял новость весьма прохладно. Каково же было мое удивление, когда спустя несколько лет я нашел статью М.Д.Ш. о центрографии в одном из ранних сборников трудов сотрудников кафедры 1960-х гг. Сие «открытие» оказалось давно пройденным этапом увлечения Учителя.

На протяжении всего руководства кафедрой Михаил Дмитриевич очень бережно и с большим тактом относился к сотрудникам. Неизбежные для любого коллектива конфликты он умело микшировал, добиваясь либо консенсуса сторон, либо сводя всё к шутке и демонстрируя глупость про-

должения спора, а иногда и вовсе высказывая точку зрения, четко демонстрирующую: «ну и неправы же вы все». Шеф четко следил за успехами сотрудников, никогда не забывал о своевременных поощрениях (материальное стимулирование, благодарности за достижения, грамоты к юбилеям и знаменательным датам), но и не проходил безразлично мимо ошибок и проступков. Однако, позитивная реакция всегда перевешивала. Это проявлялась как в мелочах (в случае сомнения ставить студентам более высокую оценку), так и в общем отношении к окружающим. Члены нашего диссертационного совета прекрасно помнят, как М.Д.Ш. брал слово в конце дискуссии и, блестяще подчеркивая достоинства диссертации, мастерски выводил обсуждение на позитив, убеждая колеблющихся и поддерживая убеждённых. Сколько достойных научных работ получили путёвку в жизнь благодаря усилиям Михаила Дмитриевича! Аналогичным образом он поступал и будучи председателем госкомиссии в других вузах. Сотрудники кафедры не раз слышали «сказы» о том, насколько профессионально и благосклонно подходил он к оценкам дипломных работ студентов Тюмени.

До последних дней жизни Михаил Дмитриевич оставался оптимистом, неизменно шутил, держал руку на пульсе кафедральной и вузовской жизни, руководил коллективом, студентами и аспирантами. Будучи уже тяжело больным, он принимал сотрудников, читал книги, писал статьи, консультировал..., оставался Учителем, Учёным, коллегой, замечательным, отзывчивым человеком.

РАЗДЕЛ 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

2.1. Географическое пространство-время и его свойства

Пространство и время являются неотъемлемыми атрибутами материальных объектов. В рамках новой концепции географической материи¹ успешно решается вопрос и об её атрибутах: формах, движении, развитии, причинности, необходимости, закономерности, качестве, количестве, пространстве, времени, отражении и т. д. Формами (проявлениями) географической материи выступают разного рода геосистемы – природные, техногенные, социально-экологические, социально-экономические, общественные, геополитические, каждая из которых обладает специфическим пространством-временем, наделённым набором уникальных свойств.

В основе исследований подобного рода лежат материалы современных достижений философии, результаты метагеографических поисков, методология теоретической географии, данные отраслевых географических изысканий.

Большой вклад в развитие теоретических идей географии внес и М.Д. Шарыгин. Достаточно вспомнить одну из пионерных работ в этой области совместно с А.И. Зыряновым², фундаментальную книгу с А.И. Чистобаевым³, основополагающие труды с А.М. Трофимовым⁴.

Еще в прошлом веке З.Е. Дзенис выделял такие существенные и специфические свойства геосистем, наиболее соответствующие задачам географии, как содержательность, структурность, территориальность, динамичность, функциональность, взаимосвязанность⁵.

---

¹ Столбов В.А. Географическая материя: субстанция и атрибуты // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. Том 32, №2. 2022. С. 216–228.

² Зырянов А.И., Шарыгин М.Д. Введение в теоретическую географию. Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, Пермский ун-т, 1984. 84 с.

³ Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Экономическая и социальная география: новый этап. Л.: Наука. 1990. 318 с.

⁴ Трофимов А.М., Шарыгин М.Д. Общая география (вопросы теории и методологии). Пермь, Перм. ун-т, 2007. 494 с.

⁵ Дзенис З.Е. Методология и методика социально-экономгеографических исследований. Рига, 1980. 262 с.

Содержательные и структурные параметры геосистем хорошо просматриваются на предложенной ранее схеме классификации форм материи¹, а территориальность и динамичность – специфические проявления географического пространства-времени². Особая, комплексная форма материи предполагает и уникальную размерность категорий пространства-времени. Категория «географическое пространство и время» традиционно остается базисной в географических науках, включая и общественную географию.

По мнению А.И. Чистобаева географическое пространство представляет собой сложное явление, воплощающее в себе пространственные состояния не только естественных сфер географической оболочки (атмосферы, гидросферы, литосферы и биосферы), но и социосферы. При этом последняя (или социально-географическое пространство) отличается наибольшим динамизмом и рассматривается: «...как пространственно-временное сочетание общественных объектов, явлений и процессов в совокупности с природным окружением»³.

Сформированное в рамках традиционной марксистской философии новое представление о географической материи позволяет существенно расширить гносеологические возможности метагеографии. Это материя, замыкающая ряд комплексных форм (наряду с астрономической и геологической) и включающая объекты, обеспечивающие необходимые условия жизнедеятельности людей.

Географическое пространство можно представить, как реальное, так и когнитивное, пространство географических объектов в сочетании с абстрактным и конкретным пространством вещественных, энергетических и информационных связей и отношений между ними. Для географического пространства характерны: множественная структура, упорядоченность,

---

¹ Столбов В.А. Географическая материя: сущность и атрибуты // Всероссийская конференция с международным участием «Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика», посвященная 110-летию со дня рождения профессора Ю.Г. Саушкина. Смоленск 2021. 540 с. С.173–185.

² Столбов В.А. Географическая материя: сущность и атрибуты // Всероссийская конференция с международным участием «Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика», посвященная 110-летию со дня рождения профессора Ю.Г. Саушкина. Смоленск 2021. 540 с. С.173–185.

³ Чистобаев А.И. Социально-географическое пространство и его организация // Сб. О жизни и географии с любовью... Избранные статьи. Интервью. Персоналии. Санкт-Петербург – Смоленск: Универсум, 2005. 464 с.

связность, многомерность и т.д.¹. Усложнение географической среды, нацеленное на всё более полное удовлетворение общественных потребностей, сопровождается ростом дифференциации географического пространства, углублением пространственной формы общественного разделения труда и соответствующим развитием интеграционных процессов.

Для географического пространства характерна «горизонтальная» и «вертикальная» структуризация. «Горизонтальная» структуризация проявляется в форме сочетания подпространств: природно-географического, общественно-географического и интегрального природно-общественного. Каждое из них включает частные подпространства. Так, общественно-географическое пространство включает экономическое, социальное, культурное, политическое и др., они образуют континуально-послойную структуру пространства.

«Вертикальная» структуризация реализуется в форме региональных и локальных пространств – дискретных частей географического пространства. В результате формируется дискретно-системная структура пространства.

Диалектическое сочетание прогрессирующей дифференциации географической формы материи с развитием континуальных и дискретных форм ее организации является главной устойчивой закономерностью функционирования географического пространства. Закон сочетания континуальности и дискретности географического пространства сопровождается совокупностью закономерностей. Среди них:

- пространственная концентрация и деконцентрация вещества, энергии, информации;
- сжатия и расширения пространства;
- тесная, детерминированная связь географического пространства и географического времени и др.

Географическое пространство, тесно связанное со временем, является базисом пространственно-временной организации общества с его ограничением территорией (и акваторией).

---

¹ Бакланов П.Я. Подходы и основные принципы структуризации географического пространства // Известия РАН. Сер. Географ. 2013. №4. С. 7–18; Трейвиш А.И. «Сжатие» пространства: трактовки и модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М., 2010. С. 16–30.

В рамках общественной географии преобладающей концепцией (можно сказать парадигмой) на сегодняшний день является концепция территориальной организации общества, где в качестве формы географической материи принимается территориальная общественная система (ТОС), а мерилom разнообразия и общечеловеческой ценности географической среды, соответствия ее потребностям общества может служить региональный капитал – актуализированный потенциал территории¹.

Пространственно-временная организация общества протекает в двух формах: континуально-сетевой систематизации и дискретно-системной регионализации. В первой форме реализуются глобальные экономические, социальные, политические, культурные и информационные системы. Примерами могут служить международные институты ТНК, ВТО, МВФ, МБРР, ООН, ЮНЕСКО и т. д. Вторая форма проявляется на региональном уровне в виде ТОС разного иерархического ранга. Под ТОС понимается социально и экономически эффективное, экологически безопасное пространственно-временное сочетание всех сфер жизнедеятельности людей, рационально использующее территориальный потенциал для повышения благосостояния населения. Пространственно-временная организация общества, протекающая в диалектически взаимосвязанных формах, подчиняется закону общественно-географического системообразования².

Образование ТОС происходит в процессе территориальной концентрации населения и производства, адаптации и интеграции всех сфер жизнедеятельности людей. Ключевую роль здесь играют производственная и потребительская деятельности населения. Эти две стороны жизнедеятельности людей жестко взаимосвязаны и являются основой общественно-географического системообразования. Производственная деятельность населения выступает материальной основой и главным базисом возникновения территориальных форм организации общества. Потребительская деятельность стимулирует производственную, ведет к формированию рынков и становится консолидирующей силой всех сфер человеческого бытия. Социализация процессов жизнедеятельности людей сопровождается расширением межличностных отношений, углублением информационно-коммуникационной составляющей, ростом социального капитала.

---

¹ Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Региональный капитал. Пермь, 2016. 528 с.

² Шарыгин М.Д. Современные проблемы экономической и социальной географии. Пермь, 2008. 428 с.

Ядром и базисом ТОС является территориальная общность людей, функционирующая на конкретной территории в тесном взаимодействии с функциональными подсистемами и инфраструктурой. Совместное развитие всех функционально-структурных подсистем и сфер жизнедеятельности людей происходит в рамках закона общественно-географического системообразования и совокупности следующих закономерностей¹:

1. Площадная дискретизация жизнедеятельности людей, рост разнообразия пространственных форм ее организации.
2. Территориальная концентрация и деконцентрация жизни общества.
3. Глобализация и усиление пространственной дифференциации общества, делегирование функций вышестоящим таксонам.
4. Открытость и замкнутость ТОС.
5. Многообразие и потенциальная неисчерпаемость ресурсов.
6. Территориальное разделение труда, услуг, информации, сопровождаемое специализацией, кооперацией, комбинированием, комплексированием, конкуренцией, градо- и районо- образованием.
7. Территориальная иерархизация общества и др.

Территориальные формы пространственно-временной организации общества, реализуются в иерархически организованных локальных ТОС и образуют третий уровень общественно-географического познания. На этом уровне действуют свои законы и закономерности функционирования ТОС. Например, антропный закон, присущий географической материи, реализуется в виде следующей закономерности: экономическая, социальная и экологическая эффективность функционирования территориальных форм организации общества при приоритете социальных параметров.

Эту закономерность можно рассматривать в качестве главного закона развития ТОС. Экономическая эффективность характеризуется получением максимальной добавочной стоимости. Экологическая эффективность воплощается в улучшении среды жизнедеятельности и рациональном природопользовании. Социальная эффективность сопровождается ростом благосостояния населения. Эффективность функционирования ТОС образуется в результате синергии целостности систем и проявляется в сбалансированности и пропорциональном функционировании структурных образо-

---

¹ Шарыгин М.Д. Территориальные общественные системы (региональный и локальный уровни организации и управления). Пермь, 2003. 260 с.

ваний ТОС. Сбалансированность общественной системы предполагает минимизацию отклонений при движении по намеченной траектории, а пропорциональность – оптимальные соотношения между структурными компонентами.

Среди других закономерностей наиболее устойчивыми являются следующие:

- стремление к оптимальной пространственной форме (В. Бунге);
- пространственная регулярность, реализуемая в форме организации и взаимодействия центра – полупериферии – периферии;
- пространственная гармония, проявляющаяся в зонально-секторальной структуре ТОС, в т. ч. в виде «поляризованного ландшафта»;
- ведущая роль производственной подсистемы в ТОС;
- изоморфизм основных функциональных подсистем ТОС;
- динамическое равновесие ТОС и окружающей среды;
- стадийное и циклическое развитие ТОС и др.

Развитие общественной географии постоянно обогащается новыми теоретическими исследованиями и прикладными территориальными проектами, которые строятся на принципах, вытекающих из знания системы законов и закономерностей. В этой системе особое место занимают закономерности четвертого уровня – закономерности развития частных территориальных систем (функциональных подсистем ТОС), сетей и структур. Наиболее известными и признанными являются следующие закономерности:

- давление места при размещении новых хозяйственных объектов (Б.Б. Родоман);
- детерминация идеального промузла (П.Я. Бакланов);
- «правило» Ципфа «ранг-размер» в системе городского расселения;
- Правило Рейли при определении зон влияния и транспортного обслуживания городских центров в зависимости от числа жителей и расстояния между ними;
- формирование опорного каркаса населения, включающего города и коридоры коммуникаций между ними;
- стадийность формирования сетевых структур и др.

Такие неотъемлемые атрибуты географической материи как пространство и время очерчивается пространственно-временным континуумом жизнедеятельности людей. Масштабы его простираются от границ но-

осферы (границ человеческого познания по В.И. Вернадскому) до индивидуального, личного, интимного пространства¹. Проникновение в географию нанотехнологий предполагает изучение пространственных аспектов жизнедеятельности не только малых коллективов (семьи, фермерского хозяйства, интеллектуальных игровых групп, малых предприятий и т.д.), но и отдельных людей (предпринимателей, покупателей, избирателей и т. д.). По образному выражению Ю.Г. Саушкина люди «...в космических кораблях и скафандрах... уносят с собой в космос целостные частицы геосреды»². Сформировались целые направления подобных нано-масштабных исследований – поведенческая, электоральная, культурная география и т. д.

Тенденции современного научного мейнстрима проявляются в естественных науках в том, что продвижение вглубь материи стало абсолютным трендом. Аналогично современное представление о географическом пространстве существенно расширяет свои масштабы (от одной миллиардной части человечества (индивидуум) и наноуровня (семья) – индивидуального и личного – до глобального). Не лишена логики и точка зрения, совмещающая границы географического пространства с границами ноосферы, сферы распространения человеческого разума.

Временная организация географических систем

Исследование временных аспектов географической материи позволяет выделить качественно различные состояния пространственно-однородных объектов. Как справедливо отмечает В.Н. Солнцев: «...пространственно одни и те же тела, рассматриваемые в разные по длительности интервалы времени, выступают фактически как разные объекты»³. На каждом хроноинтервале географический объект демонстрирует качественно новую сущность.

Проблемы временной организации (хроноорганизации) геосистем в научной литературе разработаны значительно менее детально, нежели вопросы территориальной (пространственной) организации.

Категория «организация общества» является основополагающей в экономической, социальной и политической географии. Это наиболее

---

¹ Голд Д. Основы поведенческой географии. М., 1990. 304 с.

² Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М., 1973. 559 с.

³ Солнцев В.Н. Хроноорганизация географических явлений // Геофизика ландшафта / Вопросы географии, сб. 117, 1981. С. 40–68.

сложная категория науки, так как в ней интегрируются основные положения о структуре всех видов человеческой деятельности (трудовой, бытовой, рекреационной, политической и др.) и компонентов общества (населения, хозяйства, природопользования, инфраструктуры, управления и др.), а также о пространственно-временных формах жизнедеятельности людей, системах управления и самоуправления.

Понятие «хроноорганизация общества» пока еще не имеет единого определения и носит расплывчатый характер. Отметим наиболее важные аспекты этой научной категории по аналогии с «территориальной организацией».

1. Хронологическая организация общества – создание такой системы использования пространственно-временного потенциала территории группами людей, которая позволяет им расселиться на земной поверхности, освоить природные ресурсы, разместить населенные пункты, воспроизводить свой род, разместить источники водоснабжения и питания, места производства орудий труда, одежды, обуви и других, необходимых для жизни предметов, разместить зоны и предприятия лечения, отдыха, науки, культуры и т. д.

2. Понятие «хронологической организации общества» в широком смысле охватывает вопросы эволюции систем территориального разделения труда, размещения производительных сил, региональных различий в производственных отношениях, расселения людей, взаимоотношения общества и природы, а также проблем региональной социально-экономической политики. В более узком смысле оно включает такие категории, как совершенствование административно-территориальной организации государства, регионального управления производством, формирование организационно-хозяйственных образований, определение объектов управления, оптимизация социально-экономического районирования и т. п.

3. Хронологическая организация общества представляет собой скоординированное сочетание функционирующих территориальных структур (расселения населения, производства, природопользования), объединяемых структурами управления в целях воспроизводства жизни общества в соответствии с гуманистическими целями и на основе объективных законов.

Хроноорганизация общества – это, во-первых, сопряжённость процессов, циклов и ритмов действий по размещению и функционированию предприятий материального производства и непромышленной сферы, жизнедеятельности населения, природопользованию, с учетом их отношений, связей, соподчиненности и взаимозависимости, осуществляемых в соответствии с поставленными целями, решаемыми задачами и на основе сложившейся системы действующих районов.

Во-вторых, согласование временных параметров функционирования территориальных структур: расселения населения, производства, природопользования, сервиса и т. д, объединяемых институтами управления процессом общественного производства.

Временную организацию общества целесообразно рассматривать с пяти позиций: как процесс, как явление, как механизм хронологического планирования и регулирования, как результат деятельности и как совокупность субъектов хозяйствования, участвующих в процессе.

Как процесс она проявляется в постоянном движении и пульсации всей жизни людей в пространстве-времени. При этом необходимо различать процессы функционирования, развития, воспроизводства и перемещения. Для функционирования характерны количественные изменения параметров; для развития – качественные преобразования структуры и функций общественной жизни; для воспроизводства – циклическое замещение населения, производства, природных ресурсов, услуг, информации; для перемещения – смена места и времени обитания людей, нахождения капитала, товаров, инноваций и т. д.

Как явление хроноорганизация общества реализуется в форме сменяющихся друг друга иерархически структурированных социально-экономических регионов разного профиля и ранга, в которых протекает основная жизнедеятельность населения. Каждый регион – это веха в жизни страны и звено в её социально-экономическом пространстве, одновременно самостоятельное и стабильное временное образование. Как механизм регулирования она осуществляется через систему государственного управления и местного самоуправления с учетом функций рынка. Пространственно-временная организация общества, как стержень географической науки, синтезирует теории и концепции общественного разделения труда, районирования, регионоведения, территориальных общественных систем, расселения населения, исторических парадигм, теории общественной эволюции,

смены культур и цивилизаций и другие. При этом проявляется эффект синергизма и формируется качественно новое научное направление.

Как результат хроноорганизация задает цель преобразований с полученным результатом, осуществляя мониторинг процесса, формирует дальнейшее целеполагание и, на основе сложившихся тенденций определяет наиболее целесообразную траекторию её достижения. На базе действующих ритмов и циклов создается наиболее сбалансированный вариант геосистемы, позволяющий двигаться по намеченной траектории с минимальными флуктуациями. В данном контексте хроноорганизация близка по смыслу временному «срезу» геоситуации.

Организация географических объектов во времени предполагает также определение круга участников этого процесса, поскольку термин «организация» может рассматриваться синонимом категории «институт», т.е. включать всех заинтересованных субъектов деятельности – предприятий, обществ, учреждений, служб, заведений и т.д.

Подобный хронологический подход к познанию геосисем требует применения соответствующих временных параметров, отражающих их состояние. Так, В.Н. Солнцев предлагает рассматривать в качестве основных характеристик хроноорганизации целостных географических объектов его минимальные, характерные, полные и фоновые «времена»¹, где:

- Минимальное время – период полного завершения простейших процессов, присущих объекту на протяжении его характерного времени. Для равновесных систем это длительность микрофлуктуаций, для колебательных – период микроколебаний;

- Характерное время объекта или процесса – хроноинтервал, внутри которого может реализоваться полный набор частных целостных проявлений объекта во времени. Для равновесных систем это время возвращения к равновесию после отклонения, для колебательных – полный период колебаний;

- Полное время – временной отрезок, на протяжении которого географические объекты реализуют все существенные переходы из одного со-

---

¹ Солнцев В.Н. Хроноорганизация географических явлений // Геофизика ландшафта / Вопросы географии, сб. 117, 1981. С. 40–68.

стояния в другое, оставаясь качественно стабильными. В этот период проявляются все возможные варианты его целостных состояний. Полное время характеризует развитие объекта от формирования до угасания;

- Временной фон охватывает не только время существования объекта, но и предшествующее и последующее время. Этот временной интервал, по мнению В.Н. Солнцева, должен быть на порядок цифр протяжённее полного времени объекта. Фоновое время включает предпосылки для его возникновения, охватывает все стадии развития и демонстрирует деструкцию и (или) преобразование в новую целостность.

Временным параметрам географических объектов и явлений присуще большое разнообразие и широкий спектр демонстрируемых колебаний. Так, исследователи Мирового океана предлагают выделить семь характерных временных иерархических интервалов¹:

1. Мелкомасштабные явления (от долей секунд до десятков минут);
2. Мезомасштабные (периоды от часов до суток);
3. Синоптические (периоды от нескольких суток до месяцев);
4. Сезонные (годовой период и его ритмика);
5. Межгодовые (периоды в несколько лет);
6. Внутривековые (периоды в десятки лет);
7. Межвековые явления (периоды в сотни лет).

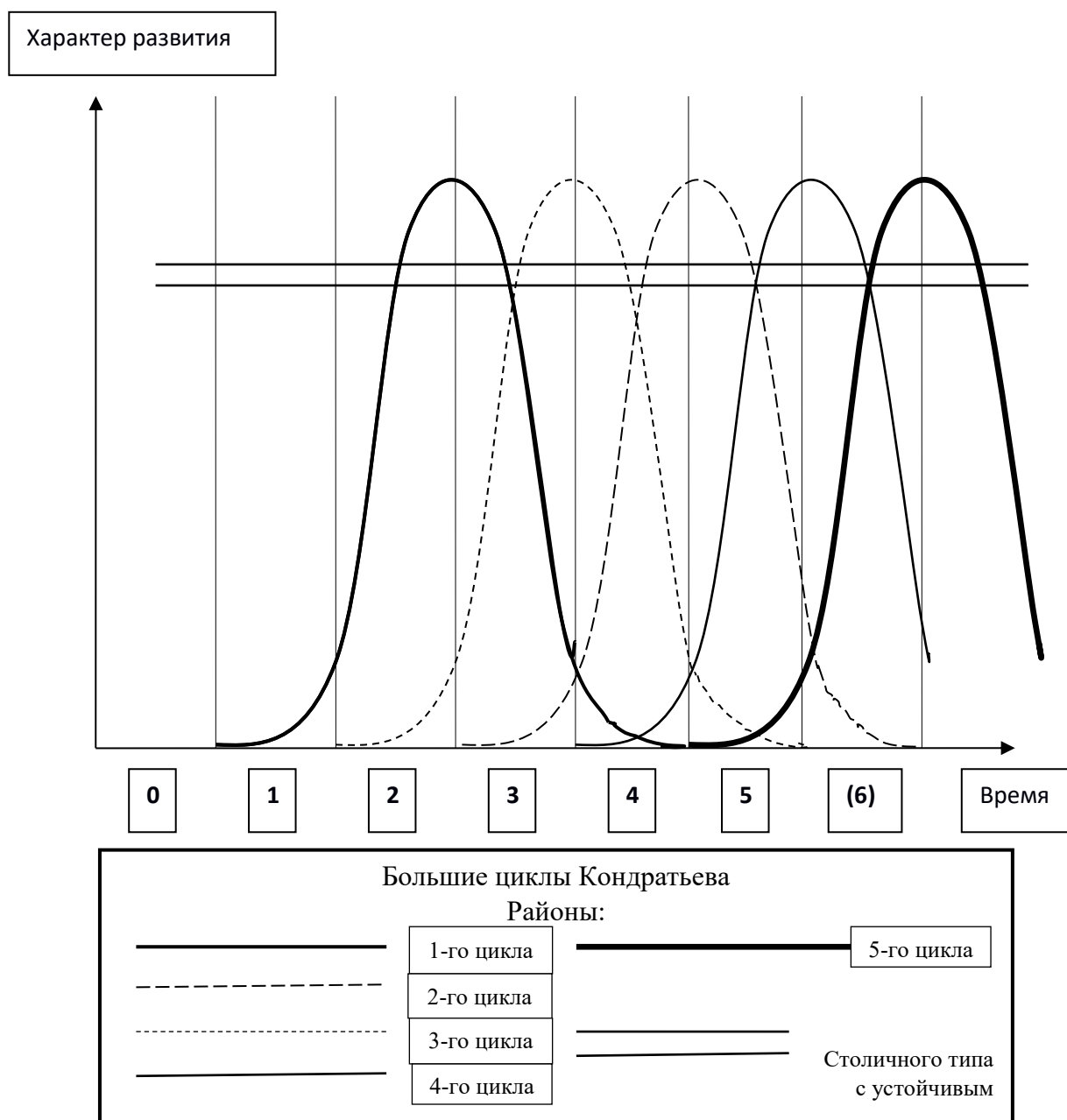
Временные периоды эволюции отдельных компонентов географической среды существенно разнятся: естественный процесс смены почв занимает тысячелетия, существенные изменения рельефа требуют десятков тысяч лет.

Своя хронологическая периодика есть у гидросферы: полная замена подземных льдов, ледников и постоянного снежного покрова происходит за 10 тыс. лет, вод Мирового океана – 2650, подземных вод – 1400 лет, озёр – 17 лет, вода в болотах – 5 лет, речных вод – 19 суток². Географическое время деформируется под воздействием природных, космических, биологических, социальных, экономических ритмов, образуя, циклические структуры (рис. 2.1).

---

¹ Монин А.С., Каменкович В.М., Корт В.Г. Изменчивость Мирового океана. Л., Гидрометеиздат, 1974. 262 с.

² Мировой водный баланс и водные ресурсы Земли / Ред. коллегия: В.И. Корзун (пред.) [и др.]; Л.: Гидрометеиздат, 1974. 637 с.

Рис. 2.1. Динамика районов разного типа в циклах Н.Д. Кондратьева¹

Время в комплексных формах материи диктуется циклами высшего уровня. Вопрос географического времени может быть решен по аналогии с периодизацией геологической истории. Геологическое время дифференцируется на основе этапов эволюции биологических организмов. И это логично. Ведущим комплексобразующим фактором в подобного рода интегративных образованиях выступает высшая, входящая в комплекс основная форма материи. Среда возникновения и развития живого по определению качественно и количественно должна быть синхронизирована с «хозяй-

¹ Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. М., 2002. 120 с.

ном». Аналогично географическое время определяется ритмами социальной жизни, начиная от индивидуальных биосоциальных (физиологических) процессов и заканчивая сменой цивилизаций, культур, общественно-исторических формаций и эпох, которые во многом соответствуют изменениям природно-климатических условий.

Географический цикл – это движение во времени в форме спирали. Наряду с природными в ритмику географической материи «вписываются» общественно-географические циклы – социальные циклы А.Л. Чижевского, экономические циклы Н.Д. Кондратьева, этнические циклы Л.Н. Гумилева, общеэкономические циклы, технологические и энерго-производственные циклы, циклы урбанизации, сельскохозяйственные, лесные, связи и другие¹.

Несколько иную картину экономико-географического времени представляет собой чередование технологических циклов или технологических укладов (рис. 2.2).

Социально-географические циклы, развиваясь по спирали, включают последовательно чередующиеся фазы: «становление» – «подъем» – «расцвет» – «спад» и... вновь «становление»... Совокупность этих фаз образует волну цикла, длина которой и может стать единицей отсчета социально-географического времени.

Рис. 2.2. Последовательность смены технологических укладов (по С.Ю. Глазьеву²)

¹ Пространство циклов: Мир – Россия – регион / Под ред. В.Л. Бабурина, П.А. Чистякова. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.

² Глазьев С.Ю. Выход из кризиса 1 // ВПК № 42 (560) за 12 ноября 2014 года. Электронный ресурс: <http://vpk-news.ru/articles/22623>.

Сочетание фаз подъема или упадка может задать глобальные тренды – роста или кризиса мировой экономики (рис. 2.3).

В географии и истории время и расстояние «переходят» друг в друга. Время может измеряться километрами, а расстояние – часами и сутками (как тут не вспомнить о четырехмерном континууме «пространство-время»). Причем единицы измерения должны оптимально соответствовать задачам исследования и параметрам изучаемых объектов. В общественно-географических науках расстояние (доступность) целесообразно определять чаще даже не в метрах и километрах, а в часах, затратах энергии, стоимостных единицах, поколениях, и даже... цивилизациях¹. Таким образом, выбор конкретного показателя для измерения расстояния зависит от объекта исследования, предмета исследования (представлений об объекте учёного) и задач, стоящих перед исследователем.

Рис. 2.3. Схема порождения глобальных кризисов (по С. Ю. Глазьеву²)

¹ Например, племя яномами (Венесуэла) живет в верховьях Ориноко, в районах южнее поселка Эсмеральда. Это 300 км до современного мира (центра провинции г. Пуэрто-Аякучо) и целых... 5 тысяч лет (племя живет в каменном веке). И насколько «длинные» оказались эти 300 км, если племя было открыто только в 1965 г. В данном случае, наверное, очевидно, какой показатель доступности (например, для взаимопонимания) более важен.

² Глазьев С.Ю. Выход из кризиса 1 // ВПК № 42 (560) за 12 ноября 2014 года. Электронный ресурс: <http://vpk-news.ru/articles/22623>.

Развитие мирового сообщества коренным образом искажает пространство, меняя его параметры. Примером такого рода может служить процесс «имплозии» крупных городов. Большие города значительно ближе друг к другу, чем даже к своим пригородам. Добраться, позвонить, или отправить письмо, а тем более перевести деньги, общаться по линиям мировой информационной сети с глобальными городами (Токио, Москвой, Парижем, Лондоном и др.) значительно проще, чем с пригородной деревней.

Минимальные единицы географического времени, по-видимому, определяются циклами естественного метаболизма. Исходя из этих циклов, формируются жилая, трудовая, рекреационная, бытовая и прочие среды. Далее следуют суточные, недельные, месячные, сезонные, годовые... циклы.

Б.Б. Родоман назвал единицы географического времени хронокомпонентами. В качестве важнейших он выделял географический год, географическая неделя и географические сутки. Они имеют под собой естественно-природные основания и детерминируются жизнедеятельностью конкретного социума – «сельскохозяйственный год», «учебный год», «туристический сезон», «рабочая неделя», «рабочий день» и т.д.¹.

Такая точка зрения согласуется с данными исследований представителей естественной ветви географии. По мнению В.Н. Солнцева именно «Суточные и годовые хроноинтервалы... надо считать особыми рубежами в классификации спектра колебаний географических процессов. ... Суть в том, что все строго периодические (суточные и годовые) процессы всегда оказываются функционально связанными с микросубстратной миграцией...»².

Циркадные (суточные) ритмы играют огромную роль в жизнедеятельности людей (рис. 2.4).

---

¹ Родоман Б.Б. Метагеография. География, районирование, картоиды. Сборник трудов. Смоленск: Ойкумена. 2007. 308 с.

² Солнцев В.Н. Хроноорганизация географических явлений // Геофизика ландшафта / Вопросы географии, сб. 117, 1981. С. 46.

Рис. 2.4. Принципиальная схема циркадных ритмов человека

Смена суточных ритмов, например, в связи со сменой места работы или жительства приводит к сбою функционирования «теневого» биологической подсистемы и качественному преобразованию социума.

В качестве одного из примеров, заведующий отделом генетических основ биотехнологии института В.Н. Даниленко приводит результаты исследования микробиома людей, приехавших на определенный срок в Арктику: «Они попадают туда после прохождения медосмотров абсолютно здоровыми, но оказываются в нестандартных для себя условиях – с иной продолжительностью дня, температурным режимом, солнечной активностью, циркадными ритмами и так далее»¹. Первым на эти «стрессы» реагирует микробиом – нарушением своего состава – первоначально у людей начинается дисбактериоз, потом – когнитивные нарушения, через несколько месяцев диагностируется депрессивное состояние и кардиологические заболевания. Через полгода они уже вынуждены уезжать обратно.

¹ Быкова Н. Путь к мозгу лежит через микробиом // Эксперт №34, 21 августа 2023. Электронный ресурс: <https://expert.ru/expert/2023/34/put-k-mozgu-lezhit-cherez-mikrobiom/>

Одной из актуальнейших задач, стоящих перед современной общественной географией, является эффективное сопряжение природных и общественных ритмов функционирования геосистем. Очевидно, что на каждом уровне иерархии они будут разными.

Тенденции социализации и гуманизации географии склоняют в последнее время чашу весов в пользу изучения временных интервалов в виде смены цивилизаций, культур, технологий..., поколений, годовых, недельных, циркадных, часовых и даже микробиологических ритмов.

Пермская школа общественной географии продолжает плодотворные изыскания в этом мейнстриме, опираясь на идеи, заложенные в трудах Михаила Дмитриевича Шарыгина.

2.2. Гений места – Екатеринбург

О представлении понятия «гений места»

У каждого места, у каждого города своя неповторимая судьба и своя особая память. Этот духовный капитал древние римляне называли «гений места». Представление о гении места (калька с лат. – *genius loci*) – восходящее к античности, в римской религии – дух-покровитель того или иного конкретного места – города, деревни, горы и т.д. Связь человека с местом его обитания – всегда загадочная, таинственная. В современной трактовке – гений места – это конкретное место (*топос*), определенная точка в пространстве, где взаимодействуют магические природные и духовные силы людей, оказывающие в итоге определенное результирующее влияние на жизнедеятельность обитающего здесь человека.

Можно утверждать, что удивительные свойства и качества места имеют как и природные, так и как социальные истоки. Люди отдают часть своей души территории, в частности, городу, наполняя ее своей заботой, придавая ей геостратегическое, геополитическое, геоэкономическое, геосоциальное и иное звучание, определенный смысл. С другой стороны, человек объективно сохраняя физическую зависимость от природы, щедро пользуется необходимыми ему естественными ресурсами, которые придают ему физическую силу. Человек становится пассионарием! Причем их сила и дух могут реализоваться за границами определенного места, локуса.

П.Л. Вайль (1949–2009) талантливый советский и американский журналист и писатель, автор книги «Гений места» и цикла своих ТВ-передач «Genius loci», очень тонко подметил, что: «Связь человека с местом его обитания – загадочна, но очевидна. Ведает ею известный древним genius loci – гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой».

Профессор-историк Л.О. Терновая утверждает, что места силы, где «соединяются явления природы и действия людей» способствуют заряду посещающего их человека жизненной энергией. С другой стороны, люди также отдают часть своей души территории, придавая ей геокультурные, экономические или стратегические смыслы¹.

Поэтому облик города, характер его жителей, вклад их действий в копилку цивилизации во многом определяется атмосферой места, «гением места».

Екатеринбург «гений места» – это удивительная, пассионарная земля, в которой живет энергия, пробивающаяся к небесам. Этот город – одно из самых уникальных мест в стране. Чтобы узнать Россию, как страну, следует посетить именно Екатеринбург, или хотя бы прочитать о нем.

Екатеринбург в качестве гения места

Екатеринбург – город удивительной судьбы! В нем не меньше, чем в Москве и Петербурге, проявилось переплетение различных и многообразных символов, смыслов и эпох истории нашей страны.

Екатеринбург – это чудесное, уникальное место, которое отличает особая энергетика, являющаяся результатом взаимодействия духовных, интеллектуальных, эмоциональных, культурных и иных качеств человека с их материальной, физической средой.

Отцы – основатели города Екатеринбурга – Василий Татищев и Георг Вильгельм де Геннин – после нескольких попыток расположили его в глубине материка Евразия, в центре стыков двух частей света – Европы и Азии, в пределах восточных склонов срединной сглаженной части Уральского

---

¹ Терновая Л.О. Гений места Крима: единство геопоэтики и геополитики. М.: Международный издательский центр «Город XXI век», 2018. 224 с.

хребта с отметками высотой 200-380 м., на водоразделе Европейских и Сибирских рек – Чусовой, Пышмы и Исети, на историческом перекрестке путей многих народов, где осуществлялся контакт славянского населения с тюркскими и финно-угорскими народами и разворачивались знаковые события, которые важны для дальнейшего хода истории Екатеринбурга.

Более того, на Урале, в частности, в Екатеринбург, устремились в XVII в. русские люди, названные раскольниками, но звавшие себя старообрядцами или староверцами – за верность вере отцов и прадедов. Кержацкой столицей края стало людное и богатое село – Шарташское, пригород Екатеринбурга.

Именно р. Исеть стала тем местом, той естественной осью, где было положено начало городу: построены заводская плотина и цеха казенного железоделательного завода, который заработал 7 ноября 1723 г., по новому стилю 18 ноября. Этот день и стал датой рождения города, который назвали Екатеринбургом. Причем с самого начала своеобразие Екатеринбурга определялось тем, что он одновременно строился не только как крупный металлургический завод, но и как сильная крепость, поскольку возводился на окраине обжитой русской земли и как большой город, который сочетал бы организационно-управленческие функции уральскими горными заводами и был бы посредником в торговле между Европейской Россией и Сибирью.

Уральские горы – это шрам от столкновения более 250 млн лет назад двух платформ – Восточно-Европейской и Западно-Сибирской. До сих пор Европа «наезжает» на Азию со скоростью 12 миллиметров в год. Земные пласты под Екатеринбургом размером всего в один-два кв. км. потихоньку раскачиваются и чем дальше, тем сильнее. Это проявляется в сейсмичности, в наличии в городе многих разломов, активных и в наше время. Микроземлетрясения наблюдаются в Екатеринбурге постоянно. По словам ученых, незначительные тектонические сдвиги на территории Екатеринбурга чреваты разве что авариями водопроводных и газовых сетей, а также могут оказывать определенное влияние и на психику человека.

Эти факторы не могли не сказаться на характере социально-экономического развития Екатеринбурга, на зарождении и эволюции разнообразных социальных и политических институтов, этнографических этнокультурных установках населения.

Д.Н. Мамин-Сибиряк писал, что Екатеринбург среди русских городов действительно является «„живым узлом” целой области. Вот в чем, по нашему мнению, заключается характерная особенность физиономии Екатеринбурга как города».

Екатеринбург прошел длинный многовековой путь от однофункционального «города-завода», от столицы «зауральской водки, крупной картежной игры, диких денег и прожигания жизни» до полифункционального административного центра Уральского федерального округа, Свердловской области – субъекта РФ, городского округа муниципального образования «город Екатеринбург», организующего центра Уральского макрорегиона, ядра крупнейшей в стране городской агломерации, важнейшего промышленного, культурного и научного центра, крупнейшего транспортного узла, в котором располагаются штаб Центрального военного округа и 35 территориальных органов федеральной власти. В настоящее время организационно-административные, торгово-распределительные, межселенные и иные связи распространяются на всю территорию «Большого Урала» в радиусе до 1000 км, на которой проживают более 16 млн человек.

Указом Президента РФ от 2 июля 2020 г. городу было присвоено почетное звание «Город трудовой доблести».

Именно благодаря своему «гению места» Екатеринбург более чем полтора вековое соперничество Перми и Екатеринбурга за право называться «столицей Урала» закончилось победой Екатеринбурга. Еще в январе 1918 г. Уральский съезд советов объявил Екатеринбург «центром Урала».

Точку в вековых претензиях на роль столицы Урала поставил 1923 г., когда была образована Уральская область с центром в Екатеринбурге, а остальные такие крупные города, как Пермь, Челябинск, Тюмень заняли подчиненное положение.

Особенности местоположения Екатеринбурга явились основной причиной появления здесь одного мрачного события в жизни не только города, но и всего государства. Это – злодейская гибель в данном месте семьи последнего русского императора Николая II. Как раз удаленность Екатеринбурга от революционного Петрограда, наличие в Екатеринбурге сильной организации большевиков, а также присутствие здесь таких активных орга-

низаторов, как И.М. Малышев, Л.И. Вайнер, Н.Н. Крестинский, Н.Г. Толмачев, П.М. Быков, Ф.И. Голощекин и др. – все это способствовало крайне немилосердному отношению к последнему русскому царю и его семье.

30 апреля 1918 г. спецэшеленом из Тобольска последнего российского императора Николая II и членов его семьи (императрицу Александру Федоровну, Цесаревича Алексея, великую княжну Ольгу, великую княжну Татьяну, великую княжну Марию, великую княжну Анастасию) доставили на ст. Екатеринбург II (ныне Шарташ). Прибывшие члены Уралсовета А. Белобородов, Б. Дидковский, Ф. Голощекин и другие большевистские руководители не скрывали своей радости и удовольствия. Ведь они упорно боролись за то, чтобы, как они говорили «сосредоточить всех Романовых вместе под надежной революционной охраной». Со станции пленников привезли в Ипатьевский дом, последнее их земное убежище.

Екатеринбург стал невольным свидетелем конца многовековой императорской державы, когда ночью, с 16 на 17 июля 1918 г. царская семья была зверски убита в подвале дома купца Ипатьева. Вместе со своим Государем погибли доктор Боткин и трое слуг. Тела членов августейшей семьи были увезены на грузовике в глухой рудник в урочище Четырех братьев, сброшены в старую шахту (Ганина Яма) и сожжены.

В 2000 г. Русская православная церковь причислила последнего русского императора и его семью в Святым Царственным страстотерпцам. На окраине Екатеринбурга, у Ганиной Ямы в 2000 г. появился храмовый комплекс святых Царственных страстотерпцев, ставший известным на весь мир.

Только в Екатеринбурге можно увидеть воочию противостояние двух миров: напротив Храма на Крови, построенного на месте дома Ипатьевых, стоит величественный монумент, посвященный уральским комсомольцам, а Царская улица в центре Екатеринбурга проходит параллельно Пролетарской.

Может ли Екатеринбург, город противоречивой судьбы, независимого характера, претендовать на роль «третьей столицы» страны?

Прежде всего следует ответить на вопрос: существуют ли специфические природно-географические, геополитические и иные особенности места, которые способствовали бы претендовать на роль «третьей столицы»?

Иными словами, способствует ли «гений места» формированию Екатеринбурга в качестве «третьей столицы» государства российского.

К сожалению, насколько известно автору данной работы, в специальной литературе по урбанистике и политологии *столичность* как категория еще не вполне отрефлекторирована. Между тем, Казань стала «третьей столицей» в России всего за 40 тыс. руб. – столько стоила регистрация товарного знака в Роспатенте. Казань заодно прихватила себе титул спортивной столицы.

Екатеринбург придумал себе название «Окно в Азию», а также приобрел красивый поэтический образ «хрустальное сердце Урала».

В начале 1990-х годов Екатеринбург серьезно претендовал на звание криминальной столицы России. На всю страну прогремели преступные группировки – «центровые», «синие» и особенно ОПС «Уралмаш». В настоящее время подавляющее большинство «героев» того времени можно лицезреть в виде монументов на кладбищах города.

В свое время он носил уникальный официальный статус – «Горный город». Екатеринбург задумывается о лаврах столицы торговли – это третий город в РФ по товарообороту.

Как и в любой столице, в городе стали органично развиваться все направления человеческой деятельности, опирающиеся в первую очередь на огромный научный, культурный и производственный потенциал.

Екатеринбург – один из 15 городов-миллионников России. Миллионный житель города родился 21 января 1967 г. Екатеринбург – один из немногих городов-миллионников, чья численность имеет положительную динамику на протяжении двухтысячных годов (на начало 2000 г. – 1310,6 тыс. чел., 2010 г. – 1383,4 тыс. чел., 01.01.2021 г. – 1527,5 тыс. чел.) и занимает по этому показателю четвертое место среди российских городов.

Основными факторами роста численности населения Екатеринбурга являлись с 2004–2020 гг. положительные сальдо миграции и наблюдаемые с 2009–2019 гг. позитивной динамики репродуктивных показателей (превышение числа родившихся над умершими). Процесс «старения» населения оказывает существенное влияние на рынок труда и занятость населения. Сложившаяся демографическая ситуация в Екатеринбурге обеспечивает привлекательность города для проживания населения и реализации перспективных инвестиционных проектов и программ.

Екатеринбург формирует городскую агломерацию – с населением на 01.01.2021 г. 2331,1 тыс. чел. – четвертую по величине агломерацию России (после Московской, Санкт-Петербургской и Самарско-Тольяттинской). Екатеринбург выступает ядром агломерации, так как в нем сконцентрированы около 60 % ее населения и подавляющая часть научного, образовательного и культурного потенциала. В составе агломерации с ареалом до 60 км от центра города входят 10 городов, в том числе города-спутники с населением на 01.01.2020 г. (тыс. чел.): Верхняя Пышма – 72,7, Берёзовский – 59,0, Среднеуральск – 23,7 и Арамилы – 15,4, а также несколько значительных населенных пунктов, образующих второй пояс агломерации в ее юго-западной части: Первоуральск – 120,8, Ревда – 61,5 и Полевской – 61,0. На оси Екатеринбург – Челябинск, вдоль склонов Уральских гор, в настоящее время формируется крупнейший в стране мегалополис. Существует проект под названием «Большой Екатеринбург», который предполагает присоединение к Екатеринбургу четырех городов-спутников (Арамилы, Берёзовский, Верхняя Пышма, Среднеуральск).

Представление о Свердловске–Екатеринбурге связывается в первую очередь с формированием и развитием здесь в течение многих десятилетий мощной горнозаводской и военной промышленности, тяжелой индустрии, которые обслуживали общегосударственные нужды и потребности.

За три столетия в пространстве Екатеринбурга сложилась собственная своеобразная индустриальная матрица, на которой формируется, развивается и воспроизводится местное сообщество, базируется его жизненное устройство, формируется яркая и своеобразная городская культурная матрица.

В культурной матрице как оригинальной форме организации культурной деятельности горожан ядром сделался именно индустриализм. Он стал самодавлеющим принципом организации не только производственной сферы, но формировал ценностные отношения горожан, выстраивал личностные модели поведения. Горожане на работу и с работы шли по зову заводского гудка, развлекались, танцевали и пели в заводском Доме культуры, детей определяли в заводской детский сад или пионерский лагерь, завтракали и обедали в заводской столовой, покупали лекарства в заводской аптеке, лечились в заводской больнице и т.п.

Какие культурные ценности, традиции и правила повседневной жизни сформировали особенный уральский генотип горожан? Мы выделяем следующие основные доминанты (ячейки) в Уральской производственно-культурной городской матрице.

1. Трудовая этика, отношение к работе. Успешный, ударный труд на производстве рассматривается как главное условие жизненных достижений. Успехи на работе, являлись не только основным источником материального благополучия семьи, но и самоуважения.

2. Высокий образовательный уровень горожан, именно промышленность, и в первую очередь оборонная, требует технических специалистов высокой квалификации разного профиля, рабочих как минимум со средним специальным образованием.

3. Строгие этические нормы и духовно-нравственные качества, среди которых – дисциплинированность, служение долгу, сопричастность к общественным процессам.

В 2000-е годы в сильно ослабленную индустриальную матрицу города стали встраиваться элементы постиндустриализма, и в первую очередь сферы услуг.

2.3. Территориальные общественные системы в свете пространственной парадигмы

Расширение предмета исследования общественной географии, её методологии и инструментария продолжается в нескольких направлениях. Особая роль в «продвижении» общественной географии отводится М.Д. Шарыгину – «генератору» географических идей по изучению территориальных общественных систем, пространственной парадигмы и общественного районирования.

В конце прошлого и начале нынешнего столетия географы сконцентрировались на изучении форм организации общества, преимущественно на территориальных социально-экономических системах, территориальных общественных системах. Вместе с тем формирование глобальных связей и систем (политической, экономической, социальной и т.д.) требует пересмотра устоявшихся понятий, перехода от территориального к

пространственному развитию общества. В связи с этим считаем необходимым соотнести понятия «географическое пространство», «территория» и «территориальная общественная система».

Первые наиболее системные представления о географическом пространстве появились благодаря трудам К. Риттера¹ и А. Геттнера². Поскольку понятие о географическом пространстве было не полным, задача учёных ограничивалась рассмотрением собственно пространства, без особого внимания к его динамике, то есть связи со временем.

А.Г. Топчиев и В.Н. Андерсон³ под географическим пространством понимают либо само пространство географических объектов, либо порядок взаиморасположения целостных географических образований и их элементов; они выделяют типы территориальных структур.

Д. Флиднер⁴ предлагал геопространство рассматривать как «контейнер», в котором находятся разнообразные объекты и люди. Это представление основывается на концепции абсолютного трехмерного пространства с физическими законами устройства. Если геопространство рассматривается как порядок (упорядочивание), то пространство приобретает свойства структуры, которое состоит из определенных элементов, имеет свои размеры, динамику и кинетику. Обычно оно устроено по принципу «центр-периферия».

География отличается тем, что изучает процессы, связанные с изменениями среды, пространства и места. Земное пространство представляет систему самых разнообразных субстанций, процессы в которых происходят непрерывно и в данный момент времени отображают изменение и последовательность событий. Переkreщивающиеся взаимосвязи вещей и событий разного происхождения на поверхности Земли образуют системы функционально связанных элементов. Земля выступает как огромная система «человек – окружающая среда». Известны три основных свойства как систем в целом, так и пространственной системы: структура, функционирование и эволюция.

---

¹ Риттер К. Магазин земледения и путешествий. М., 1953. 598 с.

² Геттнер А. География, ее история, сущность и методы / Альфред Геттнер ; Пер. с нем. Е.А. Торнеус; Под ред. Н. Баранского. Ленинград; Москва: Гос. изд-во, 1930 (М.: тип. "Красный пролетарий"). 416 с.

³ Топчиев А.Г. , Андерсон В.Н. Изучение географических структур и текстур. Одесса, 1987. 210с.

⁴ Flidner D. Raum, Leit und Umwelt eine theoretische Betrachtung aus anthropogeographischer sicht / D.Flidner // Geogr. 1987. Bd. 75. № 2. P. 72–85.

Представители пермской географической школы не обошли данное направление вниманием. М.Д. Шарыгиным предложен принципиально иной, комплексно-интегративный подход к пониманию сущности географического пространства-времени¹, что позволяет говорить не просто о пространственной и временной, а о пространственно-временной структуре – субстрате географических событий. В географическом пространстве выражается совокупность отношений координации и протяженности сосуществующих разнородных географических состояний и отношений слагающих их компонентов, а в географическом времени – совокупностью отношений координации, длительности сменяющих друг друга разнородных состояний отношений слагающих их компонентов.

А.М. Трофимов и М.Д. Шарыгин под географическим пространством понимают совокупность физических отношений между географическими объектами или их формальными аналогами – географическими системами. Наложение, взаимодействие и пересечение на разных пространственных уровнях географических систем и образуют географическое пространство².

Разновидностью геосистемы может выступать территориально-общественная система. В качестве её главных компонентов выступает территориальная общность людей (ТОЛ) – социум и его окружение. По мнению А.И. Зырянова, эти две составляющие находятся в тесной взаимосвязи, воздействуют друг на друга, образуя силовые потоки – географические поля³. В тоже время каждая ТОС или её компонент обладает собственным физическим, индивидуальным пространством и ареалом его ближайшего воздействия.

ТОС – пространственно-временная форма организации общества, в которой взаимосвязанно и взаимообусловленно сочетаются все формы жизни людей, все процессы общественного развития и воспроизводства.

---

¹ Шарыгин М.Д. Современные проблемы пространственно-временной организации общества//Пространственная организация Пермского края и сопредельных территорий. Пермь. 2008. С. 41–4; Шарыгин М.Д., Чупина Л.Б. Подходы к изучению географического пространства-времени и проблемы, связанные с ними //Географический вестник. 2010. №1 (2). С. 80–90.

² Трофимов А.М., М.Д. Шарыгин. Общая география. Пермь, 2007. 465 с.

³ Зырянов А.И. Регион: пространственные отношения природы и общества: Монография. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2006. 372 с.

В ТОС выделяют материальную и духовную сферы жизнедеятельности людей, функциональные блоки и инфраструктурное обеспечение.

Сложность строения этих систем в целом обуславливает их «много-пространственность». Частные виды пространства существуют только в единстве, взаимодействии, и образуют в едином пространстве некие перекрытия (теневые системы), вызывающие концентрацию/деконцентрацию вещества и энергии, динамизм и стагнацию, расширение и сжатие, соответствующие скорости развития различных участков пространства. Несмотря на всеобщее время жизни системы, каждый вид пространства будет подчиняться своему «частному» времени, проживать свою «собственную жизнь».

Среди множества пространств наиболее интегральным является географическое, обладающее континуально-дискретными свойствами, которые позволяют видеть единство всех ТОС и учитывать индивидуальность каждой из них. Специфика ТОС состоит в том, что их границы – это не территориальные рубежи, ТОС имеют пространственное трехмерное измерение.

Применительно к ТОС по мнению М.Д. Шарыгина ¹ пространство-время следует рассматривать в двух проекциях: природной и общественной.

Природно-географическое пространство имеет более давнюю историю формирования, процессы, а которые протекают в природе имеют более длинные циклы по сравнению с общественными. Природное пространство формирует среду жизни людей, одновременно выступая ресурсной базой общественного развития, может обогащаться элементами общественного происхождения, а может и деградировать. Наиболее исследованной частью природного пространства является территория. По мнению В.А. Анучина, именно природное пространство длительное время выступало главным фактором развития природно-общественной системы².

С позиции географического детерминизма (особенно на аграрной и индустриальной стадии развития общества) наличие и размещение

---

¹ Субботина Т.В., Шарыгин М.Д. Территориальные социально-эколого-экономические системы: монография. Перм. гос. ун-т. Пермь, 2011. 268 с.

² Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. М., 1983. 334 с.

природных объектов, ландшафтов, биогеоценозов определяли «рисунки экономической жизни общества». В настоящее время переход к инновационному развитию позволяет по-новому посмотреть на природное пространство. С одной стороны, сокращая ресурсоемкость производства, увеличивая концентрацию жизни, человечество может обходиться меньшей частью пространства. Однако, с другой стороны, увеличивая антропогенную нагрузку, человек несет угрозу своему существованию: нарушается адаптация к изменяющейся природной среде, увеличивается заболеваемость и сокращается продолжительность жизни, следовательно, и время существования самих ГОС. В настоящее время имеет смысл говорить не о чисто природном пространстве, а о природно-экологическом.

Общественно-географическое пространство. Общественная составляющая географического пространства имеет относительно недавнюю (по космическим меркам) историю формирования и развития. Однако в структуре географического пространства можно выделить и несколько частных пространств, связанных с развитием общества.

Экономическое пространство представлено объектами хозяйственной деятельности (элементами техносферы, приспособлениями для изъятия природных благ). Хозяйственная деятельность – не самоцель и способ извлечения личной выгоды, а лишь способ выживания, удовлетворения базовых потребностей человека, поэтому ее развитие жизненно необходимо. Экономическое пространство отличается динамизмом. В этом контексте важен вклад П.Я. Бакланова в раскрытии пространственного положения промышленных объектов¹. Для характеристики пространственной структуры он предложил выделить линейно-узловые системы. В качестве узловых элементов выступают отдельные территориально компактные предприятия, совмещающие в себе функции производства и транспорта; в качестве линейных элементов он интегрирует элементарные системы в более сложные – линейно-узловые системы производства.

---

¹ Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении / П.Я. Бакланов; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т географии. М., 2007. 239 с.

Социальное пространство – место размещения социума и поэтому его трудно отделить от духовного, информационного, политического и др.

Социальное пространство представляет собой новое качественное образование, в котором материально-вещественные формы проявления социальной формы материи (капитал и власть) могут быть оценены объективными показателями с позиции инфраструктуры, науки, информатики, религии, политики, то в случае с социально-стратификационными компонентами требуется создание многомерной системы показателей. Пребывание человека в том или ином социальном пространстве означает попадание его в силовое поле (гетто, центр, элитный район), навязывающее ему определенные виды активности, стереотипы поведения и мышления.

На стыке природного и общественно-географических пространств формируется **интегральное общественно-экологическое (жизненное) пространство**¹, единство которого обеспечивается передвижением людей и товаров, потоками энергии, информации, идей и нововведений. Движение потоков осуществляется за счет разницы потенциалов социально-экологических полей. Они образуются в процессе территориальной концентрации населения, производительных сил, развития инфраструктуры, общественных отношений. Локализация населения в населенных пунктах приводит к аккумулярованию социомассы, информации и энергии, в результате чего населенные пункты превращаются в ядра (ядра социально-географического поля), вокруг которых формируется тяготеющая к ним периферия. Причем, чем больше численность населенного пункта, тем большую периферийную территорию он может притянуть. Поля взаимодействуют между собой, формируя материальные, духовные, политические, коммуникационные взаимосвязи: образуются интенсивные энерго-вещественные потоки, пронизывающие как социально-географическое, так и геологическое, космическое пространства.

Основой этого пространства должен выступать опорный каркас территории (ОКТ)². Для пространственной системы разного иерархиче-

---

¹ Субботина Т.В., Шарыгин М.Д. Территориальные социально-эколого-экономические системы: монография. Перм. гос. ун-т. Пермь, 2011. 268 с.

² Баранский Н.Н. Становление советской экономической географии: избр. тр. М., 1980. 240 с.; Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия геогр. 1983. № 5. С. 16–28.

ского уровня должен соответствовать свой каркас. По мнению М.Д. Шарыгина ОКР региональных центров и городских агломераций имеют внешние выходы в виде магистралей и полимагистралей, и консолидируют всю социально-экономическую деятельность населения регионов и межрегиональных территорий. Количество, плотность и разнообразие его элементов будет зависеть от устойчивости природной составляющей (рубежей контрастности, разветвленной речной системы, разнообразия растительного и животного мира и уровня освоенности территории). Элементами общественного пространства выступают объекты хозяйственной и сервисной деятельности¹.

Из всех характеристик пространственной организации территориальных общественных систем в настоящее время наиболее изучены *структурные компоненты*. Именно их анализ стоит в центре внимания таких представителей пространственного анализа, как В. Кристаллер², А. Лёш³, В. Бунге⁴, П. Хаггет⁵ и др. Модели этих авторов в значительной степени механистичны, так как они опираются на поиск абсолютных закономерностей в «идеальных» пространственных структурах без учёта многомерности и мозаичности пространства. Эти свойства позволяют учесть единство всех ТОС в сочетании с индивидуальностью каждой из них. Отсюда вытекают функции границ, проявляющихся в трех направлениях: барьерном, контактном и транзитном. Специфика ТОС состоит в том, что их границы не ограничиваются территориальными рубежами, а имеют пространственное трехмерное измерение. Сложность определения границ ТОС обуславливается определением индивидуального географического пространства отдельных систем, которое помимо трехмерности является многослойным.

Главными свойствами структуры в данном случае являются упорядоченность, организация и устойчивость. Обычно ТОС приписывают

---

¹ Шарыгин М.Д., Назаров Н.Н., Субботина Т.В. Опорный каркас устойчивого развития региона (теоретический аспект) // Географический вестник. Пермь, 2005, № 1–2. С.15–22.

² Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland / W. Christaller. Jena, 1933.

³ Лёш А. Географическое размещение хозяйства. Пер. с нем. М., 1959. 455 с.

⁴ Бунге В. Теоретическая география. Пер. с англ. М., 1967. 279 с.

⁵ Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии. М., 1968. 390 с.

наличие территориальных, иерархических, поэлементных, покомпонентных, стратиграфических, региональных, отраслевых и других структур. Их можно рассматривать как результат упорядочения многообразия сложноорганизованных систем.

Функциональный аспект пространства предполагает выявление взаимосвязей и взаимозависимостей между составляющими ТОС, пространственную организацию энерговещественных, энергопроизводственных, инновационно-информационных и других циклов. Географическое пространство функционирует и развивается на основе диалектики взаимодействия двуединых его частей – общественной и природной, человека и его окружения. В то же время между ними существует противоречие, которое может быть разрешено только на основе коллективного Разума при всестороннем использовании мировой науки и культуры, способствующем оптимизации пространственной организации всей общественной жизни.

Функционирование географических объектов в пространстве описывается позиционным принципом Б.Б. Родомана. Уровень социально-экономического развития районов во многом определяется их положением относительно центров роста производства, науки, культуры и т.д. Еще одно видение пространственной организации ландшафта представлено учением о «поляризованном ландшафте», которое основывается на районировании и зонировании территории. На территории наблюдается появление элементов, «в том или ином смысле противоположных, но в какой-то степени сравнимых и равноценных по качеству, местоположению и функциям: водоёмы и суша, хребты и тальвеги, вершины и впадины, истоки и устья рек, ядра и периферия узлового района, городская среда и естественный природный ландшафт и т.д. В первую очередь, заслуживают называться *полярными* такие элементы, которые не только противоположны по качеству, но, кроме того, сравнимы и равноценны по величине, значению и размещению в пространстве»¹.

---

¹ Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. Смоленск, 2002. 336 с.

Между естественными и искусственными «полюсами» географической среды в *универсальном* поляризованном ландшафте существует несколько функциональных зон, например, природные заповедники, природные парки для многодневного отдыха и туризма, лесные и охотничьи хозяйства, сельскохозяйственные территории, городские поселения, предприятия обрабатывающей промышленности и пр. Функциональная модель ГОС в условиях постиндустриализации, следовательно, и деконцентрации общественной жизни может быть пересмотрена в направлении повышения статуса и общественной значимости периферийных зон «поляризованного ландшафта».

Морфологический аспект пространства предполагает «игру» с пространством – его масштабирование, районирование, таксонирование и зонирование, то есть определение границ и рисунка элементов природной и общественной составляющих пространства, создание его опорного и экологического каркаса.

В настоящее время намечаются тенденции перехода трудового (индустриального) к информационному (постиндустриальному) обществу. Это предусматривает изменение пространственной организации хозяйства, иные формы размещения и экономики, и социума.

В информационную эпоху происходит существенная трансформация функций центральных мест, выходит на первый план их ведущая роль как источника информации и знаний, возникают новые формы пространственной концентрации и деконцентрации общественной жизни. Бурное развитие информационных и компьютерных технологий, возникновение комбинированных социально-производственных ячеек типа «электронных коттеджей», оснащенных телекоммуникационным оборудованием и вполне приспособленных для эффективной профессиональной деятельности на дому, – всё это не только сокращает вынужденную пространственную мобильность людей, но и стимулирует мобильность социальную. В связи с этим возникает необходимость новых форм пространственной организации ГОС.

М.Д. Шарыгин отмечает, что для рациональной организации ТОС кроме функционального соответствия (естественной природной предрасположенности ландшафтов к тому или иному использованию) необходимо реализовать преимущества географического положения и удобной связи с очагами сосредоточения людей.

В отличие от пространства, которое в физическом измерении трехмерно и допускает возврат в любую точку, *время* одномерно и необратимо. В реальном мире невозможно перемещение вдоль вектора времени ни в прошлое, ни в будущее. Отсюда вытекает важное свойство времени – оно устанавливает рамки для причинно-следственных связей. Однако в информационном (ментальном) мире возможны неограниченные и мгновенные «перемещения» как во времени, так и в пространстве, что резко расширяет его инновационные процессы.

В территориальных системах время находится в определенном соотношении с пространством. Данное отношение позволяет определить интенсивные и экстенсивные фазы в динамике территориальных систем. Интенсивной является фаза нарастания плотности, сложности, разнообразия явлений и информации во времени при относительно стабильных пространственных параметрах системы. Пространственный рост системы обычно свидетельствует о фазе её экстенсивного развития. Для развития ТОС характерен циклический характер¹.

Каждый структурный блок ТОС (геологический, биологический, экономический, энергопроизводственный, технологический, этнический, инновационный геополитический и электоральный, демографический, урбанистический, социальный) имеет свой цикл по длительности. Их несоответствие приводит к дисонированию развития ТОС в целом.

Теоретические наработки географов, в том числе М.Д. Шарыгина позволяют оптимизировать общественное развитие. Используя системный и пространственный подходы при рассмотрении общественного развития, становится возможным выявить его проблемы и наметить пути их решения. Для оптимизации форм пространственно-временной организации ТОС необходимо учитывать её специфику:

---

¹ Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. М., 2002. 209 с.

- территориальная дискретизация общества (неоднородность географического пространства), его концентрация и деконцентрация;
- территориальное разделение и интеграция труда, услуг, информации;
- территориальная интеграция общественной жизни и адаптация всех сфер человеческого бытия;
- территориальная иерархизация общества – образование таксонов;
- динамическое равновесие ТОС и окружающей среды;
- стадийно-цикловое развитие ТОС;
- перспективность и поступательность развития.

Концепции ТОС позволяют скоординировать и интегрировать разные формы пространственно-временной организации общества:

- иерархическая структурированная сетка социально-экологического или общественного районирования;
- форма в административно-территориальном делении, закреплённая нормативно-правовыми актами;
- иерархически организованная структура территориального управления – по федеральным, управленческим округам;
- сетевая форма организации расселения, хозяйства и сервиса.

На основании выше освещённых теоретико-методологических вопросов территориальной организации жизнедеятельности населения Пермского края идеи М.Д. Шарыгина были учтены при проведении социально-экологического (общественного) районирования¹ (рис. 2.5).

---

¹ Субботина Т.В. Направления оптимизации пространственного развития региона // Географический вестник. 2010, № 1. С. 5–13.

Рис. 2.5. Социально-экологическое районирование Пермского края

Выделенные районы или частные территориальные общественные подсистемы оправдывают себя на практике. Так в крае идет процесс интеграции муниципальных (территориальных) образований (Коми-Пермяцкий и Губахинский округа).

В процессе формирования данных социально-экологических образований при условии обеспечения территориального управления и регулирования общественной жизни в соответствии с природными предпосылками возможна оптимальная организация структурных блоков социально-экологического (общественного) пространства.

Таким образом, идеи М.Д. Шарыгина обогатили общественную географию в методологическом и практическом плане. В дальнейшем его наследие будет преумножаться его учениками, коллегами и соотечественниками.

2.4. В развитие идеи социально-экономического микрорайонирования

История знакомства

Михаил Дмитриевич Шарыгин – мой научный руководитель, Учитель, с которым наши научные интересы пересеклись в проблеме районирования. Не помешало нашему знакомству, дальнейшему сотрудничеству и общению по жизни большое расстояние.

Михаил Дмитриевич уже был «маститым ученым» и творил в Перми, когда я только вступила на свою научную стезю в Воронеже: сначала инженером отдела территориальных исследований Научно-исследовательского экономического института (НИЭИ) при Воронежском государственном университете, а затем старшим научным сотрудником научного сектора Воронежского государственного педагогического института (сейчас педагогического университета). Можно сказать, что соединило Пермь и Воронеж *социально-экономическое микрорайонирование*. Это был своеобразный «научный мост» между воронежской школой экономико-географов, занимавшихся активно с 60-х гг. XX в. вопросами внутриобластного районирования (Г.Т. Гришин, И. Коржов и их ученики – В.В. Подколзин, В.Е. Кирьянчук, В.К. Ковылов, М.В. Гончаров, Т.М. Худякова) и пермской школой экономико-географов, под руководством М.Д. Шарыгина.

В 1970-е гг. начался новый этап работ по внутриобластному районированию Воронежской области. Остро востребованным стало интегральное экономическое районирование для целей оптимизации расселения населения, что потребовало разработки предложений по совершенствованию региональной организации всех сфер жизнедеятельности населения. Именно в этой работе автор данной статьи принимала непосредственное участие после окончания Воронежского госуниверситета. Научный интерес к районированию был заложен на лекциях пятого курса, которые нам читал Владлен Михайлович Жмыхов, ученик Н.Н. Баранского и Ю.Г. Саушкина. Поэтому неслучаен был выбор будущей темы диссертационного исследования

и научного руководителя: в 1987 г. я поступила в аспирантуру к М.Д. Шарыгину. Так, по меткому выражению Евгения Георгиевича Анимицы, началось формирование «воронежско-уральского географа».

Социально-экономическое районирование и современность

Районирование было и остается главным стержнем нашей науки, методом диалектического, комплексного познания и территориального обобщения географического пространства. Углубление теории экономического районирования, место районирования в трудах экономико-географов, современное состояние и направление его развития глубоко раскрыты в статьях П.Я. Бакланова и В.Е. Шувалова¹.

Исследование Территориальных социально-экономических систем (ТСЭС) и Территориальных общественных систем (ТОС) разного таксономического уровня региона опирается на иерархическую структуру методологии, что дает возможность выработки методики и методов познания объекта.

Целенаправленность региональных социально-экономических исследований зависит от системы используемых ведущих принципов: системности, структурности, регионализма, историзма, территориальности, социальных приоритетов, экологизма, воспроизводства, перспективности.

Принцип регионализма предполагает широкое использование методов социально-экономического районирования, являющегося неотъемлемой частью оптимизации территориальной организации общества и конструктивным инструментом объективного выявления и выделения районов разного иерархического уровня.

Социально-экономическое районирование – базис для совершенствования административно-территориального устройства субъектов РФ, действенный механизм оптимизации территориальной структуры региона. Социально-экономический район – операционная единица территориального прогнозирования, программирования, планирования и управления².

---

¹ Бакланов П.Я. К теории экономического районирования («теорема» об экономическом районировании // Региональные исследования. 2016. № 4. С. 4–9; Шувалов В.Е. Районирование в трудах экономико-географов // Социально-экономическая география в России / под ред. П.Я. Бакланова и В.Е. Шувалова. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 103–116; Шувалов В.Е. Районирование в российской социально-экономической географии: современное состояние и направления развития // Региональные исследования. 2015. №3. С. 19–29.

² Пономарева З.В. Социально-экономическое микрорайонирование Воронежской области // автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. Пермь, 1996. 24 с.

Несмотря на то, что социально-экономическое районирование основывается на конструктивной теории, методологии и практике экономического районирования, оно отличается более широким охватом различных сфер жизни общества, повышенной интегративностью и находится в стадии формирования. Ведущую роль в разработке теории и практики экономического районирования принадлежит отечественным ученым: И.Г. Александрову, Г.М. Кржижановскому, Н.Н. Баранскому, Н.Н. Колосовскому, В.М. Четыркину, Ю.Г. Саушкину, Н.Т. Агафонову, Э.Б. Алаеву, П.М. Алампиеву, И.И. Белоусову, Т.М. Калашниковой, А.М. Колотиевскому, Е.Е. Лейзеровичу, С.Я. Ныммик, А.И. Чистобаеву, М.Д. Шарыгину и др.

В то же время ещё недостаточно изучены теоретико-методологические основы, не выработана система принципов и методов социально-экономического районирования. Принципиальная позиция и уверенность автора о том, что социально-экономическое районирование необходимо, важно и является обязательным для современных географов при изучении территории, подтверждают слова П.Я. Бакланова: «Теория социально-экономического районирования, видимо, будет трансформироваться в теорию иерархической структуризации социально-экономического пространства и составит новый важнейший этап в развитии российской социально-экономической географии»¹.

Исходя из многолетнего практического опыта работы по социально-экономическому (внутриобластному) микрорайонированию, региональной организации общества, территориальной организации местного самоуправления Воронежской области, разделяю вывод Б.Б. Родомана о «нужности» районирования в социально-экономической географии: «Разнообразное районирование по-прежнему желательно для гибкой региональной политики и текущего управления»².

По прошествии нескольких десятилетий, вспоминаются прогрессивные мысли М.Д. Шарыгина о совершенствовании региональной организации общества с помощью методики социально-экономического микрорайонирования. Ещё задолго до появления федерального законодательства о

---

¹ Бакланов П.Я. О содержании и «смыслах» социально-экономического районирования // Географический вестник. 2018. №3 (46). С. 24–30.

² Родоман Б.Б. Культурный ландшафт и судьба России. Москва: ДиректМедиа, 2023. 488 с.

принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации он писал о необходимости проведения таких работ экономико-географами. Опираясь на объективный подход такие работы позволили бы оптимизировать территориальное управление, обосновать рекомендации и предложения для разработки адресной региональной политики.

Проведенный анализ тем диссертационных исследований в современной отечественной науке не показал активность и большую заинтересованность экономико-географов в этом трудоемком и ответственном направлении. Среди множества исследований с использованием отраслевого районирования мне встретилась только одна работа по интегральному социально-экономическому районированию Ю.П. Ковалева «Социально-экономическое районирование Смоленской области»¹.

Молодым географам-обществоведам хотелось бы пожелать усилить акцент на *комплексных* региональных исследованиях социально-экономического пространства, обратить внимание на конструктивное место общественной географии в решении сложнейших проблем территориального планирования и управления современной России. Особое звучание эти вопросы приобретают в условиях беспрецедентного геополитического влияния на экономику страны и ее регионов, обострения социальных проблем, ухудшении демографической ситуации.

О методике социально-экономического микрорайонирования

По мнению М.Д. Шарыгина², наиболее действенным подвидом является социально-экономическое микрорайонирование, проводимое «сверху» и «снизу». При микрорайонировании «сверху» происходит процесс территориальной структуризации мезорайонной социально-экономической системы, вычленение таксонов одного иерархического уровня на основе анализа хозяйственных, трудовых, культурно-бытовых и других связей, затем процесс продолжается до первичных таксономических единиц микрорайонирования.

---

¹ Ковалев Ю.П. Социально-экономическое районирование Смоленской области: диссертация ... кандидата географических наук. Москва, 1996. 209 с.

² Шарыгин М.Д. Социально-экономическое микрорайонирование: Учебное пособие по спецкурсу. Пермский ун-т. Пермь, 1990. 76 с.

Микрорайонирование «снизу» начинается с поселения. Выявляется циклическая деятельность населения, определяются ареалы его распространения. На основе ареалов определяются территориальные сочетания поселений; исследуются социальные, духовные, семейные связи и по мере дополнения связей и отношений в процесс вовлекаются новые территории.

При микрорайонировании используется целая система методов. На этапе дифференциации территории широко используются картографический, меры членения территории, распознавания образов, коэффициенты территориальной концентрации и локализации. При выделении ядер тяготения можно использовать формулу Кларка, теорию графов и др. При определении степени тяготения периферии к ядрам используются, в частности, метод потенциалов поля тяготения, а также методы цепных реакций. При проверке объективности выделенных границ наиболее применимо наложение сеток, полученных при разных подходах районирования.

В методике социально-экономического микрорайонирования, проводимого «сверху» и «снизу» выделяются следующие этапы:

<i>Микрорайонирование «сверху»</i>	<i>Микрорайонирование «снизу»</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. Социально-экономическая дифференциация территории по функциональным признакам 2. Выявление ядер социально-экономического тяготения 3. Определение целостности таксонов, отчленение связей внутренних от внешних 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Определение территориальных «ареалов» человеческой деятельности в конкретных поселениях 2. Выделение ядер социально-экономического тяготения 3. Определение степени тяготения периферии к ядрам, выявление интеграционных процессов человеческого бытия
<ol style="list-style-type: none"> 4. Проверка границ микрорайонов 5. Проверка объективности выявленных границ 6. Исследование структуры, функции и процессов социально-экономического развития микрорайонов 	

Наряду с традиционными методами районирования нами широко использовались методы (процедуры) автоматического районирования, связанные с необходимостью обработки огромных объемов информации и минимизации субъективизма при районировании, повышением требований к точности и детальности крупномасштабных исследований.

В количественных методах чаще всего нами применяется подход районирования «снизу вверх», то есть от анализа первичных операционно-территориальных единиц (ОТЕ) к синтезу дробных и генеральных районов. В связи с тем, что принятие конкретных хозяйственных решений требует более глубокого знания обстановки и местных условий, которые возможно получить индуктивным путем и полевыми (экспедиционными) исследованиями, повышается значимость использования количественных методов районирования «снизу вверх» как наиболее эффективного инструмента.

Процесс автоматического районирования производится поэтапно. Основными этапами являются следующие:

- подготовка и первичная обработка исходных данных;
- выбор и вычисление меры сходства между объектами;
- выбор критерия оптимальности и оценки качества районирования;
- процедура районирования;
- анализ интерпретации результатов¹.

В основу алгоритмов районирования могут быть положены следующие методы: математической статистики (вероятностные методы), теории распознавания образов, теории графов, нейронных сетей.

Среди количественных методов широко применяются методы теории распознавания образов. В их группе особое место занимают методы кластер-анализа, в частности метод однократной кластеризации, основанный на вычислении внутригрупповой связи, то есть на учёте расположения «внутренних» операционно-территориальных единиц или объектов, создавая группы приблизительно одинаковой однородности. Его целесообразно применять для районирования территорий, характеризующихся относительно сходными условиями.

Результатом разработанной автором комплексной методики социально-экономического микрорайонирования «сверху вниз», «снизу вверх», дополненная использованием процедуры автоматического районирования, стала сетка социально-экономических микрорайонов (внутриобластных

---

¹ Пономарева З.В. Социально-экономическое микрорайонирование Воронежской области: диссертация ... кандидата географических наук. Пермь, 1996. 194 с.

районов/ управленческих округов), апробированная на территории Воронежской области. Нами были выделены социально-экономические микрорайоны (СЭМР) с разным уровнем социально-экономического развития и отраслевой специализацией промышленности, которые могут являть собой управленческие округа¹ (рис. 2.6).

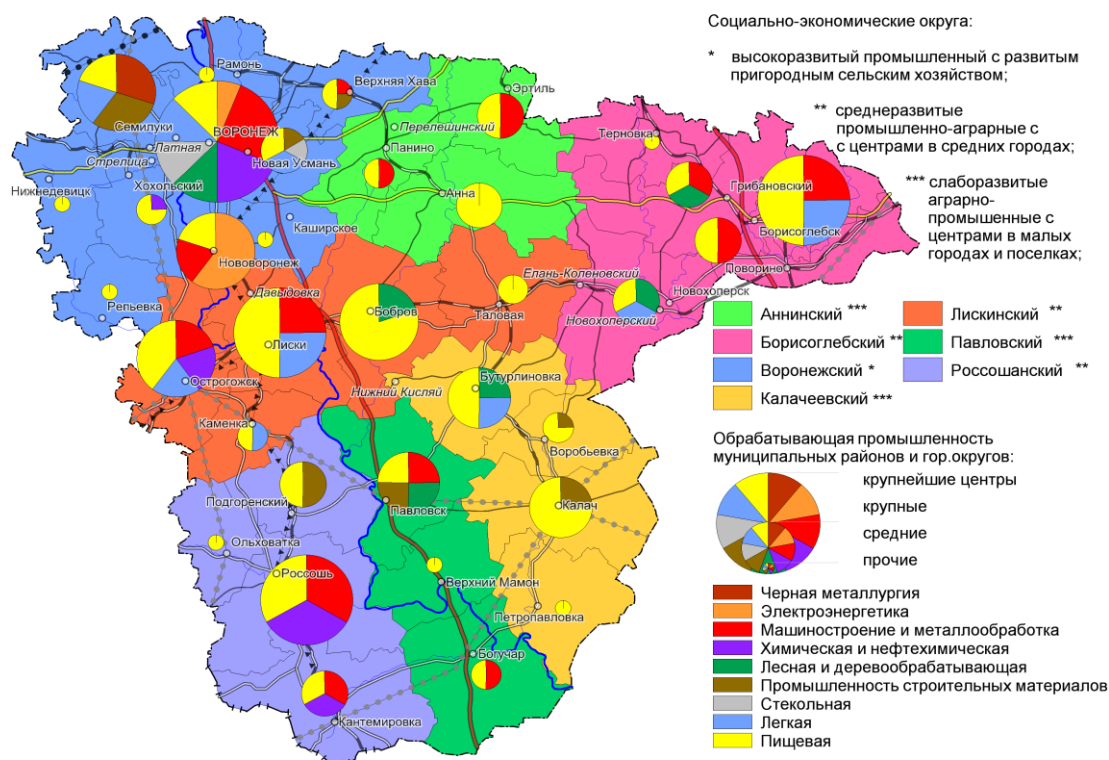

Рис. 2.6. Социально-экономические микрорайоны Воронежской области

Так, Воронежский микрорайон является высокоразвитым промышленным, Борисоглебский, Россошанский, Лискинский – это промышленно-аграрные со средним уровнем развития; Аннинский, Павловский, Калачеевский названы аграрно-промышленными с низким уровнем развития. Данные исследования впоследствии легли в основу разработки документов территориального планирования и управления Воронежской области.

Иерархия таксонов социально-экономического микрорайонирования

Проблема таксонирования и выделения иерархических уровней социально-экономического микрорайонирования впервые была поставлена в

¹ Пономарева З.В. Социально-экономический микрорайон в региональной организации общества // Пространственная организация общества: теория, методология, практика. Сб. материалов Международной научно-практической конф., Пермь, 2018. С. 235–239.

рамках совместной работы В.К. Ковылова, З.В. Пономаревой, М.Д. Шарыгина¹.

Формирование иерархической системы социально-экономического микрорайонирования происходит в процессе адаптации и синтезирования всех видов деятельности, локализации, концентрации и деконцентрации населения, появления поселений разного ранга.

Социально-экономические микрорайоны как развивающиеся территориальные общественные системы представляют собой интегральные территориальные образования, в которых сконцентрированы все сферы общественной жизни и элементы жизнедеятельности людей. СЭМР – это целостные (в большинстве случаев внутренне сбалансированные и гармонично развивающиеся) образования, отличающиеся относительной автономностью и общественным воспроизводством.

Социально-экономические микрорайоны – это комплексы взаимосвязанных элементов, принадлежащих разным сферам жизни населения. В экономическом отношении внутреннюю структуру микрорайона формируют локальные хозяйственные сочетания разных форм собственности, а в обслуживающем – производственные и социальные территориально-инфраструктурные ассоциации. Обеспеченность инфраструктурными элементами (социальными, производственными, рыночными, инвестиционными, экологическими и др.) является неременным условием развития социально-экономических микрорайонов.

Социально-экономические микрорайоны имеют «свое лицо», то есть для каждого характерна хозяйственная специализация, определяемая наличием природно-ресурсного потенциала и местом в региональном разделении труда, уровень социально-экономического развития, особенности демографической, социальной, экономической, экологической ситуации.

Первоначальной пространственной формой социально-экономического микрорайона (в определенном смысле, первичным элементом) выступают отдельные населенные пункты, формирующие «ткань» системы расселения. В результате развития и усложнения социально-демографических, социально-экономических связей между поселениями, их расширением и

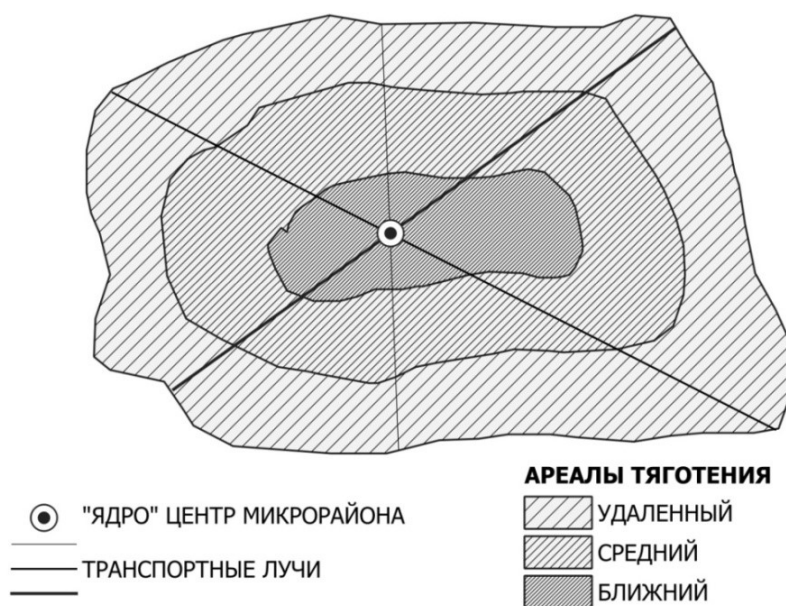
---

¹ Ковылов В.К., Пономарева З.В., Шарыгин М.Д. Социально-экономическое микрорайонирование в новых условиях хозяйствования // Комплексное социально-экономическое развитие территории и рыночные товарно-денежные отношения: Тез. докл. науч.-практ. конф., Пермь, 1991. С. 14–16.

укреплением формируется ядро социально-экономического микрорайона – территориальная общность людей (ТОЛ)¹.

Пространственные параметры округов формируются из совокупности муниципальных образований (городские и сельские поселения, муниципальные районы), расположенные в разных ареалах удаления от центра – ядра микрорайона. Территориальная структура социально-экономического микрорайона представлена на рис. 2.7².

Топорайоны, как правило, муниципальные образования поселенческого уровня – городские и сельские поселения.

Рис. 2.7. Территориальная структура социально-экономического микрорайона

В топорайонах осуществляется жизнедеятельность населения с учётом пространственно-временных параметров перемещения, реализуются трудовая, политическая, рекреационная, семейно-бытовая и др. функции. В их границах осуществляется местное самоуправление в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

¹ Балина Т.А., Шарьгин М.Д., Пономарева З.В. Территориальная общность людей как пространственная форма организации жизни населения // Социальная география: история, теория, методы, практика. Сборник научных статей. Смоленск, 2016. С.66–74; Балина Т.А., Пономарева З.В. Социально-экономическое районирование как инструмент изучения территориальной общности людей // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2018. Т. 1. С. 23–29.

² Пономарева З.В. Социально-экономический микрорайон в региональной организации общества // Пространственная организация общества: теория, методология, практика: материалы Международной науч.-практ. конф. Пермь, 2018. С.235–239.

Компактность проживания и реализация общих интересов лежит в основе формирования нанорайонов в границах отдельных населенных пунктов в сельской местности, в городской они проявляются в форме микрорайонов. На территории нанорайонов осуществляется общественное самоуправление.

Исходя из приоритетности принципов формирования благоприятных условий жизнедеятельности людей, создания комфортной и качественной среды жизни, условий для саморазвития достойных человека, границы муниципальных образований, особенно сельских поселений, необходимо выделять на основе методики социально-экономического микрорайонирования «снизу вверх». Это предполагает учёт уникальных особенностей каждого населенного пункта, наличие всех видов связей и тесноту между ними, а также доступность административного центра.

Научное обоснование совершенствования территориальных основ местного самоуправления для решения проблем оптимизации территориального устройства и жизнедеятельности людей с целью повышения эффективности регионального управления и местного самоуправления, обеспечения саморазвития территории и гарантий самофинансирования муниципальных образований в разрезе сельских поселений Воронежской области проводилось на основе использования методики социально-экономического микрорайонирования¹.

---

¹ Пономарева З.В. Территориальная организация регионального развития: постановка проблемы // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб науч. статей. Смоленск, 2011. С.260–262; Кирьянчук В.Е., Пономарева З.В. Проблемы совершенствования территориальной организации местного самоуправления Воронежской области / Муниципальные образования центральных регионов России: проблемы исследования, развития и управления. Материалы Всеросс. науч.-практич. конф. Воронеж, 2011. С. 16–21; Пономарева З.В. Совершенствование муниципально-территориального устройства Воронежской области как предпосылка устойчивого социально-экономического развития региона // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2013. Т.18. № 2. С. 680–683.

2.5. Концепция географических функций

Вопросы изучения и оценки последствий деятельности конкретных объектов и процессов на пространство – это исключительно актуальная географическая тема исследований для внедрения в теорию и практику стратегического и пространственного планирования. Влияние на пространство может быть описано понятием «*географические функции*»¹. Это оценочное понятие неполноценное без привязки к конкретному анализируемому объекту и территории.

В географии впервые это понятие использовано в «Очерках географии транспорта» С.В. Бернштейн-Когана (1930)² (с.45). Более ранних примеров использования понятия «географические функции» пока найти не удалось. Этого понятия, к сожалению, не хватило при разработке концепции пространственных функций инфраструктуры в нашей докторской диссертации³, защищенной в 2005 г. Впервые эта концепция была опубликована в сборнике научных трудов «Территория и общество», издаваемом кафедрой социально-экономической географии Пермского государственного университета⁴.

Михаил Дмитриевич Шарыгин поддержал эту концепцию и помог в редактировании текста, затем – в качестве оппонента докторской диссертации в своём отзыве отметил: «Предложенная концепция пространственных функций инфраструктуры представляет собой *теоретическую модель* её системного регионального исследования». Концепция уточнялась после защиты диссертации с учётом полученных рекомендаций от оппонентов⁵,

---

¹ Яковлева С.И. Географические функции как системное понятие территориальной организации // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика 2021: сборник научных статей / под ред. А.П. Катровского, В.Е. Шувалова, А.А. Агирречу. Смоленск: Изд-во Смоленского государственного университета, 2021. С.207–211. URL: http://www.ecoross.ru/files/books2021/Saushkin_2021 (дата обращения: 25.09.2023).

² Бернштейн-Коган С.В. Очерки географии транспорта. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. 357 с.

³ Яковлева С.И. Инфраструктурное обеспечение регионального развития. Автореф. дисс. д-ра. экон. наук /08.00.05. – СПб: СПб гос.ун-т экономики и финансов, 2005. 34 с.

⁴ Яковлева С.И. Территориальные функции инфраструктуры в региональном развитии и управлении // Территория и общество: Сб. науч. тр. Пермь, 2002.С.86–93.

⁵ Яковлева С.И. Концептуальные основы изучения и развития региональной инфраструктуры // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «География и геоэкология». 2006. Выпуск 2. №7 (24). С.189–199.

и продолжает разрабатываться применительно к разным территориям и видам деятельности¹.

Данная публикация ставит своей целью ввести в научный оборот географии забытое понятие «географические функции» и представить его как системное понятие территориальной организации общества. Это один из вариантов решения актуальной «проблемы географизации общественной географии», о чём думал и писал Михаил Дмитриевич Шарыгин².

В тексте С.В. Бернштейн-Когана речь идет об экономических, политических, стратегических и *географических функциях транспорта*. Автор подчеркивает, что разные виды транспорта выполняют неодинаковые экономические и географические функции. Автор не давал определения, но раскрыл сущность географических функций транспорта: районообразующие, функции размещения и функции транспортного обслуживания на разных пространственных уровнях (межконтинентальные и международные сообщения). Бернштейн-Коган даёт ссылку на классификацию французских портов, которую выполнил Поль де Рузье в 1909 г.³

Интерес представляет «тroyкого рода функции»: 1) «районные» – связанные с потреблением и производством «хинтерланда», 2) промышленные – связанные с развитием промышленности в самом порту, и 3) «коммерческие», связанные с морской торговлей (главным образом транзитного типа) этого порта с другими портами⁴. Бернштейн-Коган С.В. в качестве иллюстрации «районных функций» морских портов включил в текст карту «Хинтерланд германских портов», на которой показаны районы тяготения важнейших портов Германии⁵ (с. 159). Подобные функции принято называть районообразующими, или структурирующими в территориальной организации.

---

¹ Яковлева С.И. Географические функции транспорта // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «География и геоэкология». 2022. № 1 (37). С. 38–46.

² Шарыгин М. Д. Общественная география в системе научного знания: проблема географизации // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сборник научных статей, Смоленск, 14–16 октября 2016 года. Смоленск: Универсум, 2016. С. 45–52; Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Теоретико-методологические аспекты поиска законов и закономерностей в общественной географии // Географический вестник. 2020. №1(52). С. 22–32.

³ De Rousiers. Les grands ports de France, leur rôle économique. Paris, 1909. URL: https://www.persee.fr/doc/rnord_0035-2624_1910_num_1_4_5317_t1_0327_0000_1.

⁴ Там же, стр. 86.

⁵ Бернштейн-Коган С.В. Очерки географии транспорта. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. 357 с.

Понятие «географические функции» (geographic functions) портов использовано в отчете правительства США (1955 г.) «Изменение географических функций отдельных европейских портов». В аннотации отчета сказано: проект включал детальное изучение и аналитику четырех портов: Бордо, Байонна и Ла-Рошель-ла-Паллис во Франции и Гамбург в Германии¹. Задачи заключались в следующем:

- a) определить и проанализировать функции выбранных портов;
- b) выяснить, как изменились функции этих портов и почему;
- c) проанализировать взаимосвязь порта и внутренних районов, с одной стороны, порта, морской организации и береговой полосы, с другой;
- d) определить, как функциональные изменения в порту, внутренних районах или на побережье влияют на эти модели отношений.

На первом этапе проекта полевые работы также были связаны с определением потенциальных изменений в функции внутренних районов в случае прекращения работы крупного порта, изучением роли потенциальных альтернативных маршрутов, их фидерных линий во внутренние районы, их индивидуальных и комбинированных функций и возможностей.

Районообразующие функции – наиболее изученный вид пространственных (географических) функций, о которых пишут часто и много (не используя понятие «географические функции»). Районообразующие функции, по мнению Ю.Г. Саушкина, выполняют крупные транспортные магистрали, служащие районообразующими «осями» (Волга, Сибирская железная дорога) и большие города, которые служат районообразующими центрами (Москва, Ленинград, Свердловск). Именно эти объекты стабилизируют экономические районы² (с. 423).

Классическая формула освоенной территории «города + дорожная сеть = каркас территории» была предложена Н.Н. Баранским в 1946 г.: «это остов, на котором все держится, остов, который формирует территорию,

---

¹ Changing geographic functions of selected European ports. Final report under Contract Nonr 404 (04) for the period 1 July 1952 – 30 Jun 1955, by Guido G. Weigend. Rutgers University. Dept. of Geography, New Brunswick, N.J. Jun 1955. 11 p. Order from LC. Mi \$2. 40, ph \$ 3.30.PB 126135 // U.S. Government Research Reports. U.S. Department of Commerce, Office of Technical Services., 1958. P.38.

² Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.

придает ей определенную конфигурацию»¹ (с.287). Пространственные (географические) функции каркаса территории, исходя из определения Н.Н. Баранского, – это структурирующая (структурообразующая), интегрирующая и морфологическая. Эти пространственные (географические) функции «каркаса территории» подтверждают его роль активного *организатора пространства*. Можно утверждать, что «каркас территории» выполняет все основные пространственные функции (кроме уже названных), то есть создаёт условия для размещения объектов (размещенческая функция), формирует экономико-географическое положение (ЭГП) и транспортно-географическое положение (диспозиционная функция), создаёт территориальные различия (дифференцирующая функция) и является средством территориального управления (управленческая функция).

Наш вариант систематизации пространственных (географических) функций был выполнен на примере региональной инфраструктуры (табл. 1). При этом было высказано предположение, что использование понятия, вероятно, не ограничивается инфраструктурной тематикой, а имеет общий характер и может использоваться при изучении территориальной организации жизнедеятельности населения, хозяйства, природопользования, культуры, а также компонентов природы².

Рассмотрение концептуальных основ изучения и развития региональной инфраструктуры позволило систематизировать пространственные функции и их проявления³, представив их в таблице (табл. 2.1).

---

¹ Баранский Н.Н. Избранные труды: Становление советской экономической географии/ Ред. кол.: В.А. Анучин и др. М.: Мысль, 1980. 287 с.

² Яковлева С.И. Инфраструктурное обеспечение регионального развития. Автореф. дисс. д-ра. экон. наук /08.00.05. СПб: СПб гос.ун-т экономики и финансов, 2005. 34 с.

³ Яковлева С.И. Концептуальные основы изучения и развития региональной инфраструктуры// Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «География и геоэкология». 2006. Выпуск 2. №7 (24). С.189–199.

Таблица 2.1

**Система пространственных функций инфраструктуры
в региональном развитии**

Пространственные функции	Проявление пространственных функций инфраструктуры в региональном развитии
1. «Размещенческая»	Инфраструктурно обусловленная локализация объектов: инфраструктура как условие размещения новых или трансформации старых объектов (реконструкция, сокращение, демонтаж, смена функций)
2. Дифференцирующая	Сглаживание или усиление территориальных различий: функциональные, отраслевые и территориальные различия в инфраструктурном оснащении территорий – причина возникновения, усиления, сглаживания дифференциации регионов по различным (качественным и количественным) характеристикам пространственного развития, качеству региональной среды
3. Диспозиционная	Формирование экономико-географического положения, в том числе инфраструктурно-географического положения (относительно инфраструктурных объектов, сетей и «коридоров»), т.е. создание условий для развития объектов во взаимодействии друг с другом. Инфраструктура – предпосылка («канал») установления пространственных связей, концентрации перемещений
4. Интегрирующая	Формирование территориальных систем происходит на инфраструктурной «основе». Инфраструктура обеспечивает их внутренние и внешние связи и вызывает изменения пространственных структур населения (расселения), хозяйства, природопользования и др.
5. Структурирующая (структурообразующая)	Развитие инфраструктуры приводит к структурным изменениям, стимулирующим процессы регионального развития: <i>территориально-структурные</i> (территориальное перераспределение населения относительно магистралей и полимагистралей, формирование опорного каркаса расселения и др.) и <i>компонентно-структурные</i> (трансформационные процессы, преобразующие условия жизнедеятельности и хозяйствования)
6. Морфологическая	Инфраструктура – фактор формообразования, вызывающий изменение конфигурации территории, её отдельных объектов, комплексов и систем, составляющих территориальные структуры региона
8. Управленческая	Инфраструктурное оснащение – важнейший инструмент управленческих воздействий на развитие территории

Авторское использование концепции пространственных (географических) функций как своеобразного *экспертного определителя* доказало свою ценность для выявления направлений влияния на пространство конкретных объектов/явлений. В качестве примера показываем систему географических функций транспорта. Содержание функций дано в двух вариантах (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Система географических (пространственных) функций транспорта

Пространственные функции ¹	Проявление географических функций транспорта ²	Проявление географических функций транспорта в пространственном развитии ³
«Размещенческая»	Транспорт как условие размещения объектов (транспортная сеть – сеть объектов)	Распределение грузов опирается на сети, созданные для поддержки его потоков, и на узлы, которые регулируют потоки внутри сетей
Дифференцирующая	Транспорт как причина неравномерного развития	Транспорт – фактор поляризации и неравномерного развития. Транспорт представляет собой один из самых важных видов деятельности человека во всем мире, поскольку он позволяет нам смягчить географические ограничения.
Диспозиционная	Транспорт – предпосылка («канал») установления пространственных связей, концентрации перемещений, фактор доступности	Основная цель транспорта носит географический характер, поскольку он облегчает перемещение между другими местами. Шлюзы (это центральный пункт въезда и выезда из региона, страны или континента, который часто требует интермодальных пересадок) начали появляться в XIX в., когда железнодорожный транспорт начал структурировать доступность внутренних районов, позволяя определенным местам, таким как порты, управлять доступом к обширным рыночным областям.

¹ Яковлева С.И. Концептуальные основы изучения и развития региональной инфраструктуры// Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «География и геоэкология». 2006. Выпуск 2. № 7 (24). С.189–199.

² Яковлева С.И. Географические функции транспорта// Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «География и геоэкология». 2022. № 1 (37). С. 38–46.

³ Rodrigue J.-P., Comtois C., Slack B. The Geography of Transport Systems. Dept. of Economics & Geography, Hofstra University, Hempstead, NY, USA. 2017. 440 P.

Пространственные функции ¹	Проявление географических функций транспорта ²	Проявление географических функций транспорта в пространственном развитии ³
Интегрирующая	Транспорт обеспечивает внутренние и внешние связи территориальных систем и вызывает изменения пространственных структур населения (расселения), хозяйства, природопользования и др.	<p>Для обеспечения пространственной непрерывности транспортные сети должны быть непрерывными. Самым пространственно ограниченным является общественный транспорт.</p> <p>Транспорт составляет основу сложной пространственной системы, а транспортные сети являются основной физической опорой взаимодействий.</p>
Структурирующая (структурообразующая)	Транспорт структурирует пространство и является фактором территориально-структурных процессов (территориальное перераспределение населения относительно магистралей и полимагистралей, формирование опорного каркаса расселения и др.)	<p>На протяжении всей истории транспортные сети структурировали пространство в разных масштабах.</p> <p>Транспорт – один из основных компонентов пространственной структуры большинства регионов.</p>
Морфологическая	Транспорт – фактор формообразования, вызывающий изменение конфигурации территории, её отдельных объектов, комплексов и систем	Урбанизация и транспорт являются взаимосвязанными понятиями, особенно когда транспорт определяет размер и протяженность городов

¹ Яковлева С.И. Концептуальные основы изучения и развития региональной инфраструктуры// Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «География и геоэкология». 2006. Выпуск 2. №7 (24). С.189–199.

² Яковлева С.И. Географические функции транспорта// Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «География и геоэкология». 2022. № 1 (37). С. 38–46.

³ Rodrigue J.-P., Comtois C., Slack B. The Geography of Transport Systems. Dept. of Economics & Geography, Hofstra University, Hempstead, NY, USA. 2017. 440 P.

Пространственные функции ¹	Проявление географических функций транспорта ²	Проявление географических функций транспорта в пространственном развитии ³
Управленческая	Транспорт – важнейший инструмент управленческих воздействий на развитие территории	Транспортные сети всегда были инструментом пространственной консолидации и освоения территорий. Исторически транспортные сети создавались для того, чтобы <i>контролировать свои территории</i> , в основном собирая налоги и перемещая товары и вооруженные силы. В XIX веке транспортные сети также стали <i>инструментом</i> государственного строительства и политического контроля. В начале XXI века телекоммуникационные сети стали средством пространственной связанности и взаимодействия, отвечающим требованиям глобальных цепочек поставок.

Подводя итоги проведенным теоретическим изысканиям, мы можем сформулировать следующие выводы:

1) географические функции территориальных объектов/явлений и процессов – системное понятие территориальной организации общества;

2) географические функции – понятие, отражающее влияние территориальных объектов/явлений и процессов на пространство – его свойства и основные аспекты территориальной организации (географические закономерности);

3) концепция географических (пространственных) функций – это своеобразный экспертный определитель для выявления основных направлений влияния анализируемых объектов/явлений для оценки фактических и возможных изменений в пространстве города, района и др. Каждая из этих функциональных характеристик должна быть поддержана оценочными параметрами (количественные и качественные показатели).

¹ Яковлева С.И. Концептуальные основы изучения и развития региональной инфраструктуры// Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «География и геоэкология». 2006. Выпуск 2. №7 (24). С.189–199.

² Яковлева С.И. Географические функции транспорта// Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «География и геоэкология». 2022. № 1 (37). С. 38–46.

³ Rodrigue J.-P., Comtois C., Slack B. The Geography of Transport Systems. Dept. of Economics & Geography, Hofstra University, Hempstead, NY, USA. 2017. 440 P.

4) оценка влияния на пространство позволяет объективно определить роль анализируемого объекта в пространстве, в том числе выявить «организаторов» конкретного пространства.

2.6. Концепция цикла производств как метод территориальной организации¹

Теория энергопроизводственных циклов

Метод энергопроизводственных циклов (ЭПЦ) является чрезвычайно плодотворным для анализа территориальной структуры хозяйства. Теория ЭПЦ была сформулирована Н.Н. Колосовским в 1947 г. в статье «Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии» и явилась прорывом в теоретических исследованиях о производственном комбинировании хозяйства. В его работах излагаются идеи максимального комплексного использования промежуточных продуктов и отходов производств, создания «ветвей» взаимосвязанных производств. Подразделив всю совокупность производственных процессов на 8 ЭПЦ, особое внимание Н.Н. Колосовский уделял изучению экономических связей – «вертикальных» (от сырья до готового изделия) и «горизонтальных» (совместное использование отходов производства), указывал на возникновение так называемых вспомогательных производств. ЭПЦ он трактовал как типическую, устойчиво существующую совокупность производственных процессов, возникающих взаимообусловлено (соподчинено) вокруг основного процесса, последовательно развёртывающегося в экономическом районе СССР на основе данного вида сырья и энергии².

Впоследствии Ю.Г. Саушкин писал, что применение метода ЭПЦ позволяет сделать территориальную модель значительно более ёмкой, содержательной, включить в небольшое число «цепочек» огромную информацию, в том числе и информацию о природе и характере её видоизменения общественным производством³. Можно утверждать, что экономическая география в эпоху научно-технической революции стала наукой не столько о размещении производства, сколько о размещении технологий. Концепция

---

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания АААА-А21-121012190018-2

² Колосовский Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. М.: Изд-во Мысль, 1947. Сб. 6. С. 133–169.

³ Саушкин Ю.Г. Энергопроизводственные циклы // Вестник Московского ун-та. Серия: география. 1967. № 4. С. 3–11.

и метод ЭПЦ обладает рядом несомненных достоинств, не потерявших значение в современных условиях. Сам метод ЭПЦ находит удачное применение для оценки перспектив модернизации промышленного комплекса в индустриальных ресурсных регионах. Заложенный в концепции ЭПЦ комплексный подход к использованию ресурсов, а следовательно, к внедрению малоотходных технологий, является одним из радикальных методов оздоровления экологической обстановки¹. Применение метода циклов открывает широкие возможности новым вариантам комбинирования производственных процессов, способствует комплексному использованию природных ресурсов, благодаря плановому подбору производств, обеспечивающему полное использование сырья. Этот метод позволяет получать дополнительный экономический эффект, что важно для оптимизации условий жизни населения, создаёт предпосылки для обоснованного прогноза развития производственного комплекса. М.Д. Шарыгин считал ЭПЦ прогрессивной формой классификации предприятий и конструкцией, которая может быть реализована в форме холдингов, ассоциаций, финансово-промышленных компаний и подобного².

Творческое развитие концепции было осуществлено Ю.Г. Саушкиным, который в связи с изменениями, которые внесла научно-техническая революция в структуру народного хозяйства страны, выделил новые циклы и их совокупности (число циклов доведено до 19), была разработана методика балльной оценки степени сформированности циклов, рассмотрены возможности изменения структуры циклов с целью уменьшения их влияния на окружающую среду. А.Т. Хрущёв предложил несколько иную, наиболее удачную по нашему мнению, типологию из 18 циклов, включая углеэнергохимический³.

Впоследствии И.В. Комар⁴ под влиянием концепции Н.Н. Колосовского выдвигает теорию ресурсных циклов. Как и ЭПЦ, ресурсные циклы (РЦ) различаются по виду веществ, подвергающихся извлечению из при-

---

¹ Шувалов В.Е. «Бэкграунд» социально-экономической географии // Социально-экономическая география: традиция и современность / под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова. М.; Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 320–339.

² Шарыгин М.Д. Основы региональной политики: учебное пособие. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2006. 223 с.

³ Хрущёв А.Т. География промышленности СССР. М.: Изд-во Мысль, 1969. 433 с.

⁴ Комар И.В. Рациональное использование природных ресурсов и ресурсные циклы. М.: Наука, 1975. 212 с.

родной среды и трансформации в процессе переработки. В результате географического осмысления ЭПЦ Н.Н. Колосовского и ресурсных циклов И.В. Комара, Ю.Г. Саушкиным были выделены «синтезированные» географические циклы, рассматривающие взаимодействие природы и общества как синтез «природа–производство–человек–природа».

М.Д. Шарыгин поддержал, развил и использовал понятие РЭВЦ при исследовании территориальной организации производств на региональном и локальном уровнях. Согласно его мнению, сущность циклов заключается в поточно-постадийном превращении исходных природных видов сырья и энергии в границах регионов разного ранга¹. РЭВЦ включает поступательный круговорот вещества и энергии в целостных территориальных системах. Совокупность РЭВЦ в конкретных системах образует полициклические процессы регионального материального воспроизводства.

А.Ф. Никольский считал, что в трактовке ЭПЦ, данную Н.Н. Колосовским, энергия рассматривается в широком смысле – как получаемую на основе природных ресурсов нации в виде конечного продукта социальную полезную энергию (полезность). А саму «полезность» он рассматривал не как трудовую стоимость, а как полезную энергию, поступающую в общество из природы через созданные им взаимосвязанные цепочки производств (ЭПЦ и ТПК), преобразующие внешнюю форму той энергии от сырья до конечного продукта и тем обеспечивающие её полное использование на благо общества, а не передачу в виде сырья за рубеж. А.Ф. Никольский делает вывод, что формирование подлинных ЭПЦ несовместимо с принципами капитализма (транснациональных и национальных корпораций, кластеров), где они становятся не энергопроизводственными, а энергопоглощающими циклами (воронками)².

Произошедшие изменения в российской экономике в 1990-е гг. потребовали пересмотра концепции энергопроизводственных циклов. Считалось, что теория ЭПЦ была сформулирована для строго ограниченной территории и определённой модели экономики, по сути, для конкретной страны – СССР, и что концепция, разработанная для централизованной плановой экономики и ресурсопотребляющего типа производства, не соответствует современным условиям социально-экономического развития. Таким

---

¹ Шарыгин М.Д. Региональная организация общества (теоретико-методологические проблемы совершенствования). Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1992. 204 с.

² Никольский А.Ф. Географический (физиократический) взгляд на природу общественного производства, стоимость и ренту // География и природные ресурсы. 2016. № 1. С. 164–172.

образом, расширение в современных условиях экономической глобализации территориальных масштабов энергопроизводственных циклов до глобального (мирового) уровня стало одной из важнейших причин целесообразности переосмысления и трансформации концепции ЭПЦ.

Исследования в данной области продолжаются и современными российскими экономико-географами. М.Д. Шарыгиным через понятие территориальных общественных систем исследованы, в том числе, актуальные проблемы пространственного развития Пермского края, в связи с чем, предложено усиление роли центров поляризованного развития в системе ядер опорного каркаса расселения региона¹. Б.А. Казаков и А.С. Лучников предложили обновлённую с учётом современных изменений абстрактную схему лесопромышленного цикла, раскрывая возможности увеличения глубины переработки древесины и утилизации отходов лесопромышленного комплекса². П.Я. Баклановым и А.В. Мошковым выделены и оценены территориальные производственно-технологические структуры (цепочки) Приморского края, проведена оценка существующих звеньев и возможностей и перспектив формирования в регионе новых звеньев производственно-технологических структур³.

Концепция цикла производств

На основе анализа экономико-географических концепций энергопроизводственных циклов, ресурсных циклов, минерально-сырьевых циклов производств, а также произошедших коренных изменений, мы пришли к выводу о трансформации понятия ЭПЦ. Н.Н. Колосовский пишет об ЭПЦ как о совокупности производственных процессов, не говоря о системе реализации и применении их продуктов. При рыночной экономике на первый план зачастую выходит *система реализации и применения продукта*. В связи с этим определение Н.Н. Колосовского более не является исчерпывающим. Также мы считаем, что части «энерго» и «производственные» в термине ЭПЦ неравнозначны. Так, И.Л. Савельева, говоря о минерально-сырьевых

---

¹ Шарыгин М.Д. Пермский край: проблемы пространственного развития // Географический вестник. 2018. № 2 (45). С. 50–62.

² Казаков Б.А., Лучников А.С. Использование концепции энергопроизводственных циклов Н.Н. Колосовского для оптимизации лесохозяйственной и лесоперерабатывающей деятельности в современной России // География и природопользование Сибири. 2020. № 27. С. 83–99.

³ Бакланов П.Я., Мошков А.В. Территориальные производственно-экономические структуры: типы и их отношения в региональном развитии // Региональные исследования. 2023. № 3. С. 4–17. DOI: 10.5922/1994-5280-2023-3-1.

циклах производств, опускает часть «энерго», акцентируя внимание только на «циклах производств»¹. Концепция ЭПЦ, сформулированная Н.Н. Колосовским, хорошо «работала» на районоформирование в условиях транспортных ограничений. После формирования единой транспортной системы страны и транспортно-коммуникационной революции, когда связи по кооперации производства, особенно в перерабатывающих отраслях, стали формироваться с меньшим учётом расстояния, ЭПЦ «вышли» далеко за границы отдельных экономических районов².

Рассмотрим произошедшие изменения на примере энергопроизводственного цикла, сформировавшегося на основе угольного комплекса Кузбасса и объединяющего углеэнергохимический цикл и часть пирометаллургического. В настоящее время данный цикл вышел за пределы экономического района и страны. В 2020–2021 гг. около 70 % добытых кузнецких углей вывозилось за пределы области (около 47 % в западном направлении и около 23 % – в восточном) и около 56 % – за пределы России в страны Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки³. Уголь Кузбасса теперь поставляется практически по всему миру: от Чили на западе до Новой Каледонии на востоке. Вторые стадии производств сейчас находятся на значительном расстоянии от мест добычи: так, кузнецкие угли коксуются, к примеру, на Урале и в Китае. Направления поставок теперь строятся, не только исходя из рациональных расстояний, но и с учётом корпоративной принадлежности угледобывающих предприятий, например, предприятие «Ангарскцемент», располагающееся вблизи мест добычи черемховских углей, потребляет кузнецкие угли вследствие своей принадлежности кузбасской компании. При этом в угольном комплексе Кузбасса отчётливо наметились и негативные тенденции. Так, в погоне за быстрой прибылью собственники угольных компаний зачастую ограничиваются продажей первичной необработанной продукции, не думая о долгосрочных проектах. Это привело к застою в развитии промышленных

---

¹ Савельева И.Л. Минерально-сырьевые циклы производств: проблемы районообразования и рационального природопользования. Новосибирск: Изд-во Наука, 1988. 133 с.

² Шувалов В.Е. «Бэкграунд» социально-экономической географии // Социально-экономическая география: традиция и современность / под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова. М.; Смоленск: Изд-во Ойкумена, 2009. С. 320–339.

³ Министерство угольной промышленности Кузбасса / официальный сайт. URL: <https://mupk42.ru/ru/>; Федеральная таможенная служба России / официальный сайт. URL: <https://customs.gov.ru/>

комплексов. Понятия «стратегический подход», «рациональное использование ресурсов», «национальное благо» остались позади понятия «максимизация прибыли».

Нами сформулировано новое понятие «цикл производств», которое следует считать современной (рыночной) трактовкой плановых энергопроизводственных циклов. Под ним мы понимаем совокупность процессов, взаимообусловлено возникающих вокруг исходного сырья, включая его добычу и все стадии реализации и использования в виде сырья и продуктов его переработки. Отсюда *угольный цикл производств* – есть «совокупность процессов, взаимообусловлено возникающих вокруг угля как исходного сырья, включая его добычу, обработку, реализацию и применение в непосредственном либо обработанном виде, продуктов его переработки и попутных продуктов»¹. Авторская обобщённая схема угольного цикла производств представлена на рис. 2.8.

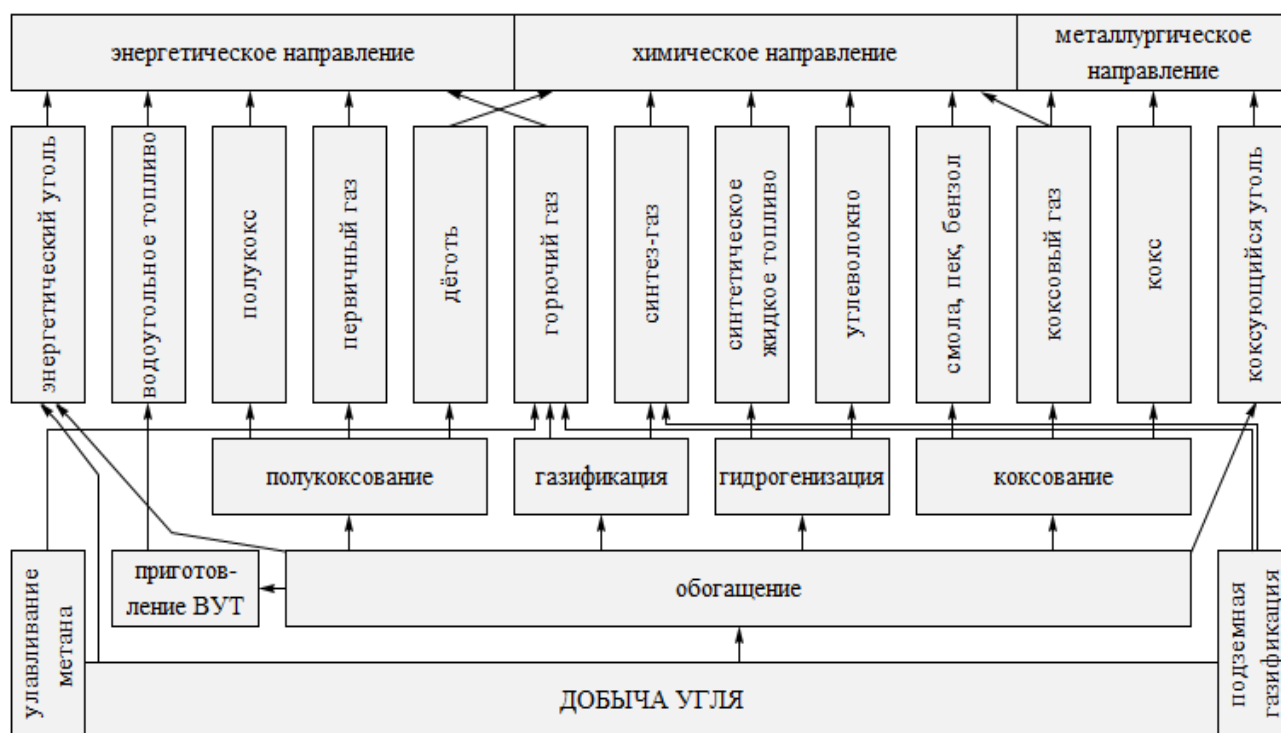

Рис. 2.8. Обобщённая схема угольного цикла производств

Нижний ряд схемы представляет добычу углей как исходного продукта и основного попутного компонента при его добыче – метана; второй ряд снизу – процессы первичной (механической) переработки углей; третий

¹ Шерин Е.А. Концепция цикла производств как инструмент регионального анализа // Вестник Удмуртского ун-та. Серия Биология. Науки о Земле. 2019. Т. 29, № 2. С. 310–318.

ряд – процессы глубокой (термохимической) переработки углей; четвёртый – продукты переработки углей на основе упомянутых выше процессов; верхний ряд схемы – три направления применения, к которым сводится использование углей и продуктов их переработки. Энергетическое направление – использование высокой теплоёмкости углей – в конечных стадиях включает в себя как собственно энергетическое направление (производство электроэнергии и тепла), так и энерготехнологическое (производство цемента, кирпича, керамических изделий, спекание глинозёма, плавку медных концентратов и т. п.). Metallургическое – использование углей при производстве чугуна. Химическое направление – включает в себя производство бензола, сульфата аммония, аммиака, метанола, бензина, керосина, дизельного топлива, мазута, алифатических углеродов, каучука, медикаментов, пластмасс и алмазоподобных плёнок, угольных и графитовых электродов, дезинфекционных средств, взрывчатых материалов и т. п.

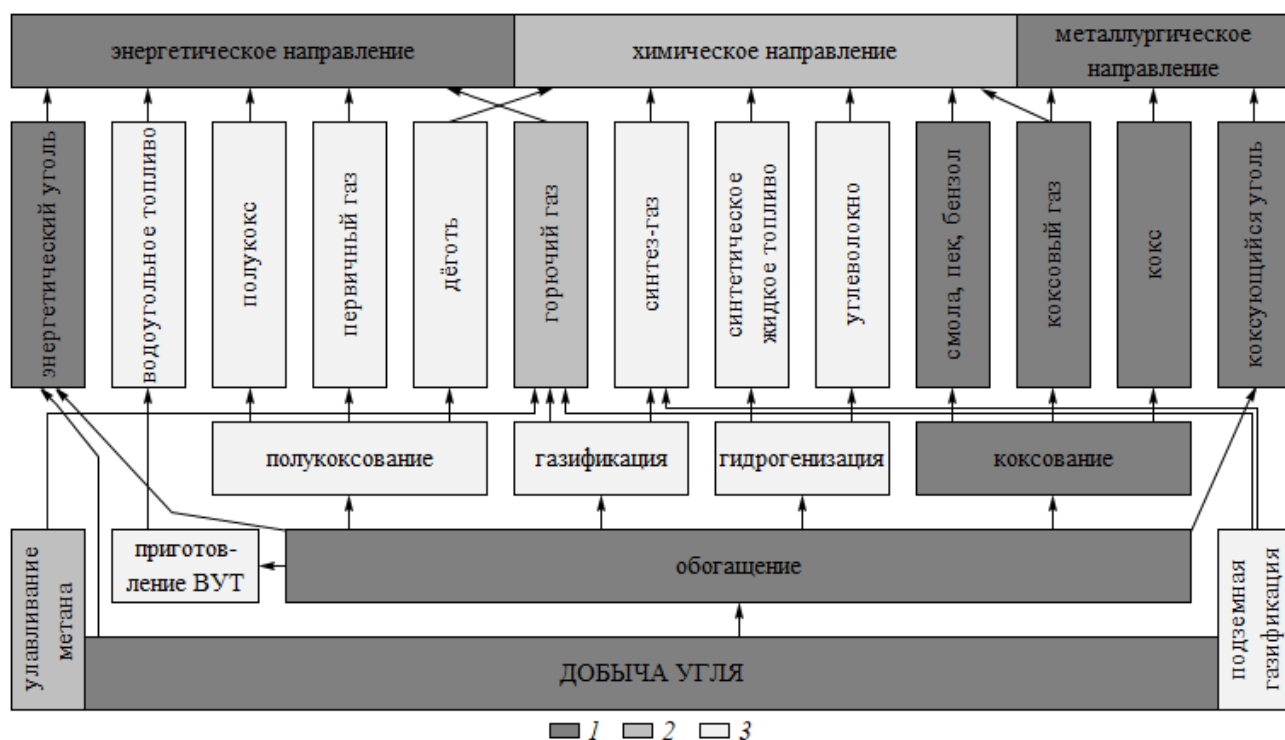
Авторская методика позволяет расширить производственную структуру угольного комплекса за счёт внедрения перспективных процессов неразвитых ветвей с целью усложнения и диверсификации комплекса, повышения экономической эффективности, а также вовлечения промышленных отходов и попутных продуктов угледобычи в производственные процессы, что приведет к улучшению экологической обстановки.

Применение метода цикла производств

Кузнецкий угольный бассейн – крупнейший в России, этот высокоиндустриальный район отличается высокой степенью концентрации промышленных объектов, относительно низким качеством жизни населения и кризисной экологической обстановкой. В активно разрабатываемой части Кузбасса, составляющей почти четверть территории Кемеровской области, проживает около 90 % её населения, сосредоточено почти 80 % промышленных производственных фондов, выпускается до 90 % промышленной продукции региона, производится углей больше, чем потребляет весь российский рынок, отгружается более 65 % общероссийских экспортных углей. Данные показатели говорят не только о высокой концентрации промышленности, но и об огромной антропогенной нагрузке на территорию. Причина этого заключается во многом в нерациональной структуре основополагающей отрасли Кузбасса – угольной: при гипертрофированном раз-

витии её первичных производств намного слабее представлены перспективные направления переработки. Сложившаяся ситуация требует модернизации угольного комплекса.

Сопоставление обобщённой схемы угольного цикла производств с реально сформировавшимся вокруг кузнецких углей циклом производств дало следующие результаты (рис. 2.9).

Рис. 2.9. Сопоставление обобщённой схемы угольного цикла производств с реально сформировавшимся вокруг кузнецких углей циклом производств процессы: 1 – развитые; 2 – слабо развитые; 3 – отсутствующие (составлено автором)

Добыча углей в Кузбассе широко представлена как открытым, так и закрытым способами, в то время как гидравлический способ представлен слабо. Использование побочных при добыче продуктов – улавливание попутного метана и использование вскрышных и вмещающих пород – недостаточно, однако тенденция к росту имеется. Обогащение добытых углей в Кузбассе происходит на высоком уровне: доля обогащения углей составляет почти 80 % (при среднероссийских 40 %), в том числе коксующихся – более 99 %. Приготовление водугольного топлива в промышленных масштабах с 1993 г. не производится. Из процессов глубокой переработки на хорошем уровне развито коксование, приготовленный в регионе (заводами

«ЕВРАЗ ОЗСМК» и «Кокс») кокс и продукты коксохимии используются на местном металлургическом комбинате, расходятся по всей стране, поставляются за рубеж. В то же время процессы гидрогенизации, генераторной и подземной газификации в Кузбассе отсутствуют. Соответственно нет производств полукокса, горючего и синтез-газа, синтетического жидкого топлива и углеволокон, хотя все они выполнялись в прошлом. Так, гидрогенизация выполнялась в 1930-е гг., подземная газификация – с 1955 г. по 1996 г., а завод полукоксования (созданный в 1993 г. на базе предприятия, построенного в 1943 г. для организации производства жидкого топлива из углей) в наши дни хоть формально и открыт, находится в замороженном состоянии.

Таким образом, при использовании кузнецких углей гипертрофировано развито энергетическое, причём как внутри региона (в Кемеровской области расположено 9 теплоэлектростанций, более 1000 котельных и другие работающие на углях промышленные предприятия), так и за его пределами (энергетические угли вывозятся в большинство регионов России и в десятки стран). Металлургическое направление развито на должном уровне, но химическое – недостаточно и представлено коксохимией. Вследствие такой нерациональной структуры угольного цикла Кузбасса проявляется ряд проблем, в том числе однобокая экспортная ориентированность хозяйства региона, приводящая к уязвимости от мировых цен и спроса на уголь, а также застой в развитии перспективных производств. Упрощение структуры цикла производств приводит к «занижению» экономической эффективности реализуемой продукции.

Нами выявлены возможности усложнения угольного цикла Кузбасса за счёт наращивания улавливания метана, введения процессов приготовления водоугольного топлива, полукоксования, генераторной и подземной газификации, гидрогенизации. Среди данных направлений использования углей по нашим подсчётам наиболее перспективными являются: полукоксование, газификация (в том числе подземная), приготовление ВУТ, а также наращивание улавливания попутного метана. Усиление развития данных направлений способствовало бы повышению рентабельности производств и рациональности добычи, увеличению перечня производимой продукции

и добавленной стоимости, уменьшению количества отходов и улучшению экологической обстановки.

Модернизация структуры угольного цикла производств. Выделим факторы, определяющие размещение производств угольного цикла (табл. 2.3).

Таблица 2.3

Факторы размещения предприятий основных направлений угольного цикла

Факторы, влияющие на размещение предприятий Направления использования углей	Сырьевой	Энергетический	Трудовой	Потребительский	Водный	Экологический	Транспортный	Научный
Добыча	+	-	±	-	-	+	-	-
Обогащение	+	-	-	-	±	-	-	-
Приготовление ВУТ	-	+	-	-	+	-	-	-
Коксование	-	+	+	-	-	-	-	-
Полукоксование	-	+	+	-	+	+	-	-
Генераторная газификация	-	+	+	-	-	+	+	-
Подземная газификация	+	+	-	-	-	-	+	-
Гидрогенизация	-	+	+	+	+	-	+	+

«+» – оказывает влияние, «-» – не оказывает влияния, «±» – зависит от метода (составлено автором)

Перспективным направлением традиционной эксплуатации кузнецких угольных месторождений должно стать широкое использование попутных компонентов добычи углей, а именно метана и германия. Нарастание улавливания попутного при добыче углей метана – закономерный процесс, проявляющийся уже сейчас. Запасы метана значительны во всех угольных районах, особенно в разрабатываемых Ерунаковском и

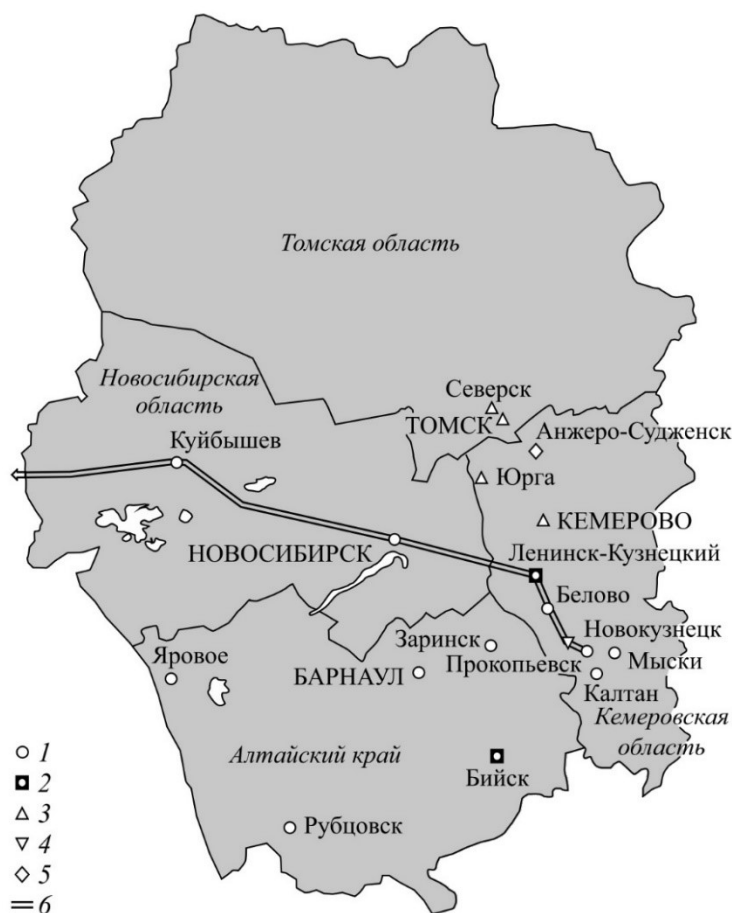
Томь-Усинском, где они оцениваются в 1,5–3 трлн м³, что вполне достаточно для рентабельного использования. Нарращивание улавливания попутного метана необходимо также для предотвращения взрывов на действующих шахтах. Кроме того, добычу метана стоит организовать в уже выработанных шахтах. Таковых месторождений достаточно во всех угольных районах Кузбасса. Содержание германия в углях отдельных месторождений Кузнецкого бассейна достигает 100 г/т (среднее по России – 3–15 г/т). Его извлечение следует осуществлять в качестве побочного производства на теплоэлектростанциях из оставшейся после сжигания углей золы (где естественным образом в 5–10 раз увеличивается концентрация германия по сравнению с исходным углем) и на коксохимических предприятиях из надсмольных вод и смол. В местах добычи и обогащения углей (в районах как действующих, так и неэксплуатируемых разрезов и шахт) остаются огромные объёмы вскрышных и вмещающих пород. Ежегодное накопление вскрышных пород в Кузбассе уже достигает почти 1 млрд т. Их разработка может найти применение в промышленности строительных материалов.

Альтернативным способом вывоза кузнецких углей может стать их переработка в водоугольное топливо с последующей передачей по трубопроводам. Максимальные объёмы перевозок углей в пределах России выявлены нами на участке от Кузбасса до Урала. Проектная мощность углепровода по нашим подсчётам должна составить 30 млн т угля (50–55 млн т ВУТ) в год¹.

Основным направлением развития угольной промышленности Кузбасса должно стать внедрение процессов полукоксования и газификации углей с целью замены использования энергетических углей на электростанциях и котельных полукоксом и угольным газом, что существенно облегчает решение экологических и транспортных проблем. Можно предложить несколько конкретных проектов строительства предприятий глубокой переработки углей (рис. 2.10).

---

¹ Шерин Е.А. Перспективы внедрения углепроводного транспорта в России // Вестник Кемеровского гос. ун-та. Серия: политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4, № 4. С. 441–447.

Рис. 2.10. Рекомендуемые предприятия глубокой переработки кузнецких углей и углепроводы

1 – город с теплостанциями; 2 – завод полукоксования; 3 – цех газификации; 4 – подземная газификация; 5 – завод гидрогенизации; 6 – углепровод (составлено автором)

Дальнейшее рациональное развитие угольной промышленности Кемеровской области требует наращивания торговли готовой продукцией, а не полуфабрикатами или сырьём. В первую очередь целесообразно увеличивать объёмы производства кокса вместо осуществления торговли коксующимися углями. К тому же кокс имеет меньший физический объём, чем уголь, что является ещё одним важным аргументом в условиях загруженности железных дорог. По прогнозам экспертов, в ближайшие 20 лет объём мирового рынка коксующихся углей вырастет не менее чем на 20 %, в связи с чем увеличение производства кокса выглядит обоснованно. Заводы и цеха коксования в Новокузнецке, Кемерово и Заринске, по нашим подсчётам, смогут ежегодно коксовать как минимум 50 млн т углей, выдавая при этом ориентировочно до 40 млн т кокса, около 20 млрд м³ коксового газа и около 2,5 млн т продуктов коксохимии.

Накопленный станцией «Подземгаз» опыт даёт основание говорить о том, что способ подземной газификации должен быть применён прежде всего для отработки маломощных пластов углей и забалансовых их запасов. По нашему мнению, предприятие подземной газификации должно реализовать себя в районе Прокопьевска, так как с точки зрения сырьевого фактора в Прокопьевско-Киселёвском угольном районе распространены отработанные месторождения, и подземная газификация позволила бы использовать не извлекаемый другими способами уголь данных месторождений.

В регионе имеются значительные трудовые ресурсы: планируемое предприятие будет находиться в пределах миллионной Новокузнецкой агломерации. С точки зрения потребительского фактора в непосредственной близости от Прокопьевска находятся теплоэлектростанции Новокузнецка, из которых легче перевести на угольный газ небольшие электростанции, которые уже полностью или частично потребляют газообразное топливо, а именно ТЭЦ Центральную и Новокузнецкую ГТЭС.

Далее предлагаются реанимация и вывод на новые мощности завода полукоксования в Ленинске-Кузнецком и строительство аналогичного завода в Бийске. Крупный завод в Ленинске-Кузнецком будет располагать собственной сырьевой базой в пределах Ленинского угольного района. Потребителями производимой продукции должны стать находящиеся в южной части Кузбасса теплоэлектростанции (Западно-Сибирская и Кузнецкая ТЭЦ, Беловская, Южно-Кузбасская и Томь-Усинская ГРЭС), котельные и промышленные предприятия, нуждающиеся в энергетических углях, такие как Кузнецкий цементный завод. Перевод электростанций и предприятий на более экологически чистое топливо в одном из самых загрязнённых городов России – Новокузнецке – безусловно благоприятным образом скажется на улучшении в нём экологической обстановки. Также возможна реализация полукокса на внутрисоссийском и внешних рынках, что должно вызвать интерес у покупателей из районов с неблагоприятной экологической обстановкой. Начальная (без учёта вывоза за пределы Кемеровской области) проектная годовая потребность в углях для завода полукоксования в Ленинске-Кузнецком, по осуществлённым нами подсчётам, должна составить около 10 млн т углей. Завод в Бийске будет работать на привозном сырье с юга соседней Кемеровской области. Потребителями производи-

мого полукокса будут алтайские теплоэлектростанции (Бийская ТЭЦ, Барнаульские ТЭЦ-2 и ТЭЦ-3, Рубцовская ТЭЦ, ТЭЦ г. Яровое) и котельные. Проектная потребность в углях для завода полукоксования в Бийске, по нашим данным, – не более 3 млн т угля в год. Проблем с трудовыми кадрами возникнуть не должно: и в Ленинске-Кузнецком, и в Бийске доля незанятого экономически активного населения превышает 2 %.

Технологическое переоснащение электростанций для перехода на газообразное топливо логично в электростанциях, уже частично его потребляющих. С целью минимизации коммуникаций для транспортировки газа от мест его получения до мест использования нами предлагается размещать газогенераторы (для газификации углей) непосредственно на теплоэлектростанциях. Так, можно внедрять газогенераторы в качестве дополнительных цехов на теплоэлектростанциях севера Кемеровской (Кемеровская ГРЭС, Кемеровская, Ново-Кемеровская и Юргинская ТЭЦ) и юга Томской (ТЭЦ СХК Северска, Томская ГРЭС-2 и, возможно, Томская ТЭЦ-3) областей. Также возможен переход котельных указанного региона на новый вид топлива.

Возрождение заводов гидрогенизации в промышленных масштабах, по нашему мнению, сегодня нецелесообразно, так как в современной России синтетическое жидкое топливо, получаемое из нефти, имеет существенно меньшую стоимость. Более рационально строительство экспериментального маломощного завода гидрогенизации, что позволит развивать технологию приготовления синтетического жидкого топлива из углей при минимальных вложениях до момента повышения рентабельности технологических процессов гидрогенизации или существенного повышения цен на нефть и газ вследствие истощения их запасов, когда будет эффективно строительство заводов в промышленных масштабах. Оптимальным местом строительства экспериментального маломощного завода гидрогенизации выступает Анжеро-Судженск. Здесь выгодно сочетаются сырьевой, транспортный, водный и трудовой факторы размещения. Вблизи города находится уникальное месторождение барзасских сапромикситов, выход фракции жидких продуктов из которых существенно (в процессе пиролиза до 77 раз) превышает соответствующий показатель для бурых углей. Перегонка ленинск-кузнецких углей (проводимая в СССР в 1940-х гг.) давала в среднем 15 % смолы, черемховских – 9–15, германских – 10, тогда как барзасских

сапромикситов – 25–30 %. Транспортный и водный факторы размещения благоприятны, так как город располагается на Транссибирской магистрали, а проблема водоснабжения решается за счёт протекающей в черте города р. Яя. Рекомендуемые проекты глубокой переработки углей и их альтернативного вывоза имеют общую потребность ориентировочно в 100 млн т в год, что составляет около 45 % от всего объёма добычи кузнецких углей. Таков реальный эффект модернизации угольного цикла производств Кузбасса.

Пример модернизации углепромышленного комплекса Кузбасса показывает возможности модернизации структуры угольного цикла производств Кемеровской области и сопредельных территорий за счёт рационального перераспределения пропорций эксплуатации углей и продуктов их переработки между направлениями цикла. Внедрение перспективных направлений, в том числе глубокой переработки углей и альтернативного их вывоза, будет способствовать повышению рентабельности производств и рациональности добычи, увеличению перечня производимой продукции и добавленной их стоимости, уменьшению количества отходов и улучшению экологической обстановки, решению проблем транспортировки кузнецкой угольной продукции в регионы Западной Сибири и Урала.

2.7. Пространственное развитие Пермского края (на основе идей профессора М.Д. Шарыгина)

Вопросы пространственного развития относятся к ключевым темам современной общественной географии. Они интересны ученым, специалистам-практикам, людям, отвечающим за региональное планирование и управление, широкой общественности, так как касаются самой большой по площади страны на планете, где пространственные проблемы (диспропорции в развитии, неосвоенность или, наоборот, перенаселенность, слабая транспортная связность и пр.) имеют особое значение. Созданная и утвержденная относительно недавно (2019 г.) Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года явилась первым за 30 лет официальным документом, в котором отражены основные особенности неравномерного развития России, а также зафиксирована асимметричность социально-экономического функционирования регионов России. В нем также определены основные пути решения указанных исконно географических проблем.

В то же время, на наш взгляд, Стратегия в своем нынешнем виде носит только программный характер, так как слишком короткий срок ее применения (до 2025 года) не позволяет осуществлять системную политику по преодолению проблем внутренней связности российского пространства и неравномерности развития страны. Кроме того, предлагаемые направления должны быть выверены с точки зрения науки. Для их корректной реализации должны быть четко сформулированы базовые понятия и методологические подходы, найдены соответствующие инструменты и механизмы. Надо отметить, что значительный, хотя и не бесспорный опыт в исследовании проблем пространственного развития накопила общественная география, изучающая вопросы пространственной организации жизнедеятельности населения в территориальных общественных системах (социально-экономических регионах) разного уровня. Среди выдающихся отечественных ученых, чьи исследования посвящены подобным вопросам, выделяются С.С. Артоболевский, В.Л. Бабурин, П.Я. Бакланов, А.Г. Дружинин, Г.М. Лаппо, С.А. Тархов, А.И. Чистобаев, М.Д. Шарыгин и др. В их работах не только проанализированы причины сложившегося пространственного неравенства в пределах России, но также определены теоретико-методологические основы для его преодоления.

Особо обратимся к научному творчеству заслуженного профессора Пермского университета М.Д. Шарыгина, который не раз в своих исследованиях последних двух десятилетий касался вопросов пространственного развития. Профессор сопоставлял их актуальность со становлением новой *пространственно-временной парадигмы*, базирующейся на научных категориях «географическое пространство» и «географическое время». Она, по его мнению, должна быть ведущей (но не единственной), определяющей развитие общественной географии в XXI веке, так как отражает суть географии как науки одновременно фундаментальной и конструктивной. Так, пространственно-временная парадигма позволяет создавать теоретико-методологический базис для выявления закономерностей и особенностей пространственно-временной организации общества, а также фиксировать и объяснять трансформации внутри нее, вызванные

различными колебаниями внутри пространственных структур и систем, случайными и направленными внешними воздействиями¹.

М.Д. Шарыгин отмечал, что «пространственно-временная организация общества рассматривается с трех позиций как процесс, явление и управление. Как процесс она проявляется в постоянном движении и пульсации жизнедеятельности людей в пространстве-времени. При этом необходимо различать процессы функционирования, развития, воспроизводства, размещения и перемещения». Как явление «пространственно-временная организация общества реализуется в форме территориальных общественных систем (ТОС) – формализованных аналогов иерархически структурированных регионов и поселений, в которых протекает повседневная жизнь людей.... Управленческий аспект ... проявляется в процессах саморазвития и самоорганизации, а также регулирующих воздействий со стороны субъектов региональной политики, включая и само население»². Иными словами, определение пространственно-временных тенденций в изменении параметров социально-эколого-экономического функционирования ТОС есть важнейшее условие для формирования эффективной региональной политики на различных уровнях принятия решений, оптимального структурирования единого пространства страны или ее отдельных регионов, решение проблем качества и уровня жизни человека, выхода на новый «качественный» уровень процессов жизнедеятельности населения.

Критически важными для будущего России имеют не только использование понятий, подходов и инструментов пространственно-временной парадигмы для решения вопросов социально-экономического межрегионального неравенства, но и активизации межсубъектного взаимодействия, повышения связности российского пространства, создания новых центров (полюсов) перспективного роста и новых осей развития внутри отдельных регионов России. Все это в полной мере относится и к Пермскому краю.

---

¹ Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Пространственно-временная парадигма в географии // Географический вестник. 2005. №1/2. С. 11–14; Шарыгин М.Д. Современные проблемы пространственно-временной организации общества // Пространственная организация общества: теория, методология, практика: сб. материалы междунар. науч.-практ. конф., 7–11 нояб. 2018 г., Пермь, 2018. С. 41–45.

² Шарыгин М.Д. Пространственно-временная парадигма в общественной географии // Пространственная организация Пермского края и сопредельных территорий: материалы всерос. Науч.-практ. конф., 10–13 нояб. 2008 г. Пермь, 2008. Кн.1. С. 3–8.

Вопросы пространственного развития Пермского края стали особенно активно исследоваться на рубеже XX–XXI вв. в связи с осуществленной реформой по объединению Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа, создания документов стратегического планирования нового региона. Так, в совместной работе Т.В. Букиной, А.М. Коробейникова, В.М. Нечаева и А.Н. Пыткина¹ представлен отдельный параграф, посвященный оптимизации территориального развития. В нем представлены перспективные ареалы и точки роста региона, а также указано на необходимость «особой» политики по отношению к слаборазвитым, депрессивным и кризисным территориям.

Мы должны отметить, что термины «территориальное развитие» и «пространственное развитие» часто используются как синонимы, понимаются тождественными. В то же время представители общественной географии и региональной экономики указывают на различия между ними. Так, С.А. Тархов и А.А. Ткаченко определяют территориальное развитие как совокупность социально-экономических и экологических трансформаций, характерных для конкретной территории, а пространственное развитие – как изменение морфологии строения системы². С другой стороны, Е.Г. Анимица связывает два этих понятия и отмечает, что «региональное развитие включает в себя процессы динамики (в том числе цикличности, стадийности) территориальной структуры хозяйства, населения, процессы изменения территориальных связей (материальных и информационных) и преобразования конфигурации и пространственной структуры как самой территории, так и составляющих ее систем, ареалов и комплексов»³, т.е. территориальные процессы вызывают пространственные преобразования, ровно как и наоборот трансформация в пространственных структурах вызывают изменения территориальных структур и комплексов.

Именно в этом контексте написана в середине 2000-х гг. монография А.А. Климова⁴. По его же инициативе и при непосредственном участии

---

¹ Букина Т.В., Коробейников А.М., Нечаев В.М., Пыткин А.Н. Стратегия социально-экономического развития Пермской области / под общ. ред. д.э.н. А.Н. Пыткина. Пермь, 1999. 80 с.

² Тархов С.А. Представления о территориальном развитии и методология пространственного анализа // География и проблемы регионального развития / Институт географии АН СССР. М., 1989. С. 23–31; Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1995. 155 с.

³ Анимица Е.Г. Региональное управление. Екатеринбург: Изд-во Урал. Гос. экон. ун-та, 2010. 340 с.

⁴ Климов А.А. Пространственное развитие и проблемные территории. Социально-экономические аспекты. М.: КомКнига, 2006. 288 с.

представителей региональной власти и органов местного самоуправления, ученых (в том числе сотрудников кафедры социально-экономической географии Пермского университета: М.Д. Шарыгина, С.А. Меркушева, В.В. Резвых, В.А. Столбова) и бизнес-структур проводится ряд научных форумов и совещаний, призванных определить пространственное будущее нового региона, а также черты и модели его перспективного развития¹. Тематика пространственного развития вошла также и в учебные пособия, использованные в учебном процессе в Пермском государственном национальном исследовательском университете и Пермском филиале Высшей школы экономики².

В этот же период появляются и первые публикации профессора М.Д. Шарыгина, где поднимаются концептуальные аспекты пространственно-временного развития Уральского Прикамья³. В 2008 г., в год 70-летнего юбилея Михаила Дмитриевича, на кафедре социально-экономической географии Пермского университета прошла всероссийская конференция с международным участием «Пространственная организация Пермского края и сопредельных территорий», а также появились соответствующие публикации М.Д. Шарыгина в региональной периодической печати.

В них автор (и его соавторы) отмечал(и), что «функционирование Пермского края происходит в географическом пространстве-времени, отличающемся заметным разнообразием и сочетанием свойств континуальности и дискретности. В соответствии с этим утверждением для региона характерна временная изменчивость, обусловленная ходом развития человеческого общества и эволюцией окружающей природной среды, а также

---

¹ Пространственное развитие Пермского края: проблемы и перспективы: тезисы к докладу для межрегион. конф. по проблемам развития Пермского края, 31 марта 2006 г. Пермь, 2006. 50 с.; Вопросы пространственного развития Пермского края: тематический сборник. Пермь, 2006. 112 с.

² Шарыгин М.Д., Резвых В.В. География Пермского края, ч. 2. – Социально-экономическая география: учеб. пособие / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. 207 с.; Пермский край – территория конкурентного развития: учеб.-метод. пособие / под науч. ред. Т.В. Букиной и Е.Л. Зуевой. Пермь: Изд-во «Астер», 2008. 197 с.

³ Шарыгин М.Д., Назаров Н.Н., Субботина Т.В. Опорный каркас устойчивого развития региона (теоретический аспект) // Географический вестник. 2005. №1/2. С. 15–22; Шарыгин М.Д. Концептуальные аспекты пространственного развития Пермского края // Концепция программы социально-экономического развития Пермского края: материалы науч.-практ. конф., 4 мая 2006 г. Пермь, 2006. С. 8–13; Шарыгин М.Д., Резвых В.В., Телепнев А.А. Транспортный каркас пространственного развития Пермского края // Пространственная организация Пермского края и сопредельных территорий: материалы всерос. науч.-практ. конф., 10–13 нояб. 2008 г. Пермь, 2008. Кн. 1. С. 191–196.

пространственная неравномерность. Кроме того, континуальность планетарного и общероссийского пространства обуславливает развитие Пермского края в составе единой мировой и национальной (территориальных) общественных систем (ТОС). Одновременно в Пермском крае формируется индивидуальное пространство, в котором развиваются разнообразные компоненты хозяйства и все сферы жизнедеятельности людей... Эти особенности развития Уральского Прикамья необходимо использовать в практике региональной политики»¹.

В дальнейшем М.Д. Шарыгин поясняет, что «пространственное развитие должно осуществляться на основе создания опорного каркаса расселения, который должен развиваться и организовываться совместно с экологическим каркасом территории»². По мнению ученого, этот каркас должен основываться на трех «китах»:

1) регион в пространстве окружения, что означает, что Пермский край – это не изолированная система. Следовательно, необходимо создавать оси пространственного развития, которые бы пронизывали его территорию и выходили в соседние регионы;

2) внутренний каркас, обеспечивающий внутреннюю устойчивость социально-экономического развития. Этот каркас включает транспортные коридоры (коридоры коммуникаций) и полюса роста – города, создающие «остов» жизни региона;

3) эффективная территориальная организация населения и экономики, формирование оптимальной модели управления внутренним развитием региона, в том числе на основе административных социально-экономических округов, повышающих самостоятельность органов местного самоуправления и способствующих координации действий соседних муниципалитетов по решению проблем жизнедеятельности населения.

Учитывая указанные положения, высказанные М.Д. Шарыгиным в 2000-е – 2010-е гг., охарактеризуем собственное видение тенденций пространственного развития Пермского края, а также определим направления

---

¹ Шарыгин М.Д., Лучников А.С. Концептуальные основы пространственного развития Пермского края для реализации целей региональной политики // Индустриальная цивилизация: прошлое или будущее России?: материалы III Пермского конгресса ученых-экономистов, 17 февр. 2017 г. Пермь, 2017. Т. 2. С. 93 – 98.

² Гилева И. Географические сны // Звезда (газ.). 2007, 8 февр. С. 3.

преодоления проблем социально-экономического и географического неравенства, характерных для внутреннего развития региона.

Пространственное развитие Пермского края происходит в двух плоскостях: экзогенной (внешней) и эндогенной (внутренней). Экзогенное развитие реализуется в структуре социально-экономического пространства страны. Оно проявляется в уникальности местоположения региона и особенностях его позиционирования в пространстве России. Эндогенное развитие – это пространственное развитие самого Пермского края. Оно выражается в функциональной организации краевого пространства, процессах его сжатия или расширения.

Общественно-географическое положение региона можно рассматривать как на макро-, так и микроуровнях. *Макрогеография определяет положение* Уральского Прикамья относительно крупных территориальных систем: материка, страны, ее дальних и ближних соседей, крупных частей, например, Сибири, Центральной России или Урало-Поволжья (рис. 2.11). Среди черт макроположения можно обнаружить те, которые имеют позитивные последствия, так и те, которые формируют внешние барьеры для развития.

Обозначим некоторые из них:

1. Пермский край – это северный регион, а Пермь – после Санкт-Петербурга самый крупный северный город мира. Уральское Прикамье расположено в высоких широтах. На половине пути между Соликамском и Чердынью проходит 60-я параллель, которая во всем мире считается физико-географической границей Севера Евразии. В то же время южные районы края относятся к основной полосе расселения России, делая регион в этом отношении контрастным. Можно заключить, что он находится на северной окраине расселенческого «треугольника» страны. С этим связана и относительно меньшая физическая плотность населения региона – 16 чел./кв. км, что меньше, чем в Приволжском федеральном округе в среднем (25), но больше, чем в России (8 чел./кв. км).

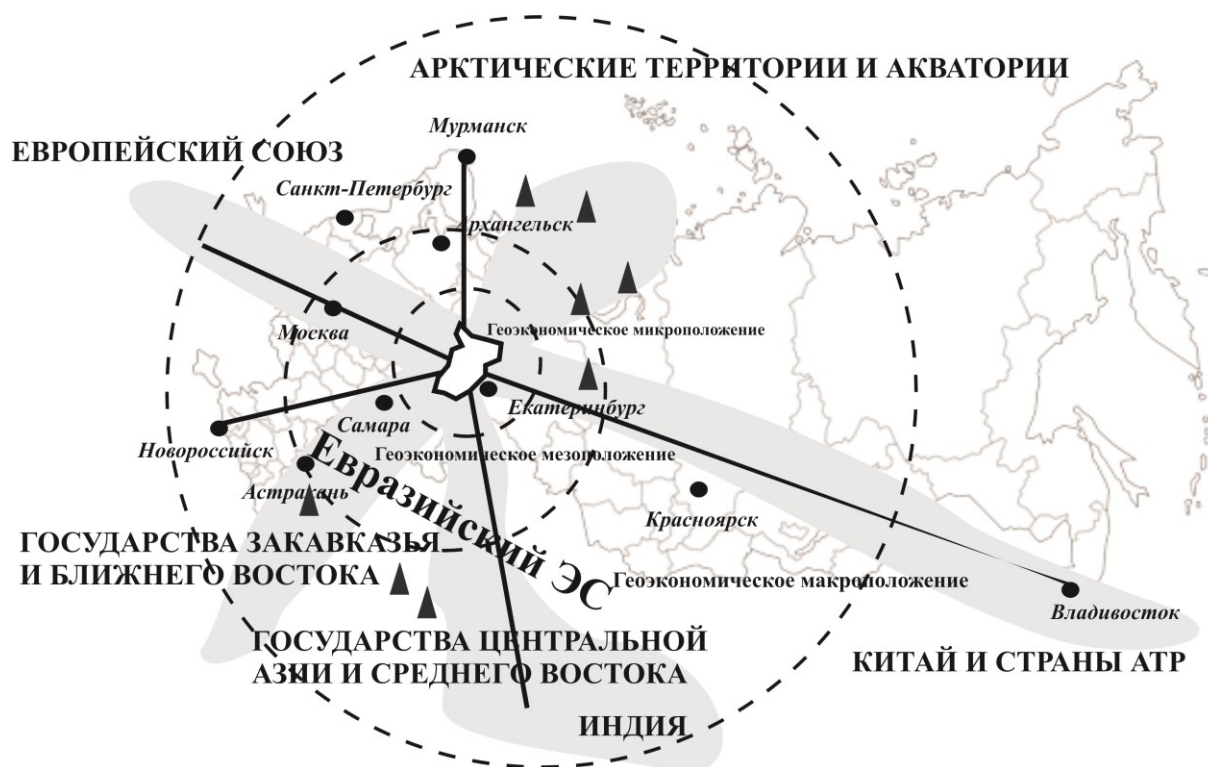

Рис. 2.11. Геостратегическое макроположение Пермского края

Северность Пермского края имеет множество других последствий для его социально-экономического развития, а также здоровья и качества жизни людей. Отметим, что преодоление северности возможно, но за счет больших финансовых и физических затрат.

2. Пермский край – это внутриконтинентальный регион, расположенный на значительном (более 1000 км) расстоянии от Мирового океана, что также имеет свои, прежде всего, экономические последствия. Ближайшим к Пермскому краю является Белое море с портом Архангельск, который является замерзающим. Прямая трасса до этого порта отсутствует, делая его невыгодным для экспортных поставок из региона. Астраханский порт расположен на Каспийском море (озере); может использоваться только для перевозок в ограниченное количество стран. До портов на Балтийском море (Санкт-Петербург, Усть-Луга и др.) – около 1500 км. Еще больше до южного порта Новороссийск и других черноморских пристаней, деятельность которых ограничена в современных внешнеполитических условиях. Тем более далеко до портов на Тихом океане. Все это увеличивает транспортные затраты хозяйствующих субъектов, повышает себестоимость прикамских товаров, делая их менее конкурентоспособными. Кроме того, балтийские порты, как и черноморские, сегодня имеет ограниченные возможности

для работы в связи с внешним давлением. Кроме того, отметим, что внутриконтинентальность влияет на природно-климатические характеристики, усиливая эффект северности.

3. Пермский край – это периферийный или глубинный регион России. Он располагается на крайнем северо-востоке Приволжского ФО, не имея устойчивых транзитных связей с частью своих соседей. Физическое расстояние до Центральной России и столицы Москвы не такое большое (около 1200 км), но это намного больше, чем между любыми из европейских столиц. Периферийное положение снижает все социально-экономические и имиджевые характеристики Уральского Прикамья, влияет на ментальность жителей, образ и качество жизни людей. Так, не секрет, что внутренние (периферийные) регионы отличаются более консервативными моделями развития, более медленным внедрением нововведений и осознанием важности перемен.

Другой ряд пространственных характеристик Пермского края связан с его *общественно-географическим микроположением*. Оно определяется через отношения, возникающие между нашим регионом и его соседями 1-го порядка. Прежде всего, надо сказать, что ушли в прошлое те времена, когда Пермь была крупнейшим городом между Волгой и Уральскими горами. В советское время отчетливо проявились тенденции к стимулированию развития Свердловска (Екатеринбурга), который рассматривался как передовой социалистический город, административный, промышленный и научный центр Урала. В результате Пермь потеряла свои лидерские позиции. Ситуация не изменилась и в настоящее время. Пермский край значительно уступает Свердловской области по большинству показателей социально-экономического развития. Другими крупными конкурентами Перми в социально-экономическом отношении являются Казань, Уфа и Самара. Все активнее проявляют себя Тюмень и Ханты-Мансийск. Нахождение между указанными городами и регионами сокращает наши возможности в борьбе за государственные заказы, инновационные проекты, инвестиционные вложения, культурные и спортивные мероприятия.

Среди позитивных черт макрогеографического положения региона следует отметить нахождение Пермского края на путях транзита «запад – восток» и потенциально «север – юг». Особенное значение имеют широтные транспортные коридоры в виде двух веток Транссиба и федеральных автомобильных трасс, магистральных трубопроводов. В том числе весьма

перспективным становится включение региона в проект Северного широтного коридора – автомобильной дороги от Перми через Чусовой, Нижний Тагил, Ивдель на Ханты-Мансийск, Нижневартовск и Томск¹. Она соединит Средний Урал со Средней Сибирью, став важной линией укрепления системы расселения и хозяйствования в Азиатской России. Более того, транзитное положение региона в широтном отношении подразумевает возможное его участие в транспортно-экономических перевозках трансевразийского проекта «Один пояс – один путь». Считаем это направление не только возможным, но и верным с точки зрения геоэкономических и геополитических перспектив.

С другой стороны, *геометрическая фигура Пермского края*, внешне напоминающая трапецию, значительно ограничивает выгоды его северных территорий от транзита «запад-восток», так как линии прохождения полимагистралей тяготеют к южным районам региона. В будущем Пермский край должен стать не только транзитным в широтном отношении, но и в меридиональном. Сегодня здесь есть ряд ограничений, выражающихся в тупиковости транспортных линий на севере, отсутствии надежного транспортного перехода между Пермским краем и Республикой Коми и слабости Камского речного коридора.

Активизация меридионального транзита необходима как для стимулирования внутрирегиональных связей на севере региона, так и для решения внешних задач. Можно отметить, важность сближения ресурсной базы Европейского Севера (нефть и газ, бокситы, запасы титановых руд, др.) с промышленными ареалами Урала, которые испытывают явный недостаток в отдельных видах сырья. Для Пермского края, например, крайне важно иметь выход к Тимано-Печорской и Баренцевоморской нефтегазовым провинциям в связи с постепенным истощением запасов Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Прокладка трубопроводов в северном направлении может сопровождаться активизацией перетоков электроэнергии по крупным ЛЭП (важно для удаленных районов обоих соседних регионов), а также строительством новой федеральной автомобильной трассы в северном направлении.

Необходимость усиления южного направления транзита можно объяснить активизацией евразийских контактов России, строительством

---

¹ Шарыгин М.Д. Позиционирование Пермского края в социально-экономическом пространстве Российской Федерации // Географический вестник. 2014. №4. С. 22–28.

Евразийского экономического союза, важностью инфраструктурных, экономических и культурных связей с Центральной Азией и потенциальным выходом в Иран, к берегу Тихого океана.

Таким образом, преодоление негативных внешних пространственных характеристик Пермского края возможно за счет активизации развития транспортно-экономических связей, участие в строительстве новых транспортных коридоров, расширении роли авиационного транспорта, что особенно значимо в пределах Российской Федерации, а также улучшения внутренних социально-экономических черт развития, совершенствования модели внутреннего пространственного развития.

Внутреннее развитие Пермского края также происходит под влиянием как негативных, так и отдельных позитивных тенденций.

В настоящее время в Пермском крае, как и в подавляющем большинстве иных регионов России, *происходят процессы внутреннего сжатия*, прежде всего, за счет сокращения обжитых, освоенных, экономически активных земель. В результате возрастает контрастность между центром и периферией, усугубляется обезлюдения отдельных ареалов, гипетрофированно развивается Пермская городская агломерация.

Особенно тревожная ситуация в крае сложилась в сельской местности в связи с депопуляционными процессами, значительным сокращением числа сельских населенных пунктов (рис. 2.12) и сокращением экономической деятельности в сельском и лесном хозяйствах. Можно отметить, что за период с 1991 г. по 2020 г. в регионе выбыло из эксплуатации значительное количество сельскохозяйственных земель (с 1834,7 до 733,3 тыс. га). «Опустынивание» сельской местности сопровождается образованием в краевом пространстве разрывов, которые заполняются природными компонентами и становятся звеньями природно-географического пространства.

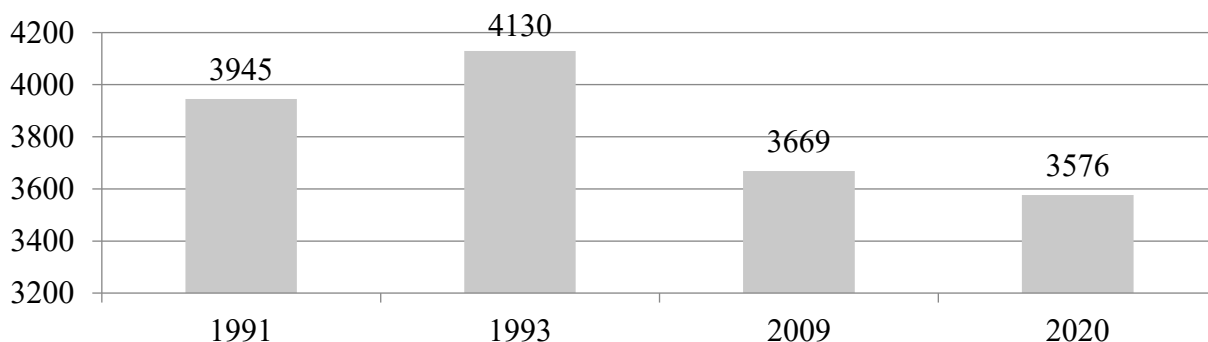
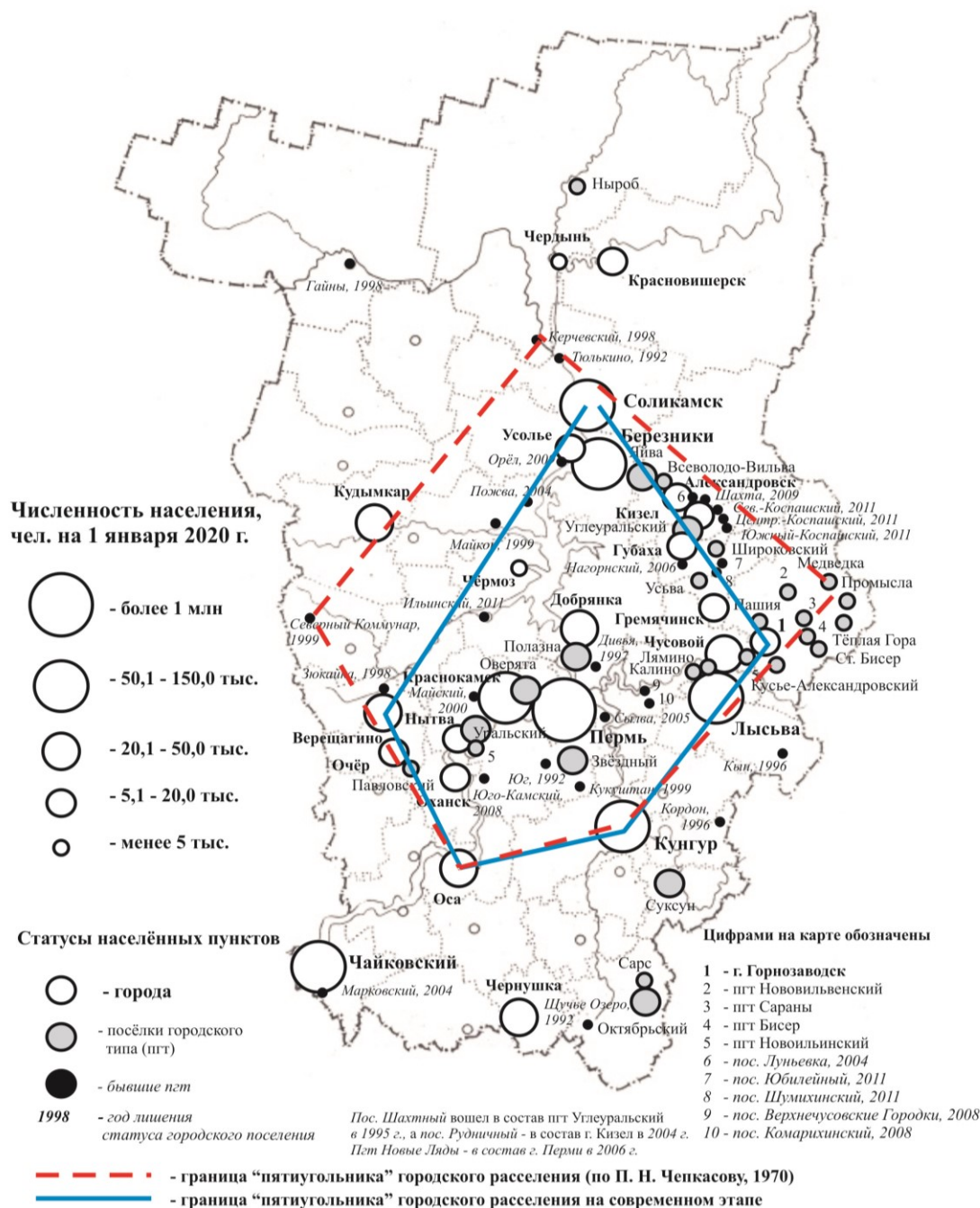

Рис. 2.12. Общее количество сельских населенных пунктов Пермского края, ед.

Сжатие происходит и в городском расселении. Так, городской «ромб» Пермского края значительно уменьшился в размерах по сравнению с концом 1970-х – началом 1980-х гг. (пиковые показатели урбанизированности), что можно связать с депопуляцией всех городов Пермского края, ликвидацией или переводом ПГТ в категорию сельских поселений. Его вершинами теперь являются города Соликамск, Верещагино, Оса, Кунгур и Горнозаводск (рис. 2.13).

Рис. 2.13. Городские населенные пункты Пермского края (2020 г.)
(по С.А. Меркушеву и А.С. Лучникову)

В течение 1989–2020 гг. численность населения уменьшилась во всех 25 городах региона. Наиболее сильно – в поселениях Горнозаводского Прикамья: Кизеле (сократилась на 63,2 %), Гремячинске (на 61,1 %), Губахе (на 48,2 %) и Александровске (на 40,5 %), а также в Чёрмозе (на 44,7 %). Потери населения в центре Верхнекамской группы поселений – г. Березники – составили за этот период 30,8 %¹.

В группе городов с убылью населения от 20 % и более – Горнозаводск, Красновишерск, Кунгур, Лысьва, Чердынь, Чусовой, промышленные центры, которые имели ранее важное значение на севере и востоке региона. Менее всего депопуляция 1989–2020 гг. затронула краевой центр (-3,3 % населения), город – спутник Березников – Усолье (-2,9 %), организующий центр на юго-западе – г. Чайковский (-7,3 %), а также часть городов в составе Пермской агломерации (Добрянка, -9,2 %; Краснокамск, -8,9 %) и единственный город в составе Коми-Пермяцкого округа – Кудымкар (-9 %)².

Разрушилась плотности «городских линий» вдоль правого берега р. Камы и Камского водохранилища (севернее Перми), Горнозаводской железной дороги и ее Луньевской ветки, появлением на северной, западной и юго-восточной периферии региона новых ареалов без городских поселений (Гайнский, Юсьвинский, Сивинский, Кишертский муниципальные округа). Нет городских населенных пунктов в настоящее время и в Пермском муниципальном округе.

В то же время в регионе происходит уплотнение городского населения в краевом центре, что негативно сказывается на иных процессах социально-экономического развития региона и его отдельных муниципалитетов, прежде всего на возрастании неравенства между городами с большим и малым населением, муниципальными образованиями с наличием и отсутствием городских пунктов. Еще в конце 1960-х гг. Пермь концентрировала только 26 %, то в 1986 г. уже 35 %, то в настоящее время никакого городского конкурента у Перми нет. Второй по величине город Пермского края – Березники – это только 5 % населения региона.

---

¹ Официальный сайт Пермьстата. <https://59.rosstat.gov.ru/>

² Лучников А.С., Меркушев С.А. Трансформация городского расселения и урбанизация Пермского края в XX–XXI вв. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Том.2. № 4. С. 123–143.

Сжатие городского пространства характерно не только для центра региона, но и для отдельных городов периферии и полупериферии, «собирающих» население со своих окрестностей (Кудымкар, Кунгур, Чайковский), что приводит к сокращению населенного пространства вокруг них. В результате всех этих процессов происходит упрощение территориальной структуры расселения населения Пермского края, а вслед за этим – территориальной организации экономики, инфраструктуры, культурной и политической жизни.

Для сглаживания внутренних диспропорций и придания устойчивости пространственному развитию Пермского края необходимо официальное закрепление (легимитизация) в документах территориального планирования опорного каркаса развития (ОКР), представляющего собой пространственное сочетание городов, соединенных «коридорами» (транспортными коммуникациями).

Структурный каркас Уральского Прикамья изначально формировался под влиянием р. Камы и ее притоков. На Каме располагаются региональное ядро ОКР – Пермская городская агломерация, Березниковско-Соликамская промышленная агломерация и юго-западные ворота края – г. Чайковский. Пермь занимает центральное положение в пространстве региона. Радиальными лучами от нее исходят планировочные оси – полимагистралы федерального и регионального значения, количество и длина которых в будущем должна существенно увеличиться. Наряду с камской речной сетью городских и сельских поселений в крае сформировалась вторая ось поселений в Горнозаводском Прикамье, объединяемая сухопутными путями (железными и автомобильными дорогами). Опорный каркас расселения Пермского края в форме камской и горнозаводской осей дополняются двумя широтными коридорами вдоль железных дорог Москва – Пермь – Екатеринбург и Казань – Чернушка – Екатеринбург.

Помимо линейных объектов в ОКР присутствуют города, являющиеся опорными точками развития региона. Условно их можно разделить на: 1) обеспечивающие межрегиональное взаимодействие и внутрирегиональное функционирование; 2) центры внутрирегионального развития.

Среди первых сегодня мы можем выделить Верещагино, Кунгур, Чусовой и Чайковский, находящиеся на федеральных или региональных автомобильных, железных дорогах, имеющих общегосударственное значение. Ко второй категории относятся остальные городские поселения региона. К сожалению, имеющийся потенциал для формирования межрегиональных направлений взаимодействия у Соликамска, Березников, Кудымкара, Чернушки и Лысьвы не реализуется в связи с отсутствием требуемых транспортных коридоров.

Указанные особенности и проблемы современного ОКР Пермского края могут стать основой для принятия решений по его оптимизации с помощью инструментов территориального планирования. Перспективная структура ОКР отражена на рис. 2.14.

Рис. 2.14. Перспективный опорный каркас развития Пермского края (по М.Д. Шарыгину, А.С. Лучникову)

При обозначении новых и расширении существующих планировочных осей края должны быть учтены параметры региона. В соответствии с ними широкие возможности Прикамью краю предоставят восемь транспортных коридоров:

- юго-западный (на Ижевск);
- западный (на Киров);
- северо-западный (на Сыктывкар);
- северный (на Ухту);
- северо-восточный (на Ханты-Мансийск);
- восточный (на Нижний Тагил);
- юго-восточный (на Екатеринбург и Челябинск);
- южный (на Уфу).

В качестве опорных точек роста, расположенных на основных планировочных осях региона в пределах полупериферии и периферии региона, должны быть закреплены Соликамск и Березники (на севере), Кудымкар (на северо-западе), Верещагино (на западе), Чайковский (на юго-западе), Чернушка (на юге), Кунгур (на юго-востоке), Лысьва и Чусовой (на востоке), Губаха (на северо-востоке). Вокруг них и между ними можно ждать появления цепочки опорных точек второго порядка (например, Юго-Камский, Оса, Кукуштан, Добрянка, Нытва и пр.), развитие которых будет направлено на усиление внутренней связности Пермского края в условиях демографического сжатия. Все это позволит сделать географическое пространство Пермского края более сбалансированным, а также решить проблему гипертрофированного развития Перми путем переноса из регионального центра на полупериферию непрофильных функций, а также реализации новых перспективных социально-экономических проектов, обновление старых и появления новых пропульсивных, стимулирующих функций (инновационно-промышленных, транспортно-логистических, научно-образовательных, культурных, финансовых, туристско-сервисных, рекреационных, управленческих и т.д.) у предложенных опорных полюсов развития.

Так, Березниковско-Соликамская агломерация должна стать базовой площадкой не только для успешного развития всего Верхнекамья, но и транспортным узлом, связывающим Урало-Поволжье с Европейским Севером. Должна измениться и функциональная структура ее промышленного

комплекса за счет появления технологий редкоземельной металлургии, современных титаномагниевого производств, утилизационных процессов в основной химии и лесопромышленном комплексе¹. Дополнительным фактором развития станут историко-культурный и природно-ориентированный туризм и сопутствующие ему сферы. Стимулирующий эффект должны оказать наука и образование.

Для городов в составе Горнозаводского Прикамья важное значение должны иметь дальнейшие процессы трансформации их функциональной структуры, основанные на тенденциях ре-, нео- и постиндустриализации². Активизация новых видов деятельности может быть связана с усилением лесо- и металлообработки, иных направлений в рамках территории опережающего социально-экономического развития «Чусовой», модернизацией технологий машиностроения, завершением верхних стадий в газохимическом производстве. Постиндустриализация должна опираться на использование индустриального и историко-культурного наследия территории, совершенствование основных фондов в здравоохранении и культуре. Кроме того, создание на территории бывшего Кизеловского угольного бассейна научно-исследовательского центра по мониторингу поверхностных вод (или его филиала) позитивно скажется не только на качестве жизни человека, но и на сокращении темпов выезда трудоспособного населения. В транспортном отношении Горнозаводское Прикамье должно выполнить свою миссию посредника между севером, центром и юго-востоком региона. Способствовать этой функции будет новая автодорога Губаха – Кунья (Добрянский городской округ).

Перспективное пространственное развитие предполагает превращение Кунгура, как организационного ядра всего юго-востока региона, в крупный полифункциональный центр, кооперирующийся вместе со своим

---

¹ Лучников А.С., Николаев Р.С. Территориальное планирование промышленных комплексов (на примере Березниковско-Соликамского промышленного узла) // Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-деинтеграционных процессах: материалы междунар. науч. конф. Пермь, 2017. С. 384–391.

² Лучников А.С., Лядова А.А., Меркушев С.А., Николаев Р.С. Горное Прикамье: современные функциональные трансформации в муниципальных образованиях // Известия РАН. Сер. географ. 2023. Т.87. №7. С. 992–1004.

сельским окружением¹. Основу его экономики должны составить сервисные виды деятельности, а прежде всего, реализующие его туристско-рекреационные возможности, а также стимулирующие основные руральные виды деятельности, их сочетания с пищевой промышленностью. Развитие иных видов индустриальной деятельности можно связать с выгодами транспортно-географического положения юго-восточной части региона. Субцентрами развития должны стать Кукуштан (между Пермью и Кунгуром), Берёзовка (между Лысьвой и Кунгуром), Суксун (между Кунгуром и Екатеринбургом).

Опорный центр юго-запада Пермского края – г. Чайковский – наиболее ориентирован на межрегиональные интеграционные связи с регионами Поволжья. Он должен оставаться важным с точки зрения развития отраслей промышленности с высокой добавленной стоимостью². Город также может позиционироваться как важный транспортный, спортивно-туристский, культурный и научно-образовательный центр федерального значения. Промежуточное положение должны иметь города Оса (внутрирегиональный центр роста по направлению к Перми, находится на берегу р. Камы), Чернушка (по направлению к Екатеринбург), село Барда (по отношению к Кунгуру).

Опорный центр западной части края г. Верещагино характеризуется расположением на окраине Пермской городской агломерации. Развитие этой части региона должно опираться на тенденции развития центрального ареала Уральского Прикамья, федеральную автодорогу М7 и Транссибирскую магистраль. Необходимо сделать все, чтобы еще сильнее связать Пермь и Верещагино, сделав последний транспортно-логистическим узлом региона. Согласно схеме ОКР, через город проходит не только широтная полимагистраль по направлению к Кирову, но и меридиональный коридор Сыктывкар – Кудымкар – Верещагино. К городу подходит западное крыло «Южного обхода г. Перми» (новая железная дорога, призванная разгрузить

---

¹ Лучников А.С., Меркушев С.А., Николаев Р.С. К вопросу о трансформации территориально-функциональной структуры среднего города (на примере Кунгура) // Устойчивое развитие социэкономике регионов: материалы всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2012. С. 133–139.

² Лучников А.С. Чайковский промышленный центр: роль в территориальной организации регионального промышленного комплекса // Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования: материалы междунауч. конф. в рамках X науч. ассамблеи Ассоциации рос. географов-обществоведов (АРГО). Казань, 2019. С. 238–242.

краевую столицу). Развитие транспорта будет не только определять функциональные трансформации города, но и влиять на появление смежных видов деятельности.

Неотъемлемым компонентом пространственно-временной структуры Пермского края является Коми-Пермяцкий округ, остающийся особой административно-территориальной единицей региона. Округ имеет узкую производственную специализацию, связанную с лесозаготовками и агропроизводством. Для исправления ситуации следует разработать отдельную программу социально-экономического развития округа, учитывая проблему активного сжатия его пространства¹. Округ должен получить возможность быстрого сообщения как с Пермью (новый участок дороги через Чёрмоз и Ильинский), так и Сыктывкаром (через Гайны). Кудымкар должен оставаться важным организационным, хозяйственным и социально-культурным ядром на северо-западе Пермского края. Среди перспективных направлений – реализация этнокультурного потенциала, развитие лесобработки и утилизации отходов лесопромышленной деятельности, выпуск пищевых продуктов и напитков.

Кроме того, для более эффективного использования модели ОКР необходимо использовать горизонтальные связи между соседними муниципальными образованиями и вертикальные связи между муниципалитетами и региональными органами власти. Обеспечить это взаимодействие помогут управленческие (другие названия – муниципальные, хозяйственные) округа, о создании которых много писал профессор М.Д. Шарыгин в 2000-е гг.² Свободное общение между главами муниципальных образований, обсуждение общих проблем или проектов совместного развития, координация позиции в отношениях с региональными и бизнес-структурами – все это актуально и сегодня, а значит, следует предусмотреть официальное утверждение указанных округов в Схеме территориального планирования Пермского края на базе имеющихся ассоциаций муниципальных образований. В результате районирования на территории Пермского края выделены следующие управленческие округа: Центральный (Пермский),

---

¹ Лучников А.С., Шарыгин М.Д. Пермский край: социально-экономические последствия объединения // География в школе. 2016. №2 С. 3–17.

² Шарыгин М.Д., Резвых В.В., Столбов В.А., Субботина Т.В. Проблемы формирования межмуниципальных образований Пермского края // Административно-территориальные реформы России: к 225-летию учреждения Пермского наместничества: материалы межрег. науч.-практ. конф. Пермь, 2006. С. 131–134.

Северный (Верхнекамский), Горнозаводской, Юго-Восточный(Кунгурский), Южный (Чайковско-Чернушинский), Западный (Верещагинский) и Коми-Пермяцкий.

Наконец, эффективное использование модели ОКР в пространственном развитии Пермского края невозможно без использования инструментов позиционирования региона в российском пространстве. Необходимо создание позитивного образа региона, выполняющего интегрирующую функцию и усиливающего контакты с ближними и дальними соседями, преодоление негативных образов периферийного региона, а также возрождение Камского речного пути (бренды «Кама– транспортная артерия» и «Пермь – порт пяти морей»)¹, утверждение инновационно-информационного (в противоположность ресурсно-промышленному) имиджа региона. Кроме того, Пермский край должен стать важным туристским-сервисным и культурным ядром в пределах России. Все эти компоненты перспективного позиционирования региона в географическом пространстве страны соотносятся с обозначенными нами выше направлениями функциональных трансформаций опорных точек развития ОКР.

В завершении отметим, что в работах М.Д. Шарыгина заложены теоретико-методологические и прикладные аспекты изучения пространственно-временной организации Пермского края. Использование его идей позволяет расставить приоритеты и выявить перспективные направления оптимизации модели пространственного развития региона. В последствии они могут быть отражены в Схеме территориального планирования Пермского края, а также реализованы через различные мероприятия региональной политики. Труды профессора М.Д. Шарыгина опередили время, а предложенные им мысли мы будем использовать для решения конкретных задач в течение следующих десятилетий.

---

¹ Шарыгин М.Д. Пермский край: проблемы пространственного развития // Географический вестник. 2018. № 2(45). С. 50–62.

2.8. Теоретико-методологическое наследие М.Д. Шарыгина в изучении трансформации городов Прикамья

Пермская географическая школа, созданная почти полвека назад Михаилом Дмитриевичем Шарыгиным, имеет ряд фундаментальных направлений, которые активно развиваются сегодня учениками и последователями своего научного наставника, к которым с гордостью причисляют себя авторы этой статьи. Среди разнообразных аспектов территориальной организации общества Михаил Дмитриевич особое внимание уделял теории и методологии географических исследований различных видов деятельности, особенно структурной и пространственной трансформации промышленного производства; территориальной организации населения и изменениям рисунка системы расселения; вопросам повышения уровня и качества жизни населения и развития человеческого потенциала территории. Эти и многие другие аспекты жизнедеятельности общества Михаил Дмитриевич рассматривал как с позиции метагеографии, предлагая теоретические и абстрактные модели их изучения, так и на прикладном (конструктивном) уровне, уделяя большое внимание вопросам прогнозирования и управления социально-экономическим развитием регионов.

В ряде научных интересов профессора М.Д. Шарыгина особое место занимают разработки концептуальных основ исследования территориальной организации общества. Глубоко и всесторонне проработана теория о территориальных социально-экономических системах (ТСЭС), которая нашла применение в изучении различных географических объектов¹. Использование ТСЭС в качестве концептуальной модели при диагностике состояния конкретной территории подчеркивает важность взаимосвязанности и взаимообусловленности экономической и социальной сфер. Эти идеи дали основания для развития новой парадигмы территориального управления – региональной социоэкономики, которая нашла развитие в обосновании региональной политики Пермского края и сопредельных регионов² и др.

---

¹ Шарыгин М.Д. Эволюция учения о территориальных общественных системах // Географический вестник. 2006. № 1(3). С. 4-13.

² Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д., Балина Т.А. Региональная и муниципальная социоэкономика. Учебное пособие. Пермь: Пер. гос. нац. исслед. ун-т, 2017. 219 с.; Сухих В.А., Урасова А.А. Стратегическое планирование в пространстве промышленных регионов: оценка и перспективы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 7-1. С. 193–196.

«Красной нитью» сквозь развитие концепции социоэкономики проходит идея о том, что успехи экономического развития регионов любого ранга необходимо оценивать не только через сугубо экономические показатели (рост валового регионального продукта, повышение производительности труда и пр.), а через показатели, отражающие качество жизни населения, его благополучие, безопасность, стабильность демографически процессов и т.д. Усиление социальной ориентации географических исследований «подтолкнули» представители смежных наук, в частности, региональной экономики, к переносу акцентов на пространственные особенности и различия качества жизни населения. И в этом процессе немалую роль сыграло творческое взаимодействие профессора М.Д. Шарыгина с учеными разных направлений¹ и др.

Дальнейшее развитие учение о ТСЭС и концепции социоэкономики планомерно привело к обоснованию более сложной по содержанию теоретико-методологической модели – «Территориальная общественная система» (ТОС), которая отражает все грани жизнедеятельности социума, включая духовный потенциал, поведенческие аспекты, традиции, качественные характеристики и образ жизни населения. Такой широкий подход к исследованию общественных процессов и явлений привел, в свою очередь, к трансформации социально-экономической географии в общественную. «Становление общественной географии происходит в процессе интеграции экономической, социальной, политической, культурной, рекреационной, поведенческой географии. Синтез дисциплин общественного «крыла» географической науки является ответом на вызов современности, на социальный заказ научного обоснования путей совершенствования территориальной организации общества и повышения благосостояния населения»².

Сторонники концепций ТСЭС и ТОС успешно применяют их для изучения не только регионов, но и городов, реализуя геосистемный подход³. Поскольку в данной статье особое внимание уделено трансформации си-

---

¹ Анимиа Е.Г. Пространственно-временная парадигма в социоэкономике: региональный аспект / Анимиа Е.Г., Сухих В.А. Пермь: ПГУ, 2007; Кошечев Д.А., Миролюбова Т.В. Оценка взаимовлияния региона и индустриального кластера: системно-пространственный подход // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2022. Т. 17. № 2. С.161–184.

² Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Тенденции становления отечественной общественной географии: теоретико-методологические аспекты // Географический вестник. 2006. № 2 (4). С. 4–10.

³ Бакланов П.Я., Мошков А.В. Городская агломерация как интегральная урбанизированная геосистема // Тихоокеанская география. 2022. № 4. С. 29–37.

стемы городских поселений Пермского края, подчеркнем, что данные модели оказались не только всеобъемлющими, но и весьма удобными для диагностики состояния малых городов Прикамья, выявления проблем развития и поиска путей их решения.

ТСЭС и ТОС – это не только структурные модели, описывающие подсистемы города, но это и модели функциональные, которые позволяют рассматривать сложные связи между всеми элементами и иерархическое соподчинение городов, их место и роль в системе более высокого ранга. Являясь локальной системой, город входит в региональную систему расселения, участвует в территориальном разделении труда, оказывает влияние на все социально-экономические процессы собственно региона и его сопредельных территорий.

Ядром ТСЭС и ТОС является территориальная общность людей (ТОЛ), под которой понимается «локализованная в географическом пространстве-времени совокупность людей, проживающая на единой территории и тесно взаимосвязанная множеством социально-экономических, культурных, политических и иных отношений»¹ (с. 153). В качестве синонима данной категории в общественной географии также применим термин «социум», что отражает междисциплинарность и сложность исследуемых вопросов. «Для ТОЛ характерна множественная структура, появляющаяся в социально-групповом, профессиональном, демографическом, этническом, территориальном и других ракурсах»² (с. 160). Поэтому рассматривая городские поселения как ТОС, в первую очередь обращаем внимание на её ядро – людей, все аспекты их жизнедеятельности и поведения, включая проблемы воспроизводства (в том числе демографического), сохранение трудового и интеллектуального капитала, повышение уровня региональной самоидентификации и самоорганизации населения.

Таким образом, изучение особенностей жизнедеятельности населения в границах ТОЛ, его поведение, самоорганизация, менталитет прочно закрепились в работах учеников М.Д. Шарыгина³ и др.

---

¹ Шарыгин М.Д. Пространственно-временная парадигма в общественной географии //Избранные труды. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2018. С.149–154.

² Шарыгин М.Д. Эволюция учения о территориальных общественных системах // Географический вестник. 2006. № 1(3). С. 4–13.

³ Балина Т.А., Шарыгин М.Д., Пономарева З.В. Территориальная общность людей как пространственная форма организации жизни населения // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. сборник научных статей. 2016. С. 66–74; Шарыгин М.Д., Осоргин К.С. Территориальная основа организации местного сообщества // Вестник Балтийского Федерального университета им.

Города Прикамья: урбанизация или дезурбанизация?

Обозначенные теоретико-методологические основы (и, что особенно важно, геосистемный подход) нацеливают на рассмотрение системы городских поселений Пермского края как комплекса взаимосвязанных элементов, деградация одного из которых (например, «сбой» производственной функции) провоцирует мультипликативный эффект со знаком «минус» и влечет за собой кризис остальных сфер, в том числе социальной, экологической, демографической. В данной работе нашел реализацию пространственно-временной подход, который обосновал необходимость выделения этапов трансформации системы городских поселений и ее территориальной специфики.

Процессы урбанизации в Пермском крае имеют довольно «бурную» историю, которая вписывалась в глобальные и общестрановые процессы индустриализации, роста городских агломераций, кардинального изменения системы расселения, зачастую «насильственного» навязывания атрибутов городского образа жизни. Все это непосредственно отразилось на рисунке поселений региона. Уже к середине прошлого века Пермская область стала высоко урбанизированным регионом с целым комплексом городских поселений, включающих и поселки городского типа. Официально принято считать, что доля городского населения на начало нового века составила три четверти, этот показатель стабилизировался и не подвергался каким-либо значимым изменениям в дальнейшем. Но, как показали исследования, процессы урбанизации являются многовекторными и весьма непредсказуемыми. Так, утрата рядом сельских поселений своих традиционных функций, «врастание» некоторых из них в Пермскую агломерацию, привел к тому, что в реальности доля городского населения выше, и составляет более 80 %¹. Пока еще рано давать положительную или отрицательную оценки происходящим процессам, но это указывает на необходимость углубления географических исследований процессов урбанизации, диагностику и прогнозирование последствий. Ведь речь идет о смене видов деятельности и образе жизни населения.

И. Канта. 2018. № 3. С. 94–104; Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Поведенческая география. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. 354 с.

¹ Балина Т.А., Еропкина Н.Д., Николаев Р.С., Чекменева Л.Ю. Городская среда: новые подходы изучения на примере Пермского края // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2018. № 3 (31). С. 5–16.

Процессы урбанизации могут быть по-разному «окрашены» и проявляться в негативных формах, в том числе – дезурбанизации. Современные географы-обществоведы с большим интересом изучают эти процессы в разных макрорегионах страны. Весомый вклад внесли Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш, рассматривающие дезурбанизацию как одно из проявлений «локального сжатия пространства»¹. На примере Центральной России они показывают трансформацию функций депрессивных городов и высокий риск их исчезновения, подчеркивая, что некогда это были города трудовой славы с высоким уровнем жизни населения.

Процессы дезурбанизации в регионах Севера подробно раскрываются в работах Н.Ю. Замятиной и ее коллег, которые обосновали и апробировали многофакторную методику оценки жизнестойкости городов². Данная методика основана на анализе 19 количественных индикаторов состояния поселений по следующим подсистемам: экономической специализации, жизнеобеспечения и коммунального хозяйства, социально-культурной, природно-экологической, административно-управленческой. Данная методика легла в основу расчета потенциала жизнестойкости 27 арктических городов.

Процессы дезурбанизации проявились во многих старопромышленных регионах страны, в том числе и в Пермском крае. Следует отметить, что система городского расселения нашего региона, зародившись три века назад, переживала существенные изменения в XX веке. Так называемая, горнозаводская цивилизация запечатлелась в каркасе поселений городами-заводами, у которых цветная и черная металлургия стали базовыми отраслями. В связи с этим оформился рисунок городов: наличие реки, плотины и городского пруда, на берегу которого выстраивался завод с окружающими его жилыми кварталами. Всё это стало общими чертами для Чусового, Лысьвы, Нытвы, Очера, да и самой Перми. В монографии М.Д. Шарыгина «Уральский регион» эти особенности формирования системы расселения подробно раскрываются в разрезе различных исторических эпох³.

В годы первых пятилеток и социалистического строительства активные процессы индустриализации привели к возникновению городов с четко

---

¹ Нефедова Т. Г, Трейвиш А.И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 2. С. 31–53.

² Оценка потенциала жизнестойкости городов российской Арктики / Н.Ю. Замятина, Е.А. Котов, Р.В. Гончаров [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2022. № 5. С. 52–65.

³ Шарыгин М.Д. Уральский регион (пространственный анализ и диагностика социально-экономического развития): монография. Западно-Уральский институт экономики и права. Пермь. 2008. 276 с.

выраженной промышленной специализацией. Так, развитие химической промышленности и лесопромышленного комплекса дали начало истории ряда городов, в которые население прибывало, главным образом, в силу насильственного переселения (Краснокамск, Красновишерск, Березники и др.). И только по завершении этого периода города стали действительно «родным домом» для тысяч горожан. В это время в нашем регионе городские поселения не только появлялись, но и исчезали, попадая в зону затопления Камским водохранилищем (например, Чусовские городки). Разрастание Пермской агломерации привело к «поглощению» пригородов и сателлитов. Так, в состав Перми вошла знаменитая своим революционным прошлым Мотовилиха, возникшая и долгое время существовавшая как самостоятельное поселение.

Еще на закате социалистического периода многие малые города Прикамья переживали снижение численности населения по разным причинам, среди которых были закрытие угледобычи, сокращение металлургических и лесоперерабатывающих производств, стагнация машиностроительных предприятий. Это привело к широкому спектру проблем: от полного исчезновения поселения и превращения его в город-призрак (Верхняя Губаха) до глубокого социально-экономического кризиса (Кизел, Александровск и др.). В данной статье особое внимание уделено моногородам, которые попадают в группу с высоким риском к исчезновению.

В настоящее время в Пермском крае насчитывается 25 городов, которые можно классифицировать по людности следующим образом (табл. 2.4). Особенностью системы городских поселений края является преобладание средних и малых городов. Доля городского населения равна среднероссийскому показателю и составляет 75 %, но в краевом центре сконцентрировано более миллиона жителей. Практически половина городов Пермского края имеет численность населения менее 20 тыс. человек. Тревогу вызывает тот факт, что градообразующие предприятия, относящиеся к деградирующим или закрывающимся, превращают эти поселения в моногорода.

Группировка городов Пермского края по численности населения

Численность населения на начало 2023 г.	Количество городов	Название городов
Более 1 млн. чел.	1	Пермь
100 – 250 тыс. чел.	1	Березники
50,1 – 100 тыс. чел.	4	Соликамск, Чайковский, Кунгур, Лысьва
20,1 – 50 тыс. чел.	7	Верецагино, Добрянка, Краснокамск, Чернушка, Чусовой, Губаха, Кудымкар
10,1 – 20 тыс. чел.	7	Горнозаводск, Кизел, Красновишерск, Нытва, Оса, Очер, Александровск
Менее 10 тыс. чел.	5	Чердынь, Усолье, Чермоз, Оханск, Гремячинск

Составлено по данным официального сайта Пермьстат¹.

Анализ изменений численности населения в течение второй половины XX в., позволит выделить три этапа. На первом этапе, который начинается временем «хрущевской оттепели», поствоенного витка социально-экономического развития и достоверной и доступной демографической статистики, наблюдаются высокие темпы урбанизации (рис. 2.15). Очевидно, что динамика численности городских поселений зависела от экономических (производственных) причин, например, развития угледобывающих (Кизел, Губаха) и нефтедобывающих (Оса, Чернушка) отраслей, строительства электростанций (Чайковский, Добрянка), химической промышленности (Соликамск, Березники).

В период с 1959 по 1981 гг. менее половины городских поселений сократили численность населения, а в большинстве городов отмечался стабильный прирост. На этом этапе строительства «развитого социализма» в Прикамье шло активное становление ресурсоэксплуатирующих производств, создание крупных промышленных предприятий, что привело к миграции населения из сельской местности в города. Кроме того, именно в этот период в СССР жителям сельской местности стали выдавать паспорта, что повлекло за собой резкий рост доли городского населения.

¹ Официальный сайт Пермьстата. <https://59.rosstat.gov.ru/>

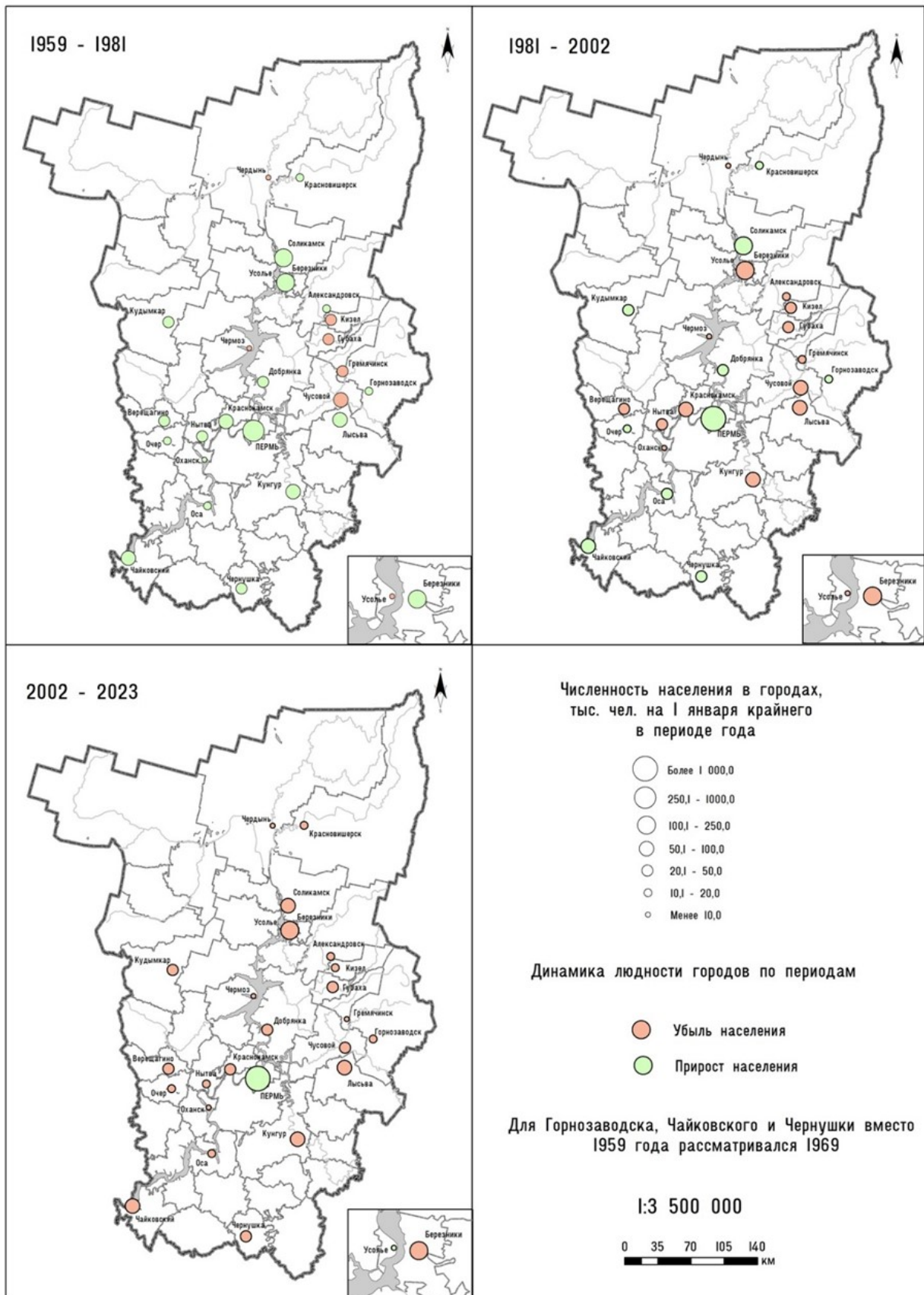

Рис. 2.15. Динамика численности населения городов Прикамья. Сост. по [16]

Пермская область, как и многие регионы страны, стали высоко урбанизированными именно в этот период. Доля городского населения достигает своего пика – почти три четверти населения живет в городах. На закате социалистической эпохи и с момента распада СССР в нашем регионе (который не был исключением из общих тенденций) наметились процессы дезурбанизации. В период с 1981 по 2002 гг. уже более половины городов теряют население. И это уже не только «города-заводы» северо-востока края, где начинается стагнация угледобычи и связанных с ними производств, но также и металлургические центры, что вызвано системным кризисом отраслей тяжелой промышленности.

На третьей карте представлено изменение численности населения городов на современном этапе трансформации системы расселения, характеризующаяся угасанием промышленной активности малых городов. Здесь наблюдается сокращение населения во всех городах Прикамья, кроме краевого центра. Пермь, подобно магниту, продолжает стягивать население, увеличивая размеры агломерации. Проблемы дезурбанизации и сжатия пространства проявились на этом этапе со все очевидностью, вызывая множество проблем как экономического, так и социального характера.

Диагностика социально-демографической ситуации малых городов Прикамья

Поскольку теоретико-методологической основой анализа системы городских поселений Пермского края является учение о ТОЛ, посредством которого был реализован геосистемный подход, то особое внимание было уделено факторам, влияющим на состояние городов, их жизнестойкости с учетом риска их превращения в исчезающие города. Считаем, что необходимо учитывать сочетание таких факторов, как транспортно-географическое положение, наличие градообразующих видов деятельности, роль в системе расселения (выполнение административных функций), динамику численности населения¹.

Как указывалось в преамбуле данной статьи, пространственно-временной подход в географических исследованиях общественных явлений и

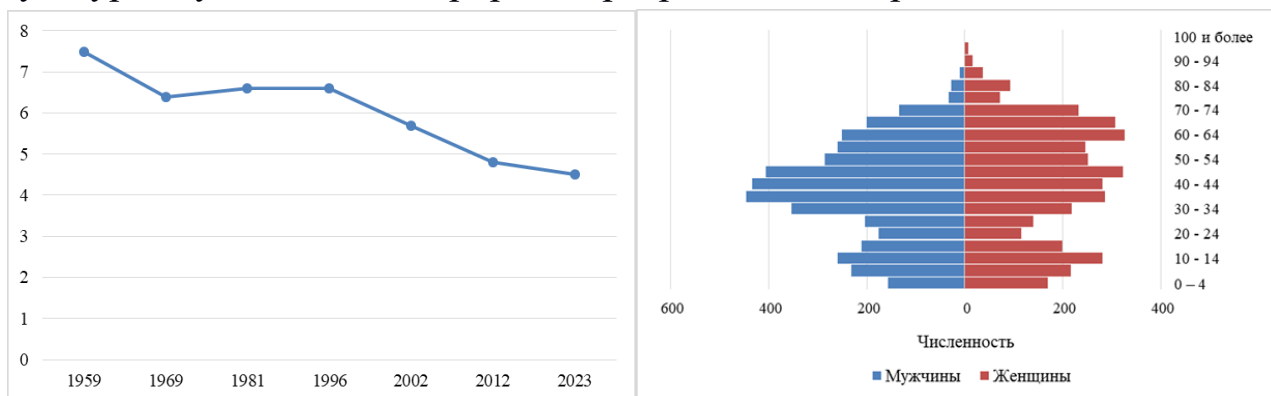
---

¹ Балина Т.А., Осоргин К.С., Смирнова А.С., Чекменева Л.Ю. Методика оценки жизнестойкости городов на примере Пермского края // Пространственная организация общества: теория, методология, практика. Материалы науч. конф. , Пермь. 2023.

процессов предполагает как выделение этапов с анализом основных результатов, так и выявление территориальных различий, которые весьма ярко проявились при изучении процессов дезурбанизации в Пермском крае и легли в основу типологии исчезающих городов. Кратко рассмотрим наиболее «интересные» случаи, подтверждающие основную гипотезу о разновекторности процессов урбанизации в старопромышленном регионе.

Первый тип малых городов образовался на северо-востоке края, где нет плотного рисунка расселения. Здесь характерна «очаговость» поселений, многие из которых остались в наследство от печально знаменитой и некогда разветвленной пенитенциарной системы. Чердынь и Красновишерск относятся к разным эпохам возникновения, имеют разный набор функций и потенциал. Но вот уже несколько десятилетий они «застыли» в развитии, переживая экономическую депрессию и вызванные ей социальные и миграционные проблемы. Чердынь, широко известная как Пермь Великая, ведет свою историю с середины XIV века и является весьма интересным исключением из негласного «городского правила»: вот уже сколько десятилетий этот город не насчитывает и 5 тыс. жителей, но сохраняет статус города как дань истории и аванс будущему. На графиках (рис. 2.16) отражены негативные демографические тенденции.

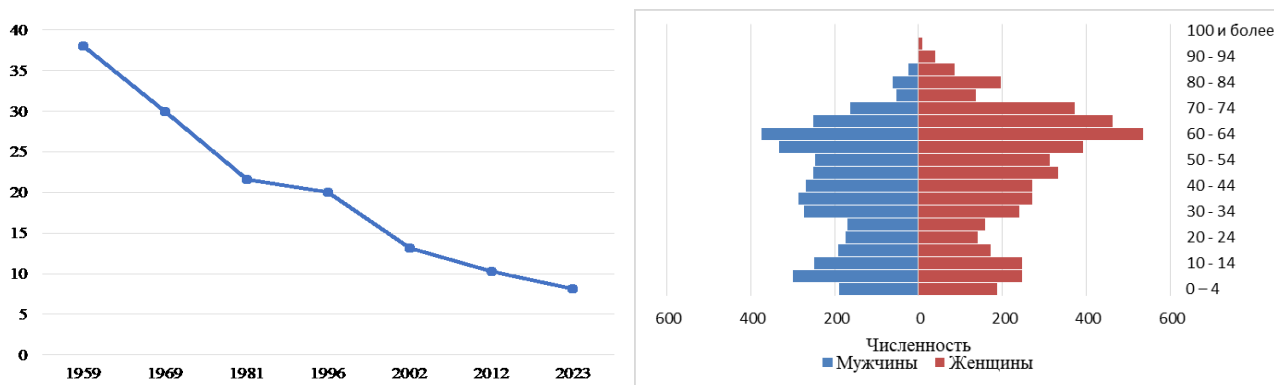
Расположившись далеко от краевого центра и цепочки горнозаводских поселений, сегодня Чердынь и Красновишерск обслуживают немногочисленное сельское население и сохраняют административные функции. Несмотря на удаленность, низкую обеспеченность транспортной и социальной инфраструктурой, эти города обладают высоким потенциалом для спортивного, паломнического, когнитивного туризма благодаря богатому историко-культурному наследию и природно-рекреационной привлекательности.

Рис. 2.16. Динамика численности и половозрастная структура населения Чердыни

Во второй тип малых городов края попали малые города, которые не просто имеют высокий риск утратить городской статус, а уже практически потеряли «городскую самостоятельность». Так, в таком же, как и Чердынь, древнейшем городе края – Усолье – сложилась похожая социально-экономическая и демографическая ситуация, но исход оказался иным. Близость к крупному соседу и утрата производственных функций привели к тому, что Усолье утратило статус города и в недавнем прошлом стало частью Березников.

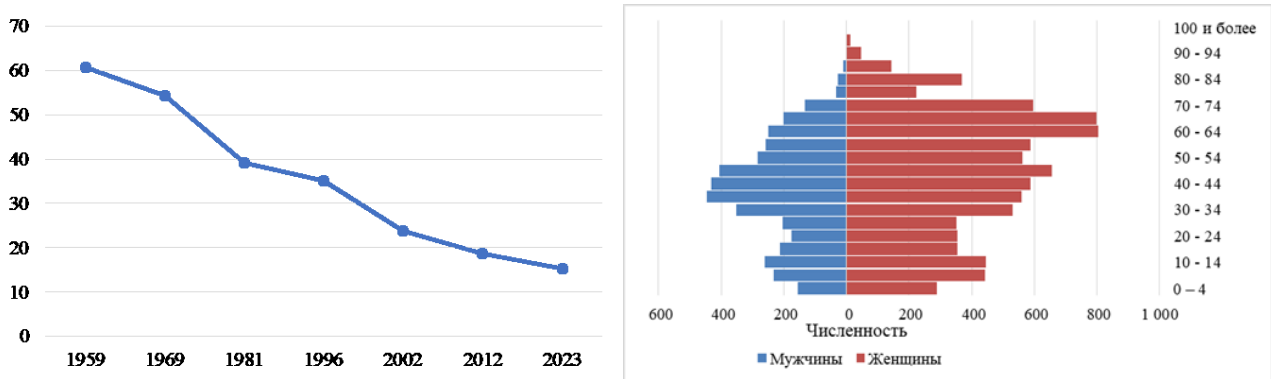
К этому же типу отнесен Гремячинск (рис. 2.17), который более полувека назад стремительно сокращался, отдавая население в близлежащие более перспективные в то время города Кизеловско-Губахинской конурбации.

Рис. 2.17. Динамика численности и половозрастная структура населения Гремячинска

В настоящее время здесь проживают менее 10 тыс. чел., но более подходящий термин – доживают, поскольку общий коэффициент рождаемости (9,3 %) почти в три раза ниже коэффициента смертности (25,4 %), что свидетельствует о депопуляции [16]. Старение населения и деформация его половозрастной структуры внушает надежды на восстановление демографической ситуации. Поскольку город оказался относительно близко к Губахе, то и попал «под его влияние», потеряв административные функции в результате объединения с Губахинским городским округом.

Представителем еще одного типа исчезающих городов является Кизел, который давно бы мог превратиться в призрак, но даже при ликвидации угледобычи и сокращении численности населения он сохраняет свою административную роль в системе расселения (рис. 2.18).

Рис. 2.18. Динамика численности и половозрастная структура населения г. Кизел

Хотя процесс депопуляции начался полвека назад, а траектория сокращения населения сходна с графиком Гремячинска, но ситуация отличается. Шансы охранить административные функции относительно высоки и обусловлены тем, что в окрестностях Кизела нет перспективных поселений. Шахтерские поселки городского типа (Северный Коспашский, Центральный Коспашский, Южный Коспашский) давно перешли в разряд сельских населенных пунктов и в настоящее время продолжают терять численность населения. Исчезнет ли Кизел как самостоятельный город? Скорее нет, хотя риск войти в Губахинский городской округ довольно высок.

Таким образом, еще с середины прошлого века эти города стремительно теряли численность населения, но балансировали на грани потери городского статуса благодаря вкраплениям многоэтажек, кварталам «сталинской застройки» и масштабным частным секторам. Слава некогда богатых шахтерских городов сменилась затяжной депрессией, а позже – деградацией.

Исследуя проблемы дезурбанизации и исчезающих городов Пермского края в контексте теоретико-методологической модели ТОЛ, необходимо не только рассматривать количественные проявления этих процессов с позиции депопуляции, но и поведенческую, духовную, ментальную составляющую. Особое внимание обращаем на оценку уровня самоорганизации населения¹. Важно подчеркнуть, что в городах со специализацией на добывающих и ресурсоперерабатывающих отраслях промышленности все-

¹ Осоргин К.С. Трансформация территориальной самоорганизации в контексте реформы муниципального устройства (на примере Пермского края) // Настоящее и будущее России в меняющемся мире: общественно-географический анализ и прогноз. Материалы международной научной конференции (XII Ежегодная научная Ассамблея АРГО), Ижевск: Издательский центр "Удмуртский университет", 2021. С. 463–467.

гда проявлялась высокая степень самоорганизации населения. Взаимовыручка и обмен опытом отличали эти отрасли, где от работников требуется особый уровень образования, квалификации, трудовых навыков. Поэтому наставничество, трудовые династии, активность профсоюзного движения отличали города горнозаводского Прикамья. Здесь долгие десятилетия существовало «братство» шахтеров и металлургов, сохранялись уникальные традиции и формировался особый менталитет. Поскольку центральным элементом изучаемых моногородов были заводы (шахты), то отношения в трудовых коллективах оказывало влияние на всю жизнь города. Именно для таких сообществ характерны такие проявления самоорганизации, как различные совместные мероприятия (профессиональные праздники, спартакиады, концерты, смотры художественной самодеятельности и пр.), а городские газеты и даже местные телеканалы освещали важнейшие события городского масштаба. Сложившиеся за долгое время местные сообщества выступали регуляторами общественной жизни.

Самоорганизация жителей – это важнейший элемент пространственного развития региона «снизу». И именно в связи с этим тезисом одна из основных задач для проживающих здесь местных сообществ – консолидация усилий членов этих сообществ, объединённых общей идеей. Пространственную организацию местного самоуправления следует рассматривать как формирование оптимальных единиц самоуправления в территориальных структурах хозяйства с учетом местной специфики и на основе конкурентных преимуществ и недостатков.

С точки зрения М.Д. Шарыгина, идеальное местное сообщество – территориальная общность людей, осуществляющая свою жизнедеятельность в соответствии с интересами государства, встроенная в систему его стратегических целей и задач¹.

Именно на субрегиональном уровне сконцентрирована вся «жизнь» общества с его природно-ресурсным потенциалом, экономикой, социально-демографическими процессами. В рамках своей жизнедеятельности представители местных сообществ объединяются в различного рода инициативные группы, некоммерческие и коммерческие объединения. Для улучшения качества жизни эти группы работают над многими аспектами совершен-

---

¹ Шарыгин М.Д., Осоргин К.С. Территориальная основа организации местного сообщества // Вестник Балтийского Федерального университета им. И. Канта. 2018. № 3. С. 94–104.

ствования места своего проживания: «инфраструктура» придомовой территории, объекты культуры, рекреации и здорового образа жизни (спорта), реструктуризация и обновление имеющихся фондов.

Полагаем, что для исследуемых нами исчезающих городов Пермского края программы по созданию ТОСЭР могли бы стать «спасением», но они имеют очень неудачное (тупиковое) транспортно-географическое положение, давно закрытые градообразующие предприятия и утраченный трудовой потенциал.

Подчеркнем, что практика создания ТОСЭР имеет весьма противоречивые результаты в разных регионах нашей страны. Так, Пермском крае с 2017 г. эти программы действуют в двух городах – это Нытва и Чусовой. Но, во-первых, эти города не относятся к потенциально исчезающим, хотя и являются моногородами с глубокими экономическими проблемами и социально-демографическими последствиями. Они имеют довольно выгодное транспортное положение (Нытва расположена на автомобильной трассе, соединяющей Пермь с Коми-Пермяцким округом, Удмуртией и Кировской областью; у Чусового есть железнодорожное преимущество, ориентированное на Большой Урал). Во-вторых, даже в этих городах почти за 5 лет существования программа ТОСЭР не дала ощутимых результатов. Анализ демографических показателей отражает эти неблагоприятные тенденции¹ (с. 40).

Сохранение административных функций у ряда городских поселений, трансформация производственного профиля, замена традиционных отраслей на новые виды деятельности привлекают внимание специалистов² и др.

Есть мнение о возможностях развивать в этих регионах туризм, но они вызывают скепсис по ряду причин. Во-первых, отнюдь не городские (тем более пришедшие в полный упадок) производственные объекты притягательны для туристов, а окружающие природные ландшафты, что дает слабую надежду на развитие промышленного или индустриального ту-

---

¹ Балина Т.А., Мельников Е.Р., Николаев Р.С., Столбов В.А., Чекменева Л.Ю. Статус Территории опережающего развития как механизм управления регионом // Тихоокеанская география. 2021. № 2 (6). С. 33-42.

² Миролобова Т. В., Николаев Р.С. Формирование, функционирование и перспективы развития городских агломераций в Пермском крае // Развитие парадигмальных идей в отечественной региональной экономике. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2022. С. 247–260; Лучников А.С., Меркушев С.А. Трансформация городского расселения и урбанизация Пермского края в XX–XXI вв. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 4. С. 123–143.

ризма. Во-вторых, данная сфера требует колоссальных инвестиций для создания инфраструктуры, что в обозримом будущем представляется маловероятным.

В настоящее время в Пермском крае проводятся территориально-административные реформы, значительно меняющие систему городских поселений. Расширение границ городских округов и изменение статуса городских поселений обсуждаются на разных уровнях. Насколько это соответствует интересам самих горожан, действительно ли это востребовано и обосновано? Подчеркнем, что необходимо проводить глубокие комплексные исследования, в том числе социологические опросы, которые бы отразили социальное самочувствие жителей, их интересы и мнения.

2.9. Недвижимые объекты культурного наследия

Учение о Территориальных общественных системах (ТОС), глубоко и всесторонне проработанное в многочисленных трудах М.Д. Шарыгина, получило широкое признание в научных кругах, было поддержано и развито его учениками и последователями, представляющими не только общественную географию, но и экономику, социологию и другие области знаний. Как подчеркивал ученый, ТОС – это пространственно-временная форма организации ойкумены, в которой взаимосвязано и взаимообусловлено сочетаются все сферы жизни людей, включенные в процессы общественного развития и воспроизводства¹. ТОС, представляя собой концептуальную модель общества в границах конкретных регионов, охватывает не только производственные, но и социальные объекты, среди которых особое место занимают памятники истории, архитектуры, элементы историко-культурного наследия. Вопросы сохранения исторического и культурного наследия приобретают новое звучание и актуальность в современных исследованиях, что обусловлено усилением духовных приоритетов общественного развития.

Изучение культурного наследия страны в целом и ее регионов необходимо проводить не только усилиями представителей географии и истории, а опираться на междисциплинарный подход, который может заметно

---

¹ Шарыгин М.Д. Территориальные общественные системы (региональный и локальный уровни организации и управления). Пермь: Изд-во ПГУ, ПСИ, ПССГК, 2003. 260 с.

обогатить методологию оценки историко-культурного наследия как базового фактора устойчивого развития региона и его социума. Особое внимание в этой связи мы уделили экономическим методам оценки объектов культурного наследия.

Рынок недвижимости по праву, является тоже сложной социально-экономической системой, подверженной постоянному воздействию внешних и внутренних факторов. И в то же время, это жизненно необходимая сфера для развития территорий, поскольку ориентирована на удовлетворение потребностей людей в жилье. Но не только жилье является объектом купли-продажи. Современный рынок недвижимости гораздо сложнее. Наряду с мощным воздействием различных факторов на российский рынок недвижимости есть один существенный момент: «Какое состояние объектов культурного наследия на рынке недвижимости?» Данного рода вопросы актуальны и интересны в связи с рядом складывающихся обстоятельств:

- особенности оценки стоимости;
- сохранность объектов культурного наследия;
- формирование имиджа территории и др.

В этой связи, надо четко понимать канву культурного наследия страны, специфику объектов, которые к данному наследию относятся и пути обеспечения их сохранности для будущих поколений. Вопросы относительно понятия «объект культурного наследия» возникали давно и существуют до сих пор.

На наш взгляд, *объект культурного наследия* с точки зрения принадлежности недвижимости – это объекты недвижимости, возникающие в результате исторических событий и представляющие собой ценность с точки зрения истории, архитектуры, искусства, науки и техники, социальной культуры.

Однако, регламентированное понимание представлено в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ (последняя редакция)¹.

Согласно данному закону, объекты культурного наследия подразделяются на следующие виды:

---

¹ Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»

1. Памятники – отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями (в том числе памятники религиозного назначения, мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; объекты археологического наследия).

Одним из примеров данного вида можно назвать религиозный памятник Церковь Вознесения в Коломенском, которая была построена в 1532 году в честь рождения престолонаследника – царя Ивана IV Грозного.

2. Ансамбли – четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения, в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи; объекты археологического наследия.

Ярким примером ансамблей можно назвать Архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой лавры. Монастырь стал центром христианской культуры, привлекающий миллионы паломников со всей страны и мира. При этом, в список ЮНЕСКО ансамбль попал в связи с великолепным сочетанием традиционной русской архитектуры и элементов восточно-европейского архитектуры. Лавра стала образцовым православным сооружением для западноевропейского мира.

3. Достопримечательные места – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места традиционного бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; объекты археологического наследия; места совершения религиозных обрядов; места захоронений жертв массовых репрессий; религиозно-исторические места.

Примером достопримечательного места, по праву, можно назвать Цитадель. Цитадель – крепостные сооружения Дербента и старый город,

был включен в Список всемирного наследия в 2003 году. Становление Дербента связано с персидским царем из династии Сасанидов – Йездигердом II (435-457 гг. н.э.). Именно им был воздвигнут город на северной границе своих владений – между горами и Каспийским морем, на возвышенном и стратегически важном месте. В 2015 году древний Дербент отметил свое 2000-летие.

В Пермском крае к такого рода объектам можно отнести Никольскую церковь в поселке Ныроб, которая неразрывно связана с историей Династии Романовых (рис. 2.19).

Рис. 2.19. Храм Николая Чудотворца (Никольская церковь) в Ныробе.

Фото Т.А. Балиной

Изучая актуальную информацию относительно объектов культурного наследия России, мы отметили следующие важные факты:

- в России насчитывается около 200 тыс. объектов культурного наследия федерального и регионального значения,
- из них 31 объект входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО;
- на 11 тыс. объектах культурного наследия прошли работы по их сохранению по программе «Волонтеры культуры».

Очевидно, что состояние объектов культурного наследия определяется уровнем государственной поддержки. Приоритеты государственной политики России в сфере сохранения объектов культурного наследия представлены в табл. 2.5.

Таблица 2.5

Приоритеты государственной политики

Показатели	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Предоставление инфраструктурных бюджетных кредитов (отбор проектов, 3 %, 15 лет)	-	-	-	Постановление Правительства РФ от 14 июля 2021 г. № 1190		
Финансирование государственной программы «Развитие культуры», млрд. руб.	105,69	116,0	120,26	130,0 <i>Новая редакция</i>	166,17	175,4
Национальный проект «Культура», млрд. руб.	-	15,01	15,23	18,33	21,31	22,57

Безусловно, государственная поддержка, направляемая на поддержку объектов культурного наследия в Российской Федерации, существует, однако она не достаточна.

Интересным является вопрос открытости информации об объектах культурного наследия¹. Ответ на данный вопрос можно найти в едином реестре объектов культурного наследия, где в полном объеме можно увидеть только один из видов – памятники. По официальной информации, представленной ЕГРОКН, количество объектов культурного наследия, включенных в реестр на конец 2022 г. составило 99710 ед. (в 2021 г. – 97977 ед., 2020 г. – 97438 ед., 2019 г. – 95798 ед., 2018 г. – 94198 ед.). Такая динамика демонстрирует системную работу органов власти и общественных организаций по восстановлению, защите и поиску новых объектов, которых, по оценочным прогнозам может быть около 150 тысяч. При этом в реестре хорошо видно не только количество объектов, но и распределения их по федеральным округам. Наибольшее количество объектов культурного наследия представлено в Центральном ФО – 33566 ед., наименьшее в Уральском ФО – 3520 ед., где доминирует региональное значение объектов.

В Пермском крае сложилась следующая картина: на конец 2022 г. насчитывалось 1300 ед. объектов культурного наследия, включенных в реестр, что на 45 ед. больше, чем в 2018 году; 702 памятника культурного

¹ Единый реестр объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn>

наследия, в том числе, 10 памятников археологии, 95 истории, 583 памятников градостроительства и архитектуры и 14 памятника искусства, 0 памятников религии); 72 ансамбля и 3 достопримечательных места.

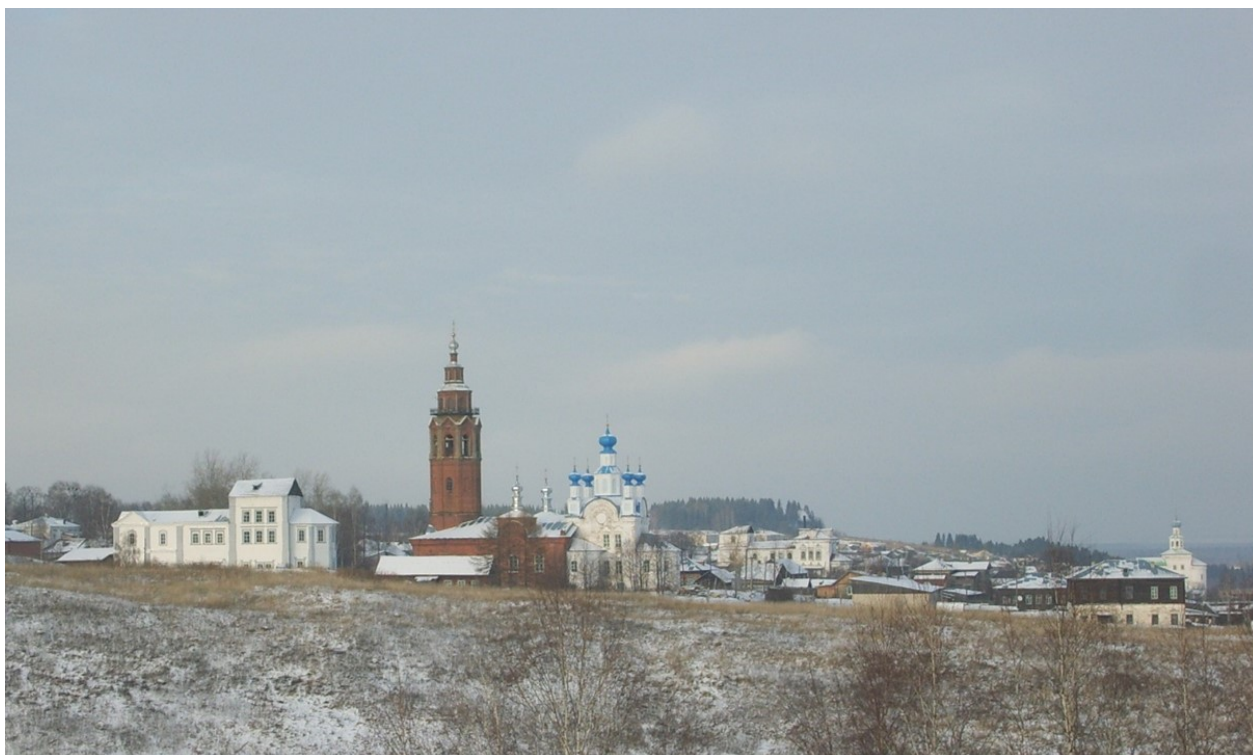
Наиболее интересные объекты культурного наследия Пермского края, имеющие статус регионального значения, представлены в табл. 2.6.

Таблица 2.6

Объекты культурного наследия в Пермском крае

№	Наименование достопримечательного места	Дата	Вид
1	Памятное место, где находился Егошихинский медеплавильный завод	1723–1788 гг.	история
2	Памятное место, где находился дом, в котором жил изобретатель радио А.С. Попов	1873–1877 гг.	история
3	Станция Вознесенское, где останавливался художник-баталист В.В. Верещагин	1904 г.	история
4	Памятное место встречи партизанских отрядов В.К. Блюхера с частями Красной Армии	сентябрь 1918 г.	история
5	Место приземления космического корабля "Восток-2" пилотируемого А.А. Леоновым и П.И. Беляевым	19.03.1965 г.	история
6	Место заточения боярина М.Н. Романова	1601 г., 1913 г.	история
7	Место расстрела жертв политических репрессий	1930-е гг., 1997 г.	история
8	Сквер Уральских добровольцев (площадь Черного рынка)	19 в., 1970 г.	история
9	Проспект им. Сталина		архитектура
10	Поселок Мотовилихинского завода		архитектура
11	Проспект им. Ленина	1930–1950-е гг.	архитектура
12	Комсомольский проспект	XIX–XX вв.	архитектура
13	Архитектурно-этнографический музей деревянного зодчества «Хохловка»	1969–1980 гг.	архитектура
14	Городской сад	1804–1958 гг.	архитектура
15	Соцгородок «Рабочий поселок»	1930-е гг.	архитектура
16	Егошихинский медеплавильный завод	1723-начало 19 в.	архитектура
17	Губернский центр	IX–XX вв.	архитектура
18	Уездный город Чердынь	XVIII–IX вв.	архитектура

Из данного перечня, для пермяков и гостей нашего региона особый интерес представляет город Чердынь, где сохранилось большое количество объектов культурного наследия. Этот город в XV – XVII века был центром Перми Великой, сохранил множество памятников архитектуры, истории, религии, которые обладают высоким потенциалом для развития туристической сферы.

Рис. 2.20. Церкви Чердыни.

Фото Т.А. Балиной

Проведенные нами исследования позволили выявить ряд противоречий сохранения объектов культурного наследия в Российской Федерации, среди которых к основным можно отнести:

- органы юстиции при регистрации объектов недвижимости не всегда владеют информацией о его статусе как объекте культурного наследия;
- существенная часть памятников уничтожена или близка к уничтожению в связи с объективными и субъективными причинами;
- сокращение финансирования и работ по поддержанию памятников в надлежащем состоянии;
- сокращение подлинных памятников путем замены их на копии др.

Эти и другие противоречия требуют глубоких междисциплинарных исследований, особенно экономической (стоимостной) оценки объектов культурного наследия. Ведь это не только является важным условием развития территории и объектом социокультурного проектирования¹, но и нацелено на развитие и реализацию регионального капитала. Важно подчеркнуть, что изучение объектов культурного наследия в контексте такой сложной и многогранной научной категории, как «региональный капитал»², позволяет реализовать системный подход и обосновать наиболее эффективные направления использования богатого историко-культурного наследия Прикамья, формирования имиджа и брендов региона, развития индустрии туризма и других сфер экономики.

---

¹ Балина Т.А., Чупина Л.Б., Данилова Ю.Н., Наумов В.О. Социокультурное развитие региона: понятие, направления, проблемы // Географический вестник. 2014. № 4 (31). С. 36-41.

² Столбов В.А., Шарьгин М.Д. Региональный капитал. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. 553 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агафонов Н.Т., Алаев Э.Б., Воробьев В.В., Ковалёв С.А., Паламарчук М.М., Хорев Б.С. Пути развития социально-экономической географии СССР (по итогам работы VII Съезда Географического общества СССР) // Известия Всесоюзного географического общества. 1981. № 2. С. 97–104.
2. Агирречу А.А. Структура и динамика защит диссертаций по социально-экономической географии в России в 2000-е годы // Региональные исследования. 2014. № 1 (43). С. 145–153.
3. Анимица Е.Г. Региональное управление. Екатеринбург: Изд-во Урал. Гос. экон. ун-та, 2010. 340 с.
4. Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Об основных направлениях исследований региональных систем расселения (на примере Уральской системы) // Известия Всесоюзного географического общества. 1985. № 3. С. 274.
5. Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Противоречия на современном этапе регионального социально-экономического развития // Известия Всесоюзного географического общества. 1991. Т. 123, вып. 1.
6. Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Становление новой региональной политики в России // Экономико-географический вестник Ростовского государственного университета. 2004. № 1.
7. Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Пространственно-временная парадигма в географии // Географический вестник. 2005. № 1–2. С. 11–14.
8. Анимица Е.Г., Балина Т.А., Шарыгин М.Д. Эволюция факторов территориальной организации и трансформации региональной экономики в социэкономике // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2017. № 6. С. 12–24.
9. Анимица Е.Г., Балина Т.А., Шарыгин М.Д. Трансформация научных подходов и методов изучения региональной социэкономике // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 209–218.
10. Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Феномен территориальной границы // Географический вестник. 2007. № 1–2 (5–6). С. 5–10.
11. Анимица Е.Г., Ратнер Н.М., Шарыгин М.Д. Уральский регион: социально-экономическое развитие (географический аспект). Свердловск, УрО АН СССР, 1992, 121 с.
12. Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Региональная социально-экономическая география: теория, методология, практика. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1994. 179 с.

13. Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д., Балина Т.А. Региональная и муниципальная социоэкономика. Учеб. пособие. Перм. нац. исслед. ун-т, Пермь, 2017. 219 с.
14. Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Пространственно-временная парадигма в географии // Географический вестник. 2005. № 1(2). С.11–14.
15. Анимица Е.Г., Сухих В.А. Пространственно-временная парадигма в социоэкономике: региональный аспект. Пермь: ПГУ, 2007. 210 с.
16. Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. М., 2002. 120 с.
17. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Территориальные производственно-экономические структуры: типы и их отношения в региональном развитии // Региональные исследования. 2023. № 3. С. 4–17.
18. Бакланов П.Я. К теории экономического районирования («теорема» об экономическом районировании // Региональные исследования. 2016. № 4. С. 4–9.
19. Бакланов П.Я. О содержании и «смыслах» социально-экономического районирования // Географический вестник. 2018. №3 (46). С. 24–30.
20. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. Рос. акад. наук, Дальневосточное отделение, Ин-т географии. М., 2007. 239 с.
21. Бакланов П.Я. Подходы и основные принципы структуризации географического пространства // Известия РАН. Сер. Географ. 2013. №4. С. 7–18.
22. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Городская агломерация как интегральная урбанизированная геосистема // Тихоокеанская география. 2022. № 4. С. 29–37.
23. Балина Т.А., Еропкина Н.Д., Николаев Р.С., Чекменева Л.Ю. Городская среда: новые подходы изучения на примере Пермского края // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2018. № 3 (31). С. 5–16.
24. Балина Т.А., Шарыгин М.Д., Пономарева З.В. Территориальная общность людей как пространственная форма организации жизни населения // Социальная география: история, теория, методы, практика. Сборник научных статей. Смоленск, 2016. С.66–74.
25. Балина Т.А., Пономарева З.В. Социально-экономическое районирование как инструмент изучения территориальной общности людей // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Пермь. 2018. Т. 1. С. 23–29.

26. Балина Т.А., Чупина Л.Б., Данилова Ю.Н., Наумов В.О. Социокультурное развитие региона: понятие, направления, проблемы // Географический вестник. 2014. № 4 (31). С. 36–41.
27. Балина Т.А., Мельников Е.Р., Николаев Р.С., Столбов В.А., Чекменева Л.Ю. Статус Территории опережающего развития как механизм управления регионом // Тихоокеанская география. 2021. № 2 (6). С. 33–42.
28. Балина Т.А., Еропкина Н.Д., Лучников А.С., Меркушев С.А., Столбов В.А., Субботина Т.В., Бакланов П.Я., Мошков А.В. Памяти Михаила Дмитриевича Шарыгина, доктора географических наук, профессора Пермского государственного национального исследовательского университета, заслуженного деятеля науки Российской Федерации // Тихоокеанская география. 2020. № 3 (3). С. 74–78.
29. Балина Т.А. Диссертационный совет: подводим итоги и строим планы // Географический вестник. 2015. Вып. 4 (35). С. 65–67.
30. Балина Т.А., Осоргин К.С., Смирнова А.С., Чекменева Л.Ю. Методика оценки жизнестойкости городов на примере Пермского края // Пространственная организация общества: теория, методология, практика. Материалы науч. конф. Пермь. 2023
31. Баранский Н.Н. Страноведение и география физическая и экономическая // Известия Всесоюзного географического общества. 1946. № 1. С.9–24.
32. Баранский Н.Н. Избранные труды: Становление советской экономической географии/ Ред. колл.: В.А. Анучин и др. М.: Мысль, 1980. 287 с.
33. Баранский Н.Н. Становление советской экономической географии: избр. тр. М., 1980. 240 с.
34. Бернштейн-Коган С.В. Очерки географии транспорта. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. 357 с.
35. Букина Т.В., Коробейников А.М., Нечаев В.М., Пыткин А.Н. Стратегия социально-экономического развития Пермской области / под общ. ред. д.э.н. А.Н. Пыткина. Пермь, 1999. 80 с.
36. Бунге В. Теоретическая география. / Пер. с англ. М., 1967. 279 с.
37. Буяновский М.С. К вопросу о методологических основах экономической географии // Известия Всесоюзного географического общества. 1954. № 6. С. 526–531.
38. Быкова Н. Путь к мозгу лежит через микробиом // Эксперт №34, 21 августа 2023. URL: <https://expert.ru/expert/2023/34/put-k-mozgu-lezhit-cherez-mikrobiom/>

39. Геттнер А. География, ее история, сущность и методы / Пер. с нем. Е.А. Торнеус; Под ред. Н. Баранского. Ленинград; Москва: Гос. изд-во, 1930 (М.: тип. «Красный пролетарий»). 416 с.
40. Гилева И. Географические сны // Звезда (газ.). 2007, 8 февр. С. 3.
41. Глазьев С. Ю. Выход из кризиса 1 // ВПК № 42 (560) за 12 ноября 2014 года. URL: <http://vpk-news.ru/articles/22623>.
42. Голд Д. Основы поведенческой географии. М., 1990. 304 с.
43. Дружинин А.Г. Развитие российской общественной географии: тренды, проблемные ситуации, приоритеты // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С.127–140
44. Дружинин А.Г. Современная российская общественная география: потенциал и приоритеты развития в меняющемся мире // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования. Материалы Международной научной конференции (XIII Ассамблея АРГО). Тюмень, 2022. С. 42–49.
45. Дзенис З.Е. Методология и методика социально-экономгеографических исследований. Рига, 1980. 262с.
46. Единый реестр объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn>
47. Зырянов А.И. Регион: пространственные отношения природы и общества: Монография. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2006. 372 с.
48. Казаков Б.А., Лучников А.С. Использование концепции энергопроизводственных циклов Н.Н. Колосовского для оптимизации лесохозяйственной и лесоперерабатывающей деятельности в современной России // География и природопользование Сибири. 2020. № 27. С. 83–99.
49. Кирьянчук В.Е., Пономарева З.В. Проблемы совершенствования территориальной организации местного самоуправления Воронежской области / Муниципальные образования центральных регионов России: проблемы исследования, развития и управления. Материалы Всеросс. науч.-практич. конф. Воронеж, 2011. С. 16–21.
50. Климов А.А. Пространственное развитие и проблемные территории. Социально-экономические аспекты. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
51. Ковалев Ю. П. Социально-экономическое районирование Смоленской области: диссертация ... кандидата географических наук. Москва, 1996. 209 с.

52. Ковылов В.К., Пономарева З.В., Шарыгин М.Д. Социально-экономическое микрорайонирование в новых условиях хозяйствования // Комплексное социально-экономическое развитие территории и рыночные товарно-денежные отношения: Тез. докл. науч. конф., Пермь, 1991. С. 14–16.
53. Колосовский Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. М.: Изд-во Мысль, 1947. Сб. 6. С. 133–169.
54. Комар И.В. Рациональное использование природных ресурсов и ресурсные циклы. М.: Наука, 1975. 212 с.
55. Константинов О.В. Экономическая география в СССР. К 50-й годовщине Советской власти // Известия Всесоюзного географического общества. 1967. № 5. С. 403–409
56. Константинов О.А. Новое направление географических исследований // Известия Всесоюзного географического общества. 1979. № 4. С. 293–298.
57. Кощев Д.А., Миролубова Т.В. Оценка взаимовлияния региона и индустриального кластера: системно-пространственный подход // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2022. Т. 17. № 2. С. 161–184.
58. К Юбилею профессора Михаила Дмитриевича Шарыгина // Географический вестник. 2008. № 2. С. 278–284.
59. Лавров С.Б. Интеграционные тенденции в географии // Советская география. Л.: Наука. Ленинградское отделение. 1984. С. 28–41.
60. Лаппо Г. М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия геогр. 1983. № 5. С. 16–28.
61. Лёш А. Географическое размещение хозяйства / Пер. с нем. М., 1959. 455 с.
62. Лучников А.С., Меркушев С.А. Трансформация городского расселения и урбанизация Пермского края в XX–XXI вв. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 4. С. 123–143.
63. Лучников А.С., Николаев Р.С. Территориальное планирование промышленных комплексов (на примере Березниковско-Соликамского промышленного узла) // Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-деинтеграционных процессах: материалы междунар. науч. конф. Пермь, 2017. С. 384–391.
64. Лучников А.С., Лядова А.А., Меркушев С.А., Николаев Р.С. Горное Прикамье: современные функциональные трансформации в муниципальных образованиях // Известия РАН. Сер. географ. 2023. Т.87. №7. С. 992–1004.

65. Лучников А.С., Меркушев С.А., Николаев Р.С. К вопросу о трансформации территориально-функциональной структуры среднего города (на примере Кунгура) // Устойчивое развитие социэкономики регионов: материалы всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2012. С. 133–139.

66. Лучников А.С. Чайковский промышленный центр: роль в территориальной организации регионального промышленного комплекса // Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования: материалы междунауч. конф. в рамках X науч. ассамблеи Ассоциации рос. географов-обществоведов (АРГО). Казань, 2019. С. 238–242.

67. Лучников А.С., Шарыгин М.Д. Пермский край: социально-экономические последствия объединения // География в школе. 2016. №2 С. 3–17.

68. Машбиц Я.Г. Рецензия на книгу Чистобаева А.И., Шарыгина М.Д. «Экономическая и социальная география: новый этап» // Известия АН СССР. Сер. географическая». 1992, Вып.1.

69. Министерство угольной промышленности Кузбасса / официальный сайт. URL: <https://murk42.ru/ru/>; Федеральная таможенная служба России / официальный сайт. URL: <https://customs.gov.ru/>

70. Мировой водный баланс и водные ресурсы Земли / Ред. коллегия: В.И. Корзун (пред.) [и др.]; Гл. упр. гидрометеорол. службы при Совете Министров СССР. Междувед. ком. СССР по Междунар. гидрол. десятилетию. МГД. Л.: Гидрометеиздат, 1974. 637 с.

71. Миролюбова Т.В., Николаев Р.С. Формирование, функционирование и перспективы развития городских агломераций в Пермском крае // Развитие парадигмальных идей в отечественной региональной экономике. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2022. С. 247–260.

72. Монин А.С., Каменкович В.М., Корт В.Г. Изменчивость Мирового океана. Л., Гидрометеиздат, 1974. 262 с.

73. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 2. С. 31–53.

74. Никольский А.Ф. Географический (физиократический) взгляд на природу общественного производства, стоимость и ренту // География и природные ресурсы. 2016. № 1. С. 164–172.

75. Осоргин К.С. Трансформация территориальной самоорганизации в контексте реформы муниципального устройства (на примере Пермского края) // Настоящее и будущее России в меняющемся мире: общественно-географический

анализ и прогноз. Материалы международной научной конференции (XII Ежегодная научная Ассамблея АРГО), Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. С. 463–467.

76. Официальный сайт Пермьстата. <https://59.rosstat.gov.ru/>

77. Оценка потенциала жизнестойкости городов российской Арктики / Н.Ю. Замятина, Е.А. Котов, Р.В. Гончаров [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2022. № 5. С. 52–65.

78. Пономарева З.В. Социально-экономический микрорайон в региональной организации общества // Пространственная организация общества: теория, методология, практика: материалы Международной науч-практ. конф. Пермь, 2018. С. 235–239.

79. Пономарева З.В. Территориальная организация регионального развития: постановка проблемы // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб науч. статей. Смоленск, 2011. С.260–262.

80. Пономарева З.В. Совершенствование муниципально-территориального устройства Воронежской области как предпосылка устойчивого социально-экономического развития региона // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2013. Т.18. №2. С. 680–683.

81. Пономарева З.В. Социально-экономическое микрорайонирование Воронежской области: диссертация ... кандидата географических наук. Пермь, 1996. 194 с.

82. Пространственное развитие Пермского края: проблемы и перспективы: тезисы для межрегион. конф. по проблемам развития Пермского края, 31 марта 2006 г. Пермь, 2006. 50 с.; Вопросы пространственного развития Пермского края: тематический сборник. Пермь, 2006. 112 с.

83. Пространство циклов: Мир – Россия – регион / Под ред. В. Л. Бабурина, П. А. Чистякова. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.

84. Природно-экономический потенциал и пути развития Коми-Пермяцкого национального округа / Н. Д. Еропкина, О. М. Степанова, М.Д. Шарыгин // Вопросы марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений: к 50-летию СССР. Пермь, 1972. С. 113–122.

85. Риттер К. Магазин землеведения и путешествий. М., 1953. 598 с.

86. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. Смоленск, 2002. 336 с.

87. Родоман Б.Б. Культурный ландшафт и судьба России. Москва: ДиректМедиа, 2023. 488 с.

88. Родоман Б.Б. Метагеография. География, районирование, картоиды. Сборник трудов. Смоленск: Ойкумена. 2007. 308 с.
89. Савельева И.Л. Минерально-сырьевые циклы производств: проблемы районообразования и рационального природопользования. Новосибирск: Изд-во Наука, 1988. 133 с.
90. Саушкин Ю.Г. Энергопроизводственные циклы // Вестник Московского ун-та. Серия: география. 1967. № 4. С. 3–11.
91. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М., 1973. 559 с.
92. Солнцев В.Н. Хроноорганизация географических явлений // Геофизика ландшафта / Вопросы географии, сб. 117, 1981. С. 40–68.
93. Столбов В.А. Географическая материя: сущность и атрибуты // Всероссийская конференция с международным участием «Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика», посвященная 110-летию со дня рождения профессора Ю.Г. Саушкина. Смоленск 2021. 540 с. С.173–185.
94. Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Поведенческая география. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. 354 с.
95. Столбов В.А. Географическая материя: субстанция и атрибуты // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. Том 32, № 2. 2022. С. 216–228.
96. Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Региональный капитал. Пермь: Пермский университет. 2016. 530 с.
97. Субботина Т.В. Направления оптимизации пространственного развития региона // Географический вестник. 2010, №1. С. 5–13.
98. Субботина Т.В., Шарыгин М.Д. Территориальные социально-эколого-экономические системы: монография. Перм. гос. ун-т. Пермь, 2011. 268 с.
99. Сухих В.А., Урасова А.А. Стратегическое планирование в пространстве промышленных регионов: оценка и перспективы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 7–1. С. 193–196.
100. Тархов С.А. Представления о территориальном развитии и методология пространственного анализа // География и проблемы регионального развития / Институт географии АН СССР. М., 1989. С. 23–3.
101. Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1995. 155 с.
102. Топчиев А.Г., Андерсон В.Н. Изучение географических структур и текстур. Одесса, 1987. 210 с.

103. Терновая Л.О. Гений места Крыма: единство геопозитики и геополитики. М.: Международный издательский центр «Город XXI век», 2018. 224 с.
104. Трешников А.Ф., Жекулин В.С., Лавров С.Б. Советская география: некоторые итоги и перспективы // Известия Всесоюзного географического общества. 1982. № 6. С. 465–474.
105. Трейвиш А.И. «Сжатие» пространства: трактовки и модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М., 2010. С. 16–30.
106. Трофимов А.М., Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Теория организации пространства. Сообщение III. Пространственно-временная организация общества. Известия Русского географического общества. 1993. Вып. 5. С.11–21.
107. Трофимов А.М., Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Общегеографические категории. 1. Территориальность // Известия Русского географического общества. 1995. № 6. С. 1–9.
108. Трофимов А.М., Шарыгин М.Д. Общая география (вопросы теории и методологии). Пермь: Пермский госуниверситет. 2007. 494 с.
109. Федеральный закон "Об оценочной деятельности в Российской Федерации" от 29.07.1998 N 135-ФЗ.
110. Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии. М., 1968. 390 с.
111. Хрщёв А.Т. География промышленности СССР. М.: Изд-во Мысль, 1969. 433 с.
112. Чепкасов П.Н. Диссертация и диплом о Предуралье / Вечерняя Пермь, 1970, 4 апреля, с.2.
113. Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Объектно-предметная и функциональная сущность общественной географии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Геология. География. 2007. № 1. С. 88-92.
114. Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Экономическая и социальная география: новый этап. Л. 1990. 317 с.
115. Чистобаев А.И. Социально-географическое пространство и его организация // Сб. О жизни и географии с любовью...Избранные статьи. Интервью. Персоналии. Санкт-Петербург – Смоленск: Универсум, 2005. 464 с.
116. Шарыгин М.Д. Современные задачи социально-экономической географии // Известия Всесоюзного географического общества. 1984. Вып. 2. С. 97–104.

117. Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Теоретико-методологические аспекты поиска законов и закономерностей в общественной географии // Географический вестник. 2020. № 1 (52). С. 22–32.
118. Шарыгин М.Д. Общественная география: контуры будущей науки // Географический вестник. 2014. № 1 (28). С. 20–28.
119. Шарыгин М.Д. Социально-экономическая география: традиции и современные тенденции развития // Географический вестник. 2011. № 1 (16). С. 17–25.
120. Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Географическое мышление: новые грани проявления // Известия Всесоюзного географического общества. 1991. № 3. С. 239–250.
121. Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Территориальные аспекты модернизации традиционно-индустриальных районов России // Региональные исследования. 2006. № 3 (9). С. 3–10
122. Шарыгин М.Д., Фоминых С.Б. Морфология и границы эколого-экономических районов // Известия Всесоюзного географического общества. 1987. № 4. С. 324-330.
123. Шарыгин М.Д. Дробное районирование и локальные территориально-производственные комплексы. Курс лекций. Пермь, 1975. 140 с.
124. Шарыгин М.Д. О стадиях развития территориально-производственных комплексов. Уч. зап. Пермского ун-та. № 211, 1970.
125. Шарыгин М.Д. О системе энергопроизводственных циклов. Уч. зап. Пермского ун-та № 242, 1970.
126. Шарыгин М.Д., Зырянов А.И. Морфологический уровень географического поля // Природные и социально-экономические системы Тюменского Приобья. Тюмень, Тюменский ун-т, 1981, с. 30–47.
127. Шарыгин М.Д., Зырянов А.И. Введение в теоретическую географию. Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, Перм. ун-т, 1984, 84 с.
128. Шарыгин М.Д. Взаимные связи разных стадий лесопромышленного цикла (на примере Северо-Востока Кировской области) // Вестник Московского ун-та, сер. геогр., 1968, №2.
129. Шарыгин М.Д. Современные проблемы экономической и социальной географии. Пермь, 2008. 428 с.
130. Шарыгин М.Д. Современные проблемы пространственно-временной организации общества//Пространственная организация Пермского края и сопредельных территорий. Пермь. 2008. С. 41–45.

131. Шарыгин М.Д., Резвых В.В., Столбов В.А., Субботина Т.В. Проблемы формирования межмуниципальных образований Пермского края // Административно-территориальные реформы России: к 225-летию учреждения Пермского наместничества: материалы межрег. науч.-практ. конф. Пермь, 2006. С. 131–134.
132. Шарыгин М.Д. Территориальные общественные системы (региональный и локальный уровни организации и управления). Пермь, 2003. 260 с.
133. Шарыгин М.Д. Социально-экономическое микрорайонирование: Учебное пособие по спецкурсу. Пермский ун-т. Пермь, 1990. 76 с.
134. Шарыгин М.Д. Общественная география в системе научного знания: проблема географизации // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сборник научных статей, Смоленск: Универсум, 2016. С. 45–52.
135. Шарыгин М.Д. Основы региональной политики: учебное пособие. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2006. 223 с.
136. Шарыгин М.Д. Региональная организация общества (теоретико-методологические проблемы совершенствования). Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1992. 204 с.
137. Шарыгин М.Д. Пермский край: проблемы пространственного развития // Географический вестник. 2018. № 2 (45). С. 50–62.
138. Шарыгин М.Д. Эволюция учения о территориальных общественных системах // Географический вестник. 2006. № 1(3). С. 4–13.
139. Шарыгин М.Д., Назаров Н.Н., Субботина Т.В. Опорный каркас устойчивого развития региона (теоретический аспект) // Географический вестник. Пермь, 2005, №1–2. С.15–22.
140. Шарыгин М.Д. Концептуальные аспекты пространственного развития Пермского края // Концепция программы социально-экономического развития Пермского края: материалы науч.-практ. конф., 4 мая 2006 г. Пермь, 2006. С. 8–13.
141. Шарыгин М.Д., Резвых В.В., Телепнев А.А. Транспортный каркас пространственного развития Пермского края // Пространственная организация Пермского края и сопредельных территорий: материалы всерос. науч-практ. конф., 10–13 нояб. 2008 г. Пермь, 2008. Кн. 1. С. 191–196.
142. Шарыгин М.Д., Лучников А.С. Концептуальные основы пространственного развития Пермского края для реализации целей региональной политики // Индустриальная цивилизация: прошлое или будущее России? : материалы III Пермского конгресса ученых-экономистов, 17 февр. 2017 г. Пермь, 2017. Т. 2. С. 93–98.

143. Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Тенденции становления отечественной общественной географии: теоретико-методологические аспекты // Географический вестник. 2006. № 2 (4). С. 4–10.
144. Шарыгин М.Д. Пространственно-временная парадигма в общественной географии /Избранные труды. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2018. С.149–154.
145. Шарыгин М.Д. Современные проблемы пространственно-временной организации общества // Пространственная организация общества: теория, методология, практика: сб. материалы междунар. науч.-практ. конф., 7–11 нояб. 2018 г., Пермь, 2018. С. 41–45.
146. Шарыгин М.Д., Осоргин К.С. Территориальная основа организации местного сообщества // Вестник Балтийского Федерального университета им. И. Канта. 2018. № 3. С. 94–104.
147. Шарыгин М.Д. Уральский регион (пространственный анализ и диагностика социально-экономического развития): монография. Западно-Уральский институт экономики и права. Пермь. 2008. 276 с.
148. Шарыгин М.Д., Резвых В.В. География Пермского края, ч. 2. Социально-экономическая география: учеб. пособие / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. 207 с.; Пермский край – территория конкурентного развития: учеб.-метод. пособие / под науч. ред. Т.В. Букиной и Е.Л. Зуевой. Пермь: Изд-во «Астер», 2008. 197 с.
149. Шарыгин М.Д., Чупина Л.Б. Подходы к изучению географического пространства-времени и проблемы, связанные с ними //Географический вестник. 2010. №1 (2). С. 80–90.
150. Шерин Е.А. Концепция цикла производств как инструмент регионального анализа // Вестник Удмуртского ун-та. Серия Биология. Науки о Земле. 2019. Т. 29, № 2. С. 310–318.
151. Шерин Е.А. Перспективы внедрения углепроводного транспорта в России // Вестник Кемеровского гос. ун-та. Серия: политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4, № 4. С. 441–447.
152. Шувалов В.Е. «Бэкграунд» социально-экономической географии // Социально-экономическая география: традиция и современность / под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова. М.; Смоленск: Изд-во Ойкумена, 2009. С. 320–339.
153. Шувалов В.Е. Районирование в трудах экономико-географов // Социально-экономическая география в России / под ред. П.Я. Бакланова и В.Е. Шувалова. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 103–116.

154. Шувалов В.Е. Районирование в российской социально-экономической географии: современное состояние и направления развития // Региональные исследования. 2015. №3. С. 19–29.
155. Яковлева С.И. Инфраструктурное обеспечение регионального развития. Автореф. дисс. д-ра. экон. наук. СПб: СПб гос.ун-т экономики и финансов, 2005. 34 с.
156. Яковлева С.И. Концептуальные основы изучения и развития региональной инфраструктуры// Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «География и геоэкология». 2006. Выпуск 2. №7 (24). С.189–199.
157. Яковлева С.И. Географические функции транспорта// Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «География и геоэкология». 2022. № 1 (37). С. 38–46.
158. Яковлева С.И. Географические функции как системное понятие территориальной организации// Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. науч. ст./ под ред. А.П. Катровского, В.Е. Шувалова, А.А. Агирречу. Смоленск: Изд-во Смоленского государственного университета, 2021. С.207–211. URL: http://www.ecoross.ru/files/books2021/Saushkin_2021.
159. Яковлева С.И. Территориальные функции инфраструктуры в региональном развитии и управлении // Территория и общество: Сб. науч. тр. Пермь, 2002.С.86–93.
160. Changing geographic functions of selected European ports. Final report under Contract Nonr for the period 1 July 1952 – 30 Jun 1955, by Guido G. Weigend. Rutgers University. Dept. of Geography, New Brunswick, N.J. Jun 1955. // U.S. Government Research Reports. U.S. Department of Commerce, Office of Technical Services, 1958. P.38.
161. Rodrigue J.-P., Comtois C., Slack B. The Geography of Transport Systems. Dept. of Economics & Geography, Hofstra University, Hempstead, NY, USA. 2017. 440 P.
162. De Rousiers. Les grands ports de France, leur rôle économique. Paris, 1909. URL: https://www.persee.fr/doc/rnord_0035-2624_1910_num_1_4_5317_t1_0327_0000_1.
163. Flidner D. Raum, Leit und Umwelt eine theoretische Betrachtung aus anthropogeographischer sicht / D. Flidner // Geogr. 1987. Bd. 75. № 2. P. 72–85.
164. Christaller W. Di zentralen Orte in Suddeutschland / W. Christaller. Jena, 1933.

Научное издание

**Изучение территориальной организации общества
в свете идей М. Д. Шарыгина**

Монография

Под редакцией Т. А. Балиной

Издается в авторской редакции
Компьютерная вёрстка: *Т. А. Балина*

Объем данных 4,69 Мб
Подписано к использованию 27.02.2024

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15